

МОЛЕНИЕ КО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ ПРЕД ИКОНОЙ ЕЯ «ИЗБАВИТЕЛЬНИЦА ОТ БЕД»

ИЗ АКАФИСТА В ЧЕСТЬ ЧУДОТВОРНОГО ОБРАЗА

Икос 4

Слыша человечеспии роди всю Твою ко христианом дивную любовь и Твое мощное избавление от всяких находивших на них люпых, научишася пепи Тебе: Радуйся, человеческого рода от бед избавление; радуйся, уныния прогонительнице. Радуйся, бурь жипейских прекращение; радуйся, радости по скорби нам подавательнице. Радуйся, от горя, бед и гибели спасающая нас, бедспвующих, Избавительнице.

Кондак 5

Боготечной звезде подобяшаяся, мрак и темноту в грехолюбивых сердцах разгоняющая, да во свете Твоея любви узряп Господа и вопиют Ему: Аллилуиа.

Икос 5

Видяща людие Российспии Твое нечаянное от многообразных бед избавление, радостно поют сице: Радуйся, в бедах наша Помощнице; радуйся скорбей наших опьятие; радуйся, печалей наших опгнание. Радуйся, в скорбех наше упешение; радуйся, в радостех наше воздержание. Радуйся, от горя, бед и гибели спасающая нас, бедспвующих, Избавительнице.

Кондак 13

О Всепепая, Вселюбимая наша Мати, умилосердися ныне и помилуй в люпых безысходных сущих нас скорбех избавляючи, и научи нас сердечно воспевапи Богу, прощающему нас: Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа.

Величание

Величаем Тя, Пресвятая Дево, Богоизбранная Отпроковице, и чтим образ Твой свяпый, имже почиши исцеления всем с верою припекающим.

Духовный Собеседник

2017 №6(92)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Тольяттинский

Редакционный совет:
Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Епископ Фома (Мосолов)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Дмитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Подмарницын
Д. В. Сивиркин
Монахиня София (Бельчикова)
Ю. В. Изъятский

Над номером работали:
Монахиня Феофания (Купер) – ответственный секретарь
Мария Винникова – редактор
Анна Коваленко – редактор
Евгения Летучая – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.
Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.
Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.
Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф
Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф
Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

**МОЛЕНИЕ КО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ ПРЕД ИКОНОЙ ЕЯ
«ИЗБАВИТЕЛЬНИЦА ОТ БЕД»**..... 1

СВЯТИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО

Митрополит Сергей (Полепкин)
«Мы не одиноки в этом мире» 4

ЖИЗНЬ МИТРОПОЛИИ

К 100-летию явления в Ташле
«Избавительницы от бед» 6

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

Митрополит Мануил (Лемешевский)
«Поминайте наставников ваших»..... 12

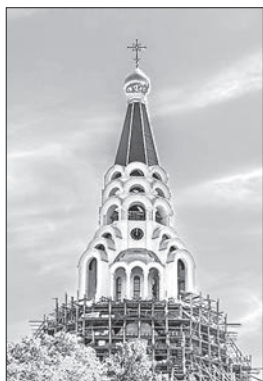

Трибуна русской мысли

Владимир Кипаев
Солженицын в восприятии Шмемана 26
Пропопресвипер Александр Шмеман
Из дневниковых записей о Солженицыне 43
Ответ Солженицыну..... 57
Ольга Седакова
Солженицын для будущего..... 71

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Иван Солоневич
Цареубийцы 74

ИЗОГРАФ

Ирина Языкова
Церковное искусство должно быть
литургическим..... 80
В поисках красоты и истины..... 103
Александр Чашкин
«Господь посылал мне выдающихся людей» 110

«МЫ НЕ ОДИНОКИ В ЭТОМ МИРЕ»

К 100-летию явления в Ташле
иконы «ИЗБАВИТЕЛЬНИЦА ОТ БЕД»

Явленные иконы – знаки особой милости и промысла Божия о народе, который живёт на этой земле. Важно, чтобы каждый человек осознал значительность этого чудного действия – Божественного явления Самой Божией Матери.

Русский народ глубоко почитает Божию Матерь, с трепетом, с любовью усердно молится Ей и горячо отзывается на Её промыслительное действие, а история хранит множество явлений Заступницы рода христианского.

Сегодня, как и всегда, мы надеемся на помощь Божией Матери. Переживая и трагические времена, и свидетельства милости Божией, и позорные унижения отступления от веры, и поругание святых, и злохуления, но, вместе с тем, сегодня в наших сердцах и душах теплится светлая надежда, что Божия Матерь не оставит нас. И сегодняшнее действо, и совершение литургии, прежде всего, и учреждение здесь, в Ташле, женского монастыря, и множество людей, которые пришли поклониться дивному образу Избавительницы – во всем этом наша благодарность и любовь к Божией Матери. Я думаю, Она слышит, и более того, сегодня молится вместе с нами, взирая на нас, на наши сердца и на наши души. Дай Бог, чтобы мы вразумились, стали чище, светлее, осознали историческую ошибку нашего народа, принесли покаяние и усилили, усугубили свои молитвы.

Бог есть по имени и по существу любовь, а *любовь долготерпит, милосердствует, ... все покрывает*, как говорит апостол Павел¹. И мы верим, что Божия Матерь сегодня простит наши согрешения и услышит наши молитвы. Её действо, особенно благодатное, касается каждого, кто искренне приникает к Ней с молитвой. «Радуйся, благодатная, Господь с Тобою!», – сегодня мы молимся и взираем на Нее, и прославляем Ее образ, благодаря Божию Матерь за благодатное действо на нашей земле, которое свидетельствует о том, что мы не одиноки в этом мире. Во всех жизненных невзгодах и обстоятельствах человек имеет светлую надежду и упование, что Пресвятая Богородица всегда поможет, только надо, чтобы и мы изменились, – стали чище, светлее, ближе друг к другу.

Казалось бы, простые слова, прописные истины, но как важно понудить себя, заставить, чтобы остановилось и греховное действо в мыслях, и мы преодолели вражду к ближнему и осознали важность Божественной любви, которая так необходима каждому человеку. Чтобы это исходило от чистого сердца, от осознания своего Божественного и человеческого достоинства, просто от того, что мы любим Бога. Преодолев себя, мы преодолеем многое, и важно, чтобы мы сегодня почувствовали вот это благодатное действо, и Божия Матерь услышала наши молитвы.

Ещё раз сердечно всех поздравляю с праздником явления образа «Избавительницы от бед». Дай Бог, чтобы Матерь Божия всегда помогала каждому из нас, нашим семьям, нашему народу и нашему богоспасаемому Отечеству, которое мы любим, молимся за него, верим, что оно обустроится во всех отношениях и возвратится на свою историческую дорогу, возлюбит Бога, Божию Матерь, и тогда милость Божия не заставит себя ждать. С праздником, храни вас Господь!

Ташла. 21 октября 2017 года

---

¹ 1Кор. 13, 4 – 7.

К 100-ЛЕТИЮ ЯВЛЕНИЯ В ТАШЛЕ «ИЗБАВИТЕЛЬНИЦЫ ОТ БЕД»

В день 100-летия со дня явления иконы Божией Матери «Избавительница от бед», 21 октября 2017 года, митрополит Самарский и Тольяттинский Сергей возглавил служение Божественной Литургии в Троицком женском монастыре села Ташла Ставропольского района Самарской области.

Его Высокопреосвященству сослужили епископ Кинельский и Безенчукский Софроний, епископ Отраденский и Похвистневский Никифор, а также духовенство Самарской митрополии. Богослужebные песнопения исполнил мужской хор Самарской духовной семинарии под управлением игумена Никона (Ратникова). За Божественной Литургией молились многочисленные паломники со всей России. На малом входе Высокопреосвященнейший Сергей возвел настоятельницу Троицкого женского монастыря монахиню Варвару (Ястребову) в сан игуменнии с возложением наперсного креста и вручением игуменского жезла.

По окончании Литургии многотысячный Крестный ход отправился к месту явления чудотворной иконы Божией Матери «Избавительница от бед» – к святому Ташлинскому источнику.

Здесь митрополит Сергей в сослужении епископов Никифора и Софрония совершил водосвятный молебен. Затем владыка Сергей обратился к участникам богослужения с архипастырским словом:

«Жизнь каждого православного человека неразрывно связана с Божией Матерью. С момента рождения и до самой смерти мы имеем покровительство Пресвятой Богородицы и всегда, в течение всей своей жизни, обращаемся к Ней. Различны образы Царицы Небесной, но Она – едина для всех и на все времена. Однажды Она даровала нам Сына Божиего, Который вошёл в человеческое измерение и стал исторической Личностью. И каждый человек, однажды принявший крещение, живёт в этом Божественном измерении, – в лето от Рождества Христова.

И потому-то важно сегодня почувствовать веяние всех времён, которые Господь освятил. Он даровал нам возможность проявлять в себе образ Божий, который заложен в нас. Верующий человек живёт в освящённое время – время, которое Господь дарует ему. Он имеет возможность проникать в тайны Божественного свидетельства, в различные исторические моменты, явления и действия горнего мира. Для верующих нет разделения Божественного царства с земным, потому-то сегодня

образ «Избавительница от бед» очень много значит для нас. В критические моменты своей жизни мы обращаемся к Богу. Дай Бог, чтобы это стало внутренней потребностью: молитвенное общение с Богом, с Божией Матерью, со всеми Небожителями.

Порой беды приходят, как знаки милости Божией, напоминая нам о чём-то или для исправления и вразумления, и тогда мы обращаемся к Богу и просим Божию Матерь: «Избави нас от беды, потому что мы не хотим этой беды, она тяготит и страшит нас и мы чувствуем себя в этом мире одинокими». И Пресвятая Богородица являет эту милость. Даже в скорби или болезни, если божественное присутствие есть в сердце, то человек спокойно переносит все тяготы и испытания.

Дай Бог, чтобы Божия Матерь, которая явилась на нашей самарской земле, – особая милость слышится и в самом названии этой иконы – «Избавительница от бед», избавляла нас от этих бед и испытаний, горестей и утрат, чтобы больше было радости, надежды и божественной любви. Но это будет тогда, когда мы станем все вместе молиться: «Пресвятая Богородица, спаси и помилуй нас!»

ТАШЛИНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ИЗБАВИТЕЛЬНИЦА ОТ БЕД»

Старинное чувашское село Ташла Ставропольского района Самарской области известно на всю Россию тем, что именно в нем Божиим промыслом была обретена великая российская святыня – чудотворная икона Божией Матери «Избавительница от бед». Почему эта святыня была дарована Господом именно в Ташле – тайна Божия, а о самом чудесном явлении иконы известно следующее.

В воскресенье, 21 октября 1917 года по новому стилю уроженке села Ташла девице Екатерине Чугуновой во сне уже в третий раз явилась Божия Матерь и повелела выкопать из земли Ее икону в указанном месте. Проходя по дороге к ташлинскому храму мимо этого места, Екатерина увидела двух ангелов, несущих икону Пресвятой Богородицы, озаренную ярким сиянием. И когда они опустили на дно оврага, это видение исчезло, а Екатерина упала в обморок. Когда же она вновь пришла на это место со своей подругой Феодосией Атякшевой – видение повторилось, и Екатерина опять упала в обморок. Тогда подруги пошли к проживающей неподалеку Параскеве Гавриленковой и, захватив косырь, уже втроем вернулись в овраг. После того, как видение повторилось в третий раз, Екатерина, очнувшись от обморока, указала место, где нужно копать. Когда яма была глубиною с аршин, Параскева ощутила косырем что-то твердое, стала руками разрывать грунт и вынула из земли небольшую икону Божией Матери, которая лежала ликом кверху. Как только Параскева вынула из земли икону, в том месте тотчас забил родник.

По словам настоятеля ташлинского Свято-Троицкого храма митрофорного протоиерея Николая Винокурова, «икона явилась как утешение в самое тяжелое время, когда стали разорять монастыри и храмы, людей убивали или ссылали, когда народу неоткуда было ожидать помощи – и обнадеживала, что это еще не конец, будет еще возрождение. И вот идет возрождение, храмы стали сиять крестами. И даже природа все лето с громом, с молнией пробуждает народ – вставайте, молитесь! Божия Матерь всегда за нас молится, всех призывает к Себе. По милости Божией мы живем, по молитвам Божией Матери».

Колодезь постоянно углубляли и очищали, в засушливые 1920 – 1922 годы он был почти единственным источником, снабжающим водой село. До 1925 года с иконой «Избавительница от бед» устраивались крестные ходы. Со всего Поволжья люди шли к ставшему святым месту. Многие получали исцеления от неизлечимых болезней.

Безбожная власть закрыла церковь, но верующие надежно прятали святую икону, передавая ее из дома в дом. Тогда свою злобу власти выместили на источнике – завалили святое место навозом. Но родник выжил – пробился недалеко от прежнего места.

Вновь церковь открыли сразу после Великой Отечественной войны. Тогда же в храм люди принесли икону Божией Матери «Избавительница от бед».

Одной из форм поклонения и благодарения Господу и Богородице стали многотысячные крестные ходы из Самары и из Тольятти в Ташлу.

Из Самары крестный ход отправляется в первый день Петрова поста. За три дня паломники с молитвой, крестами и иконами проходят более 80 км, неся на себе свои немощи и болезни, а в душе и сердце – неземную радость. Впервые он состоялся в 1998 году, и с каждым годом участие в крестном ходе принимает все большее количество паломников со всей России.

По молитвам Царицы Небесной щедро изливается благодать Божия на участников крестного хода: люди обретают крепость веры, получают исцеления от мучивших годами недугов, встречают будущего супруга или находят невесту, получают Божие благословение на долгожданное рождение ребенка, – чудесам Божиим нет числа. По благословению митрополита Сергея, с июля 2013 года идет непрерывный казачий крестный ход со списком чудотворной иконы «Избавительница от бед».

Каждый год 21 октября у святой купели перед образом Царицы Небесной митрополит Сергей совершает водосвятный молебен и поздравляет верующих с замечательным праздником.

Решением Священного Синода от 16 апреля 2016 года в селе Ташла Ставропольского района Самарской области открыт Троицкий женский монастырь.

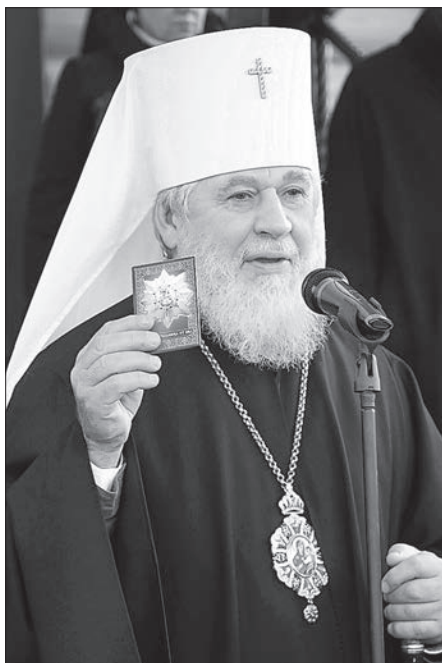
Митрополит Самарский и Тольяттинский Сергей, епископ Отраденский и Похвистневский Никифор и епископ Кинельский и Безенчукский Софроний на литургии в ташлинском храме 21 октября 2017 г.

Возведение настоятельницы Троицкого женского монастыря в Ташле монахини Варвары (Ястребовой) в сан игуменни

Настоятель Свято-Троицкого храма протоиерей Николай Винокуров

Благословение митрополита Сергия

Свято-Троицкий храм села Ташла

*Молебен на святом источнике на месте обретения в 1917 году
иконы «Избавительница от бед»*

Крестный ход в Ташле к месту явления чудотворной иконы

На святом источнике

Храм в честь явленной иконы «Избавительница от бед»

*Фоторепортаж Дениса Козенко, Екатерины Жевак
и Константина Бобылева.*

«ПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ»

СХИМОНАХИНЯ СЕРАФИМА

Схимонахиня Серафима была первоначальницей Головинского Казанского женского монастыря¹, первой его настоятельницей. Она то и собрала обитель. В миру ее звали Мария, в монашестве – Магдалина. Родилась 1 апреля 1832 года в семье крестьян Тульской губернии Ефремовского уезда деревни Красной Михаила и Марии Стрельниковых. В 1857 году она поступила в Троекуровский женский монастырь Тамбовской губернии Лебедянского уезда. В 1864 году оставила этот монастырь и пришла в село Новый Келец Скопинского уезда Рязанской губернии, где под руководством тайно постриженного в монашество крестьянина Иродиона Ивановича Гулина² провела около шести лет.

В 1869 году в первых числах декабря из Нового Кельца вместе с крестьянскою девицей Екатериною Муравлевой, впоследствии казначеей Головинского Казанского монастыря м. Еликонидой, приехала на житие в с. Головино Московского уезда (ныне г. Москва, Кронштадтский бульвар, 33). Здесь, в 1882 году 30 октября, была избрана в начальницы новоучрежденной Казанской женской общины и 2 декабря того же года утверждена в этой должности Высокопреосвященным Иоанникием, митрополитом Московским и Коломенским³.

В 1883 году 5 октября пострижена в рясофор. В 1886 году избрана на должность настоятельницы Головинского Казанского женского монастыря, а 29 апреля 1886 года утверждена в этой должности его Высокопреосвященством. В том же году 18 мая пострижена в монашество. Согласно ее прошению, уволена от должности настоятельницы 7 января 1887 года и оставлена в числе монашествующих сего монастыря.

По рассказам м. Дионисии и других сестер, схим. Серафима была очень добрая. Бывало, после праздника, когда готовили повкуснее, так она все велела раздавать певчим.

Публикуется впервые. Продолжение. Начало в «ДС» № 1 (81). Воспоминания подготовлены к печати кандидатом исторических наук А. П. Семеновой по материалам архива митрополита Мануила (Лемешевского), предоставленным А. С. Ивановой.

¹ О Головинском Казанском женском монастыре читайте в «ДС» № 81 за 2016 год, стр. 24 – 41.

² Там же. С. 26 – 27.

³ С 1882 по 1891 год митрополитом Московским и Коломенским был Иоанникий (Руднев).

В 1896 году в мае во время гуляния на Ходынке¹, говорила матушке Дионисии: «Сколько народа идет на небо: и дамы, и мужчины с зонтами, и разодетые, и бедные...»

А вот как предсказывала матушка закрытие Головинского монастыря: «Глядите, глядите! Солдатица, мужичица, что наделали с монастырем-то!», – восклицала матушка, когда о разгоне и предположить еще нельзя было.

При составлении описания Головинской обители м. Серафима давала нужные для этого сведения, имея от Бога дар слова.

Перед смертью, когда ей было около девяноста лет, она ослепла. Умерла схимонахиня Серафима 22 мая 1919 года.

СХИМОНАХИНЯ ИОАННА (РЕПКИНА)

Схимонахиня Иоанна родилась в 1850 году в Харьковской губернии, в селе Рогово. Родители ее были зажиточные крестьяне. Отца звали Козьма, мать Анной. Фамилия их была Репкины. У м. Иоанны брат был афонским монахом. Во время революции 1917 года он принял мученическую кончину.

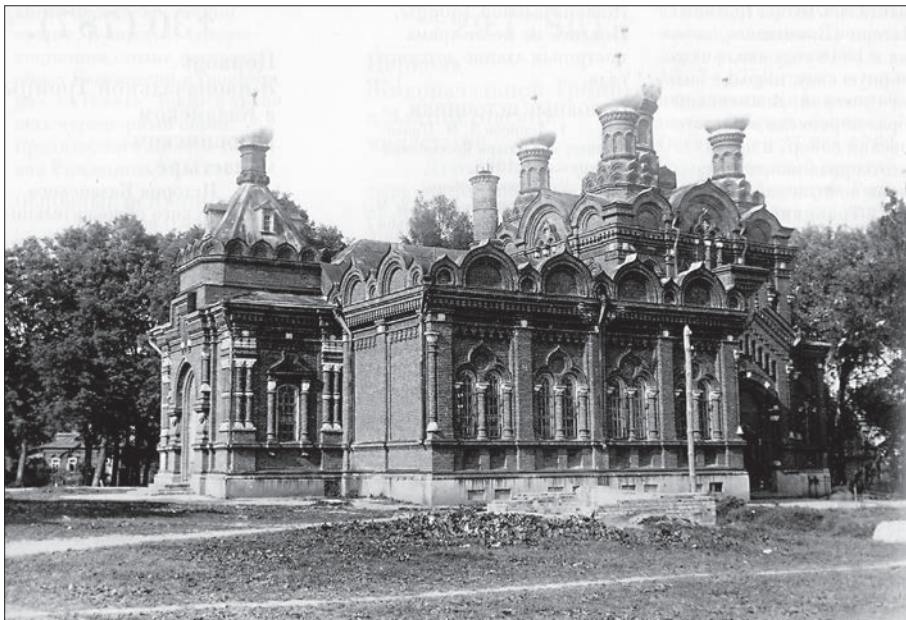
Юная Иоанна, тогда еще Евдокия (день ангела ее 14 марта), с двадцати лет пошла странствовать по святым местам. Благословения на это она ни у кого не получала, а пошла по своему усердию и влечению к иноческой жизни для служения Богу. Однажды пришла она в сельцо Головино. Там жили две девицы Мария и Екатерина из города Новый Келец. У них была Казанская икона Божией Матери, привезенная схимонахом Николаем². Он благословил это место и оставил там жить Марию и Екатерину в ожидании открытия монастыря. Евдокия Репкина пришла к ним, когда старец Николай был еще жив. «Примите ее, она вам нужна будет», – сказал он Марии и Екатерине.

С этого времени девицы стали трудиться втроем и так прожили двенадцать лет, служа барыне Головиной как крепостные за фунт хлеба. Им было очень трудно, и только слова схимонаха Николая воодушевляли их на этот подвиг. Евдокия Репкина не выдержала и ушла в Московский Алексеевский монастырь, но пожив немного там, вернулась в Головино. Жизнь стала еще невыносимее: вместо хлеба барыня стала платить один

---

¹ Как выяснила следственная комиссия, трагедия на Ходынском поле 18 мая 1896 года была тщательно спланированной акцией, которая должна была сорвать коронационные торжества и дискредитировать нового Государя Императора Николая II. Виновник трагедии, министр двора граф Воронцов-Дашков, после разоблачения в 1897 году, получил отставку.

² Схимонах Николай (Гулин Иродион Иванович). Читайте о нем в «ДС» №1 (81), стр. 26 – 27.

Головинский Казанский женский монастырь

рубль в месяц. Тогда все три девицы решили покинуть Головино. Барыня уговаривала: «Вот когда мой Миша (муж) умрет, я сделаю здесь монастырь». А муж умер после нее.

К девицам ездил иеродиакон Серафим¹ из Данилова монастыря. Узнав, что те решили уходить из Головина, он сказал: «Зачем вы хотите уйти? Здесь будет хороший монастырь!» Потом обратился к Екатерине и Евдокии: «А вы и вовсе золотые колесницы. Вам отсюда некуда уходить». Через некоторое время иеродиакон Серафим привез в Головино купца Сидорова², который выстроил дачу и сказал девицам: «Идите жить ко мне, пока не откроется монастырь». Девицы смутились: «Как мы перейдем жить к купцу, когда старец нас благословил жить у барыни?!» Снова пришел к ним иеродиакон Серафим и сказал, чтобы Мария и Евдокия не смущались и шли жить к купцу, а Екатерине велел остаться. Она сказала, что страшно оставаться одной. Тогда и ее благословили переехать. Мало-помалу набралось семь девиц.

---

¹ Иеродиакон Серафим – личность не установлена.

² Никита Игнатьевич Сидоров был из зажиточного купеческого рода. Богатый наследник, он стремился уйти от мира, но архимандрит Иона, великий старец Свято-Троицкого Киевского монастыря, благословил его управлять имением. Увеличив доходы вдвое, Никита Игнатьевич нажил капитал, и на эти деньги было куплено 7 десятин земли, и устроено на 21 декабря 1876 года Казанская Головинская женская обитель.

Когда девицы ушли из головинского барского дома, барыня заболела. Она по-своему любила их и однажды, когда Екатерина Муравлева собралась ехать в Старый Иерусалим¹, барыня подвела ее к Казанской иконе Божией Матери и сказала: «Дай слово при Царице Небесной, что ты вернешься ко мне», – и отпустила под расписку. Она очень горевала о том, что девицы ушли из ее дома. Дочь ее, София Николаевна, поехала к ним и сказала: «Сестры, придите к маме проститься, она умирает!» Все пошло к барыне в дом, плакали, просили прощения. В декабре, когда барыня умерла, Евдокия и Екатерина поехали к ней на дом читать Псалтирь.

Как-то вечером слышат они, что приехали к Софии Николаевне какие-то люди, и что она собирается продавать им Головино. Екатерина Муравлева, как старшая, оставила Евдокию читать Псалтирь, а сама побежала к Никите Игнатьевичу и всё рассказала. На следующий день он отправился к Софии Николаевне и сообщил ей о своем желании купить Головино, напомнив, что барыня обещала открыть здесь монастырь. София Николаевна пошла навстречу и продала Головино за пятнадцать тысяч рублей, хоть ей давали вдвое больше. Так Головино осталось за Н. И. Сидоровым.

Вскоре Николай Игнатьевич выстроил церковь во имя Казанской иконы Божией Матери, и при этом храме образовалась община, в которой Мария стала настоятельницей Магдалиной (в схиме Серафима), Екатерина казначеей Еликонидой (в схиме Евгения), а Евдокия Репкина благочинной Иоанной. Головинский монастырь открылся в 1885 году. Первоначальные сестры хранили обет нестяжания, для себя ничего не имели кроме одной верхней одежды на семерых, которая надевалась, когда требовалось куда-нибудь сходить. Всё, что они имели, принадлежало Царице Небесной. Но мало-помалу Господь посылал им благодетелей, и монастырь окреп. Бывало, поедет благочинная Евдокия в Москву и привезет всем сестрам обновки. «Матушка, не нравится мне, что ты купила», – скажет одна из них. «Ничего-ничего, я тебе обменяю», – ответит м. Иоанна. Потом Евдокия была сборщицей средств для благоустройства монастыря. Ходила пешком, собирала деньги и набрала десять тысяч рублей, а сама ничего не имела.

Матушка Иоанна была как факел, горящий перед Богом, и такими же учила быть своих духовных дочерей. Матушка Дионисия однажды сидела и вышивала на пяльцах. «Ах, как ты хорошо рукодельничаешь! – сказала ей м. Иоанна. – Вот кабы ты перед Богом так горела в молитве!»

¹ Старый Иерусалим – часть г. Иерусалима, где находится храм Воскресения Христова, более известный как храм Гроба Господня.

Двадцать восемь лет лежала м. Иоанна парализованная, она не могла ни сидеть, ни ходить, терпеливо переносила скорби и не просила у Бога исцеления. «Господи, как я предстану перед Тобой!» – говорила старица, плача о своих грехах. Иисусову молитву матушка творила постоянно. Чтила она Царицу Небесную, очень любила читать духовные книги и многое знала наизусть. Молилась она, еще с молодости, со слезами, прозорливость свою не выказывала, но помогала людям своими молитвами.

Прославляла ее блаженная Ольга Афиногеновна, посылавшая к м. Иоанне многих людей за советом и молитвенную помощью. Эти люди приносили продукты, которые отправлялись ссыльным сестрам [имеются в виду годы гонений]. Ольга Афиногеновна называла ее то «Иван Милостивый», то «отец Иван», а то скажет: «Идите в Ивановскую обитель». Когда сестры, жившие при церкви, думали, что их выгонят из домика, они пошли к Ольге Афиногеновне. Блаженная только усмехнулась: «Ну, Ивановская-то обитель, пятьдесят четыре старца там!»

Перед смертью напали на матушку Иоанну вши. Матушка Досифея обратилась к Ольге Афиногеновне за советом. «Это ничего, вши – это серебро», – ответила блаженная. Если что-то сестры делали без благословения м. Иоанны, у них все портилось или ничего не выходило. Однажды поставили они хлеб, но не благословились, так как надо было спросить, сколько чего положить, а им хотелось добавить как можно больше сахара. Как же было досадно, когда вместо сахара сестра по ошибке всыпала соль и пришлось подсыпать порядочно муки, чтобы разбавить тесто. В другой раз м. Дионисия решила запasti самой себе побольше яиц. Купила она себе два десятка яиц, а еще десяток взяла без спроса у м. Иоанны. На другой день сварила яйцо и вышла на крыльцо, чтобы съесть его тайком от матушки. Откусила первый раз, яйцо было свежее, второй раз откусила и видит, что в яйце жирный червяк ворочается... Испугалась она, закричала, бросилась к старице и во всем ей чистосердечно призналась. Схимница заплакала: «Господи, Иисусе Христе! Царица Небесная! Простите меня за мою скупость! А ты проси прощения за то, что не слушаешь меня!» И с тех пор м. Иоанна позволила м. Дионисии брать все, что ей было нужно. Незадолго до смерти предсказала сестрам, живущим в сторожке неподалеку от церкви: «Вы будете жить здесь. Ты, матушка Дионисия, пять лет проживешь и примешь схиму, принять ее тебя подгонят скорби. Живем мы в последние времена». Очень хотела м. Иоанна перед смертью видеть свою племянницу. И верно по ее молитвам, племянница неожиданно попала в Москву, буквально за две недели до смерти схимницы. «Ну теперь я могу спокойно умереть: отдала ей все распоряжения перед смертью», – сказала м. Иоанна.

Однажды м. Анисия спросила схимницу: «Матушка! А были вам какие-то видения?» Старица ответила: «В день памяти святой равноапостольной Нины была я причастницей и вот вижу, что в комнате сделался необычайный свет, будто солнце засияло, и посетил меня Господь. Раздался голос: “Прощаются тебе грехи твои. Потерпи еще немного”, – и все исчезло». В другой раз схимница видела Господа постом. При ней тогда была м. Евтихия, которая за ней ходила последние два года. Неожиданно лицо старицы засияло, и она восторженно воскликнула: «Я вижу Господа! Люблю, люблю, люблю Тебя, Господи!» – и зарыдала. В последнее время она с радостью ждала смерти. На вопросы м. Анисии и м. Сергии, как им жить, схимница отвечала: «Как живете, так и живите». Перед смертью м. Иоанна причащалась каждый день. За несколько дней до кончины ее соборовал о. Амвросий. В день смерти после причастия м. Анисия спросила: «А завтра будете причащаться?» – «Да уж и не знаю, – как батюшке будет угодно». До последней минуты она была в памяти, наставляла сестер и каждую благословляла: «Живите в мире между собою. Ты, Дионисия, переходи жить на мое место». Стали матушку поднимать, и голова ее покачнулась: «Голова-то как не моя», – вздохнула схимница. Поспешили за батюшкой, и он стал читать по ней отходную. Минут через десять она тихонько склонилась и умерла. Произошло это 2 июня 1933 года. Когда ее стали обмывать, то поняли, что это святые мощи.

Матушка Дионисия вспоминала, как ей в то время казалось, будто поют «Святый Боже...». Настроение у всех было свято-молитвенное, хотя и не могли сдерживать слез. Из церкви гроб с телом праведницы несли на руках. Лошадь брела рядом, – всем хотелось нести гроб самим до самой могилы. Все плакали. Отпевали усопшую о. Амвросий и еще два священника. Погребена матушка на головинском кладбище, в лесочке.

Сообщено м. Дионисией 8 июля 1933 года

СХИМОНАХИНЯ ЕВГЕНИЯ

Схимонахиня Евгения была первой насельницей Головинского монастыря. Пострижена в монашество она была с именем Еликонида. В миру ее звали Екатерина Яковлевна Муравлева, и была она дочерью крестьянина из села Большие Ольховцы Лебединского уезда Тамбовской губернии. Она вместе с девицей Марией Михайловной Стрельниковой (впоследствии игуменией Магдалиной) и м. Евгенией по благословению схимонаха Николая (Гулина) осталась в Головинской усадьбе. Двадцать восемь лет ей было при пострижении в монашество, за это м. Еликонида роптала на схим. Николая: «В миру живу, такая я еще молодая, а он постриг меня в мантию!»

Как-то схимонах Николай послал своих духовных дочерей в дом к богатому купцу читать сорокоуст. Мирская обстановка смутила Катю (м. Еликониду), дочки хозяйские отнеслись к ней с любовью, и она стала роптать: «Вот, послал меня в мир, такую молодую!» А старец и говорит: «Вот и нужно спастись около огня и воды. Это я для будущего монастыря столбчиков приготовил. Вы, хоть и в миру, находитесь под защитой ограды духовной».

Одно время в монастыре жила с ней ее родная тетя по имени Васса, которая была простой послушницей. Скончалась она за полгода до открытия монастыря. Молилась схим. Евгения, когда уже не могла стоять, сидя. Обложится книгами, Псалтирь читала, акафисты. Когда в последний раз перед смертью отец В. исповедовал ее, то спросил: «Продолжаете ли вы, матушка, умную молитву?» – «Никогда не перестаю», – отвечала она.

Схимонахиня Евгения – одна из первоначальниц Головинского женского Казанского монастыря. Еще до основания обители, когда кругом была пустошь, иеродиакон Серафим из Данилова монастыря подбадривал приунывших сестер-первоначальниц: «Зачем же вы отсюда уходить хотите? Это ли не собор стоит? Это ли не монастырь?» А м. Еликониде, будущей схим. Евгении, предсказал: «Под каменным собором твоя могила будет...»

Сначала матушка Еликонида была в монастыре казначеей. Очень она любила молиться и не терпела сладкого. «Мне это вредно, вредно», – бывало скажет она. Но чаек, иногда с лимоном, уважала. Была немногословна, а уж если скажет, то скажет пронзительные слова.

Отличалась щедростью, отдавала нищим все, что имелось, даже платок, в котором деньги несет. Заведутся у келейницы кой-какие денежки, матушка Евгения немедля благословляет ее отправляться на богомолье в Киев или в другое святое место. Та свои сбережения обычно и потратит...

Однажды матушка Евгения сильно заболела. Случилось это в день, когда открывали мощи св. Феодосия¹. Двадцать дней лежала она, болезнь окончательно скрутила ее (это была дизентерия в тяжелой форме), – доктор приговорил матушку Евгению к смерти. «Вот ухожу я в церковь как раз под Рождество Богородицы, – вспоминает матушка Дионисия, – а матушка лежит чуть живая. Кончилась всенощная, прихожу я оттуда, а она ожила, словно встрепенулась вся, и говорит: «Знаешь, где я нахожусь-то? Вот ушли вы все, лежу я, и вдруг келья моя начала раздвигаться, а от печки солнечный шар появился и лучами раздвинулся, а внутри-то их Сама Матерь Божия Казанская.» – “Что это означает?” – говорит

---

¹ Перенесение мощей преподобного Феодосия, игумена Печерского, состоялось 14 августа.

какой-то неведомый голос. “Это Матерь Божия Казанская гнилые цветы посещает...” И все исчезло. “А где Она сейчас?” – спрашиваю я. “А Она теперь пошла сестер посещать”, – опять отвечает неведомый голос».

И что же? После этого чудного посещения стала матушка Евгения поправляться. С постели поднялась, ходить начала. А доктор думал, что умирает она. Приезжает к нам в монастырь, а матушка ему навстречу из кухни идет с редькой в руках. Он глазам своим не верит: мертвец из гроба живым встал! А она благодарит его. «Да что вы, что вы, матушка! Я здесь ни при чем!» – говорит он. А батюшка по ней уже и отходную в церкви прочитал.

Когда предложили матушке Еликониде принять схиму, она наотрез отказалась. Сначала ее было отставили от должности казначеи монастыря, а потом хотели облечь в схиму, как бы в утешение за это. Вот и поехала она с матушкой Дионисией за советом к старцу Антонию¹ в Киев. Выслушав ее, он долго молчал, а потом и сказал: «Знаешь, матушка, я тебе что скажу: у нас в саду стояла яблоня большая, а садовник макушку срубил у нее... Год прошел, плоды появились. Ветки не держат плодов».

Был у м. Еликонида старец – иеромонах отец Израиль из Тихоновского монастыря² в Калуге. К нему-то она и поехала за советом. Выслушал он ее и говорит: «Напрасно, матушка, отказалась от схимы. Это не всем дается!» – «Я не умею жить: как по-земному, так и по-небесному!» – отвечала матушка. – «Тебе предложат и в третий раз. Поклонись матушке игуменье в ноги, поблагодари ее за все и прими это как дар небесный».

Вернулась матушка Еликонида в Головино, а матушка Олимпиада уехала на операцию. Так и не сказала матушка Еликонида об этом никому. Игуменья Олимпиада посылает к ней (как раз в день ее Ангела) матушку казначею спросить, не советовалась ли та с кем-нибудь из старцев о принятии схимы. Не хотела лукавить матушка и рассказала все, что посоветовал ей старец. Обрадовалась матушка игуменья, послала за благословением к митрополиту Владимиру, игумену Покровского монастыря, и с его разрешения иеродиакон Серафим постриг матушку Еликониду в схиму с именем Евгения [не может быть, так как Серафим умер в 1883 году. – *Митр. Мануил (Лемешевский)*]. Двенадцать лет она пробыла в схиме и была первая схимница Головинского монастыря.

---

¹ Иеросхимонах Антоний, старший духовник Киево-Печерской Лавры, ученик и келейник оптинского старца Леонида и сподвижник старца Макария. Скончался о. Антоний 10. 10. 1880 г.

² Свято-Тихонова Успенская Калужская пустынь в честь свт. прп. Тихона Калужского. Основана старцем Тихоном в 1485 г. в 18 километрах от Калуги. Он жил на том месте в дупле старого дуба в молитве и безмолвии. Вокруг него стали собираться отшельники, обустроилась обитель. В октябре 1918 года монастырь был закрыт, в 1993 году возрожден.

Когда кончалась матушка Евгения, то слышала, словно поют трое юношей лет пятнадцати. И когда ее спросили: «Матушка! Как же они одеты?» – она ответила: «В военном».

+ + +

Матушка Дионисия рассказывала: «Вот появилась у нас в монастыре одна «прозорливая», монашенка Матрона из Влахернского монастыря¹. Наши-то монашки доверчивые такие – приняли ее за прозорливицу. Однажды и говорят мне: «Возьми ее и покорми у себя!» А я подумала, приведу к м. Евгении прозорливицу, она и ее научит жить как надо, и меня. Пошли мы к схимнице. Подходим, а мне вдруг страшно стало. Оставила м. Матрону за дверью и говорю: «Матушка! Я одну прозорливую монашку привела!» А схим. Евгения отвечает: «Ты что всех врагов к нам приводишь!» Потом перекрестилась и говорит: «Дай четки!» Вошла м. Матрона и говорит: «Благословите!» – «Ты что же, все знаешь?» – спрашивает матушка Евгения, пристально глядя на вошедшую: «Как тебя звать?» А та ей: «Ты хвораешь, я тебя исцелю». Матушка отказалась, взяла в рот святой воды, да как брызнет на Матрону, та и упала замертво... Положили мы ее на диван. Матушка испугалась, думает, не умерла ли «прозорливица», давай меня бранить: «Зачем ты всех сюда таскаешь! Что нам теперь будет?!» С 12 часов дня до 4 пополудни пролежала Матрона без чувств. Наконец очнулась по матушкиным молитвам. «Ну что, будешь теперь исцелять?» – спросила ее матушка Евгения. «Нет, – отвечает Матрона. – Ну и схимница, задала мне перцу! Как она меня жезлом своим дернет, так я и упала. Теперь пойду в свою обитель трудиться». И с тех пор мы ее больше не видали.

Снилась матушка Евгения матушке Анне (Травкиной) года за три до разгона монастыря. Будто пришла она и говорит: «Жалко, жалко мне вас всех [сестер]! Прогонят вас. И никто-то не будет вас там знать, кто вы и откуда!»

Скончалась схимонахиня Евгения (Муравьева) 31 октября 1912 года. Погребена рядом с игуменией Филаретой у Казанского храма.

Записано со слов м. Дионисии

---

¹ Спасо-Влахернский общежительный женский монастырь возле г. Дмитрова при с. Ново-Спасском. Учрежден в 1861 г. из основанной в 1852 г. вдовою Анной Гавриловной Головиной женской общины. В монастыре находилась Влахернская икона Божией Матери Одигитрия, список с хранящейся в Московском Успенском соборе Влахернской иконы Божией Матери из Царьграда, принесенной в 1654 году в дар царю Алексею Михайловичу. Там же находился Нерукотворенный образ Спасителя, которым в 1391 г. великий князь Василий Димитриевич благословил Мангупского князя Комнина, родоначальника Головиных.

СХИМОНАХИНЯ ФОМАИДА

Схимонахиня Головинского Казанского женского монастыря Фомаида была из Воронежской губернии. Имела дар непрестанной молитвы. Была проста, как Павел Препростой¹. Лет ей было около восьмидесяти. Роста она была небольшого, худенькая, лицом похожа на митрополита Макария². Нищета ее была чрезвычайная. Питалась тем, что наберет для нее духовный сын ее Павел Смирнов. Любила она очень подвижников и блаженных, в ее поминания были записаны все воронежские подвижники. Схимонахиня Фомаида скончалась в феврале или в марте 1918 года.

СХИМОНАХИНЯ АПОЛЛИНАРИЯ

Схимонахиня Аполлинария – одна из первоначальниц Головинского монастыря. Раньше подвизалась в Аносином монастыре. Была она молитвенница, пела в церкви. Умерла старица 18 августа 1930 года восьмидесяти лет от водянки. В схиму облечь ее, пока она была в монастыре, не удалось, а свершилось это перед самой ее кончиной. Увидела матушка Дионисия сон, будто стоят два дерева: одно засохшее, другое покрытое пышной зеленой листвой. Проснулась матушка Дионисия и думает: «Что бы это все значило?» Сон-то уж больно ясный... И вдруг словно кто натолкнул ее на мысль, что живут у них две первоначальницы монастыря, но одна из них облечена в великую схиму, другая лежит больная, умирающая, как дерево без листьев, – непокрытая.

Побежала матушка Дионисия скорее к умирающей: «Матушка Аполлинария! Я видела о тебе сон! Надо тебя в схиму облечь, желаешь ли ты?» А матушка Аполлинария отвечает: «Мне очень хотелось раньше облечься в великий ангельский чин, а теперь боюсь, что недостойна я по грехам моим! Впрочем, посоветуйся с духовником об этом». Быстро сшила матушка Дионисия облачение и поехала к владыке Варфоломею³ за благословением на схиму. Как услышал он ее рассказ, так и заторопил: «Скорее! Не медлите ни минуты! Облеките ее в схиму!» Так и сделали, а вскоре после этого она скончалась.

СХИМОНАХИНЯ АФАНАСИЯ

Схимонахиня Афанасия была одной из первоначальниц Казанского Головинского женского монастыря, вела жизнь подвижническую.

---

¹ Преподобный Павел Препростой (IV) век подвизался с Антонием Великим, † 4 октября.

² Святитель Московский Макарий (Невский), † 16 февраля 1926 г.

³ Архиепископ Сергиевский, викарий Московской епархии (1921 – 1935) Варфоломей (Ремов).

Каждый день ходила в церковь и пела в хоре до самой смерти. После первого посещения¹ Головинского монастыря приснилась схим. Афанасия матушке Дионисии и сказала: «Что же ты меня забыла записать?» Матушка Дионисия давала сведения о почивших сестрах-подвижницах Головинского монастыря, а схимонахиню Афанасию упомянуть забыла. Умерла 9 сентября 1930 года. Похоронена на новом кладбище Казанского Головинского женского монастыря в лесу.

Записано 4 сентября 1931 года

СХИМОНАХИНЯ АГНИЯ

Схимонахиня Агния слепенькая жила в Павловском женском монастыре Владимирской губернии. Слепла, когда подходила [в видении (?)] к аду, опалило ей огнем все лицо... Похоронена м. Агния в Павлове.

Записано со слов монахини Елены

СХИМОНАХИНЯ АЛЕКСАНДРА

Старица Александра жила на Смоленском рынке. Была она приезжая, казачка. Лежала все время на кровати с Псалтирем в руках. Светлая она была, несмотря на свои 125 лет, седая, средней полноты, приветливая. Лицо ее всегда сияло улыбкой. Имела м. Александра дар прозрения и утешения. Каждый, кто обращался к ней за советом, уходил с радостью. Очень любила старица Божию Матерь, и Она Сама к ней являлась. Умерла схим. Александра в феврале 1925 года 125-ти лет от роду. Погребена на Ваганьковском кладбище.

Записано со слов М. Н. 5 ноября 1931 г.

СХИМОНАХИНЯ САРРА

Схимонахиня Сарра происходила из рода Потемкиных. Поместье их было в селе Беломир Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Отца ее звали Александр Иванович, мать Анна Михайловна. Во святом крещении девочку называли Надеждою. У родителей она была пятой дочерью, появилась на свет 6 августа во время Отечественной войны 1812 года. Когда жгли имение, чтобы оно не досталось врагу, младенца спасла из огня кормилица. Надежда была внучкой родной сестры старца Зосимы², основателя Троице-Одигитриевского общежительного мона-

---

¹ По заданию митрополита Мануила (Лемешевского) его духовные чада собирали и записывали в 1929 – 1933 годах жизнеописания подвижников и праведников XIX – XX вв. Часто это далеко не исчерпывающие сведения, но все вместе они составляют тот образ Святой Руси, который светил во времена безбожия, и *тьма не объяла его* (Ин. 1, 5).

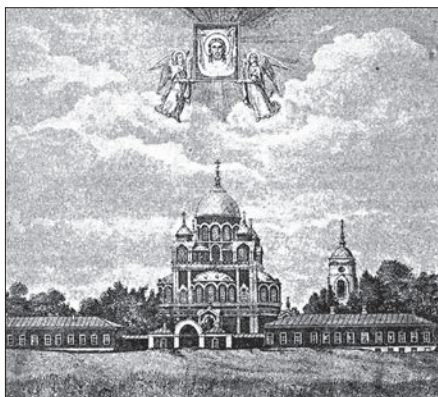
² Прп. Зосима (Верховский), память 24 октября в Соборе Брянских святых и в Соборе Московских святых.

стыря (Зосимовой пустыни), что в 46 верстах от г. Вереи. С ним-то и приехала девочка к игумении Марии (Тучковой), основательнице Спасо-Бородинского женского монастыря. «Мария! Я привез тебе ягненок, но со временем будет из него овечка», – сказал старец Зосима, двоюродный ее дедушка.

+ + +

Схимонахиня Сарра была высокая, худая, спала на голых досках, под головою вместо подушки – полено. Пятьдесят лет страдала: ноги сводило так, что порой ступни упирались в спину и носить ее приходилось келейнице. Говорила она премудростями. Как-то матушка Серафима приехала в Бородинский монастырь по делам своих господ. Ей там и советуют: «Ты пойдти к нашей схимонахине Сарре, она тебя благословит». «Не могу сейчас, лошади запряжены, в другой раз», – сказала м. Серафима и уехала. А самой очень хотелось побывать у дивной схимницы, и слова эти запали ей в душу. В другой раз, когда она снова с поручением от господ приехала в монастырь, зашла она к м. Сарре. Сидела схимница у порога в коридорчике, голова ее была покрыта салфеткой. Ласково встретила она м. Серафиму и сказала ей: «У нас с тобой денег-то нет, одни только грехи...» – «Да», – соглашается м. Серафима. «Ну что же, можно и помолиться. Ты хочешь в монастырь идти? Ничего, можно и в миру жить и спасться, в монастыре-то больше грехов», – сказала схимница, надела на м. Серафиму четки и прибавила: «Ты ко мне всегда приезжай!» С тех пор м. Серафима стала ездить к ней в свободное время, и та принимала ее всегда с большой любовью и радостью, так что келейница, бывало, как завидит, что м. Серафима приехала, то и скажет: «Подожди к ней ходить, посиди у меня в комнате, а то из-за тебя матушка народ перестанет принимать». Так, бывало, она сидит и ждет у послушницы в комнате, когда народ разоидется.

Однажды попросилась ехать с м. Серафимой к м. Сарре одна старушка из Москвы. Привезли они с собой пирог. Ласково приняла м. Серафиму старица и не отпускает из монастыря. А старушка, которая увязалась вместе с ней ехать, все домой торопится, поскорее назад в Москву. «Ты таких ко мне не привози! Я таких не люблю. – И их принимать не буду, и тебя!» – предупредила схимница. <...>

Спасо-Бородинский женский монастырь

Зимой как-то наказывает м. Серафиме: «Ты мне гроздочку винограда пришли». – «Да матушка, откуда же мне ее взять?!» – воскликнула м. Серафима. «Нет-нет! Пришли!» Приехала м. Серафима домой, и что же? Приезжает из Москвы ее барин (праздновалось его рождение) и привозит с собой виноград. Дал и ей большую кисть... Она наняла женщину и отослала с ней м. Сарре гроздь винограда.

В миру м. Серафиму звали Ксенией. Вот как-то приезжает она к старице, а та и спрашивает ее: «Ты когда будешь именинница?» – «24 января», – отвечает Ксения¹. «Ну так вот! Пришли мне пирожок!» – «Да я буду в Москве! Он замерзнет, матушка!» – «Нет-нет! Я лучше знаю! Ты отнеси его в Вознесенский монастырь. Найди там такую-то монашенку и ей передай, а она уж знает, как переслать его мне! Да ты накануне пришли, я в твой Ангел буду есть его!» Вот испекла м. Серафима два пирога, один постный, другой скоромный, и понесла в Вознесенский монастырь. Приходит, спрашивает монашенку, а ей говорят: «Она в церкви еще, за обедней!» Пришла в церковь, стала у дверей, а пироги пахнут, горячие еще... Кончилась наконец обедня, пришли к монашенке в келью, она и рассказала ей, как наказала сделать м. Сарра. «Ах, премудрая какая! Я ведь нынче именинница!» – воскликнула монашенка.

У м. Серафимы не было денег, а ей хотелось заказать икону, она и говорит м. Сарре: «Хочется мне заказать образ св. Феодосия Черниговского, а денег у меня нет». Задумалась старица, а потом и говорит: «Справишь все хорошо, и деньги у тебя будут». Так и вышло по ее словам.

Тех, кто ходил к старице, как к гадалке, она не принимала. У одной женщины мужа отдали в солдаты. Вот собралась она к м. Сарре, думает: «Снесу ей эту посылку, она мне и поворожит!» Приходит, отдает свою посылочку келейнице. Та докладывает об этом старице, которая вдруг говорит: «Прими у нее посылку, она там себе поворожит!» Та так и ахнула: все мысли ее старица узнала. Когда м. Серафима, тогда еще Ксения, привезла к ней своих дочек благословить, м. Сарра, взяв меньшую на руки, закричала: «Берите ее скорее от меня!» И девочка эта с характером вышла.

Об игумении Марии (Тучковой) м. Сарра рассказывала, что она носила вериги и спала в них, пока митрополит Филарет² не сказал ей: «Мария! Пора тебе снять их!» – и снял их с нее сам.

¹ Память блаженной Ксении Петербургской празднуется 24 января по ст. ст. /6 февраля н. ст.

² Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) оказывал большую ду-

Последняя встреча м. Серафимы со старицей Саррой

Незадолго до смерти от схимницы остались одни косточки. Оползет, бывало, вокруг своего домика и скажет: «Стой! Стой для меня!» Домик и стоит. Последняя послушница была у нее не очень хорошая, но все просилась в монашенки. «Ты возгордишься! Нельзя тебя постригать!» – предупреждала схимница. А та знать ничего не хочет, упростила кого надо, вот ее и постригли. Прошло немного времени, и она возгордилась: «Давай мне послушницу! Я не могу одна за тобой ходить!» Много схимница от нее терпела. Выстроила эта послушница себе дом и жила как барыня. Кого пустит к м. Сарре, кого не захочет, – не допустит. Вот приехала м. Серафима, а келейница эта и говорит: «Старица очень плоха и никого не принимает!» – «Ну хорошо... Я хоть издали на нее погляжу», – говорит м. Серафима. Вошла в комнату и видит: сидит старица на голом стульчике – одни кости! Окинула она взглядом, узнала м. Серафиму и радостно воскликнула: «Самовар скорее ставьте! Чай, чай давайте!» А келейница говорит: «Ишь, какая ты счастливая! Тебя одну так принимает!» – «Садись, садись около меня, – усаживает схимница м. Серафиму. – Поближе садись, рассказывай мне все». Подали чай. Она сама чай наливает, варенья побольше кладет, а келейница недовольна. Зацеловала м. Серафима свою гостью: и глаза, и лоб, и голову. «Что же это такое? Еще никогда м. Сарра такой со мной не была!» – удивилась м. Серафима, а оказалось, что это была их последняя встреча. Вскоре схимница Сарра умерла, перед Петровым днем, 20 июня¹ в 3 часа дня, в один день с о. Валентином. «Хороший батюшка, всегда с Господом служит обедню», – отзывалась старица Сарра об о. Валентине².

Рассказ монахини Серафимы с Троицкой улицы

ховную поддержку игумении Марии (Маргарите Михайловне Тучковой), которая после гибели мужа в Бородинском сражении решила посвятить молитве то место, где он погиб. В 1820 году там был построен Спасский храм, в 1833 году митрополит Филарет постриг Маргариту Тучкову в рясофор в Троице-Сергиевой Лавре с именем Мелания, а затем в мантию с именем Мария (28. 06. 1840). На следующий день она была возведена им в сан игумении Спасо-Бородинского общежительного женского монастыря.

¹ Петров день, – празднование первоверховных апостолов Петра и Павла, – по старому стилю 29 июня.

² Протоиерей Валентин Амфитеатров (01. 09. 1836 – 20. 06. 1908) родился в семье священника, был родственником митрополиту Киевскому Филарету (Амфитеатрову). Окончил Московскую Духовную академию; помимо древних, знал десять новых языков. Служил в московском храме во имя иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», а позже в Придворном Архангельском Соборе в Кремле. Ослепнув, принимал духовных чад на дому. Канонизирован как местночтимый святой Московской епархии в 1998 г.

СОЛЖЕНИЦЫН В ВОСПРИЯТИИ ШМЕМАНА

К ИДЕЙНОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

70-х – начала 80-х гг. XX в.

Владимир Анатольевич Китаев

Выдающийся православный богослов, глубокий знаток русской культуры протопресвитер Александр Дмитриевич Шмеман (1921 – 1983) был заметной фигурой в послевоенной эмиграции. Наполовину «француз», наполовину «американец» по географии и времени проживания, никогда не видевший Родины, он жил, по его признанию, с чувством «кровной близости» с Россией и «одновременно ужаса от нее». С публикацией в России значительной части его литературного наследия, пришедшейся на первое десятилетие XXI века, интерес к Шмеману стремительно вырос. Его дневники (1973 – 1983) и ста-

тьи представляют собой чрезвычайно ценный источник, особенно это касается третьей эмигрантской волны, идей, которые она несла. Задача автора – осветить отношение Шмемана к личности и творчеству Солженицына – писателя и социального мыслителя.

Свое понимание Солженицына как явления русской литературы Шмеман сформулировал еще до того, как писатель был выдворен

Печатается по: *Отечественные записки*. 2014. №6 (63).

Китаев Владимир Анатольевич (р. 12 июня 1942) – доктор исторических наук, профессор кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Автор книг «От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50 – 60-х годов XIX века» (1972); «Либеральная мысль в России (1860 – 1880 гг.)» (2004); «XIX век: пути русской мысли» (2008); «Общественная мысль и историческая наука в России XVIII – XX вв.: проблемы историографии» (2016).

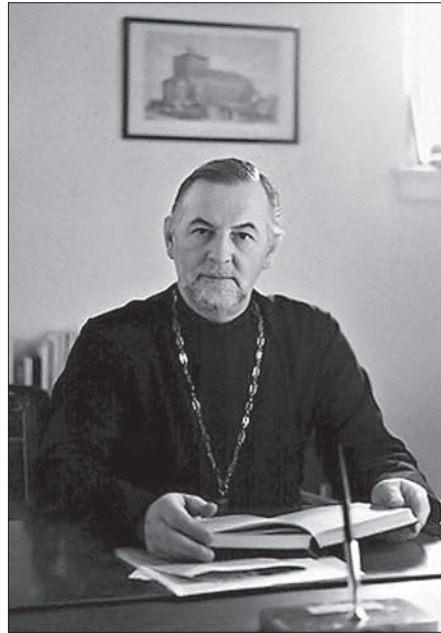
из СССР (февраль 1974 г.). Статья «О Солженицыне» (Вестник РСХД, № 98, 1970) стала квинтэссенцией размышлений Шмемана на эту тему. Он отмечал «огромность», «судьбоносность» Солженицына, открывшего своим творчеством целую литературную эпоху.

Ее новизна состояла в том, что автор «Одного дня Ивана Денисовича», являясь плотью от плоти реально существующей советской России, был свободен «не от советской действительности, а в самой советской действительности»¹.

Уникальность Солженицына состояла и в том, что он явился не только завершителем, но и «первым национальным писателем советского периода русской литературы». Шмемана поражала способность Солженицына-художника создавать «свой мир», живущий независимо от той «безграничной творческой диктатуры», которую он находил в творчестве В. В. Набокова. Этот «мир» вмещал в себе Россию как целое. Солженицынская Россия ставилась им в один ряд с Россией пушкинской, гоголевской, толстовской и чеховской.

Для Шмемана особенно близким в Солженицыне – «первом национальном писателе» советской эпохи – было то, что он одновременно являлся писателем христианским. Эта особенность его мироощущения тем более поражала и притягивала, ибо оно противостояло наступившему, как считал Шмеман, «распаду христианской культуры» в масштабах всего мира.

В июне 1971 года в Париже вышло русское издание «Августа Четырнадцатого». Шмеман незамедлительно откликнулся на это событие статьей «Зрячая любовь» (Вестник РСХД, № 100, 1971), оценив роман «как новый праздник русской литературы». Читая его, он открывал для себя новые, совпадавшие с собственными мировоззренческими интенциями грани дарования художника и мыслителя. Ему была близка и антимифологичность творческого посыла Солженицына.

Протопресвитер Александр Шмеман

В своей миссии «экзорциста русского сознания», освободителя «от всех идолов» Солженицын восставал как против мифов о России, сотворенных Толстым и Достоевским, так и мифов эмигрантского и советского производства.

Для Шмемана главным в Солженицыне была «зрячая любовь», в которой присутствует «полное зрение, способное вместить всю правду, а не разорванные ее обрывки, идолопоклонниками всех “лагерей” выдаваемые за целое». Эта «зрячая правда» шла рука об руку с полной свободой от всякой идеологии.

Солженицынское понимание Бога и религии было безоговорочно принято Шмеманом как абсолютно совпадавшее с его собственным. Единомышленник освобождал и очищал религию от «облепившего ее маленького человеческого идолопоклонства», «от всего в сущности псевдорелигиозного и псевдохристианского в ней», от ее «политических, социальных, расовых и националистических редуций»².

Полное понимание и поддержку у Шмемана Солженицын нашел и тогда, когда в западной и русской эмигрантской печати увидело свет его «великопостное письмо» «Всероссийскому патриарху Пимену» (конец марта 1972 г.). Откликаясь на это выступление, Шмеман решительно поддержал протест писателя против зла «извечного мира Церкви с землей и властью». Он услышал в его «пророческом» голосе голос «гонимой, в молчании пребывающей Церкви»³.

Последний отклик Шмемана на творчество Солженицына доэмигрантского периода – небольшая статья «Сказочная книга» (Вестник РСХД, № 108 – 110, 1973), посвященная первому тому «Архипелага ГУЛАГ». «Архипелаг» был оценен «как еще одна вершина в творчестве Солженицына-писателя, еще один взлет в русской и, значит, в мировой литературе». Шмеман принял авторское обозначение жанра этого произведения – «опыт художественного исследования» – и, возражая тем, кто считал Солженицына прежде всего борцом, а не писателем, отмечал его художественную природу.

Солженицыну были известны статьи Шмемана, посвященные его творчеству. Он не мог не оценить по достоинству масштаб и глубину анализа своих произведений. Но главное, что сближало позиции того и другого, заключалось, конечно, в их духовном родстве. Делясь впечатлениями от первой встречи с Солженицыным в Цюрихе (конец февраля 1974 г.), его «тайный сотрудник» и издатель Н. А. Струве в письме Шмеману передавал высказывание писателя: «Удивительно, выросли врозь, а вот как мы с о. Александром и Вами единомышленники <...> Отец Александр – он мне родной»⁴.

Высылка Солженицына из СССР открыла новый этап в восприятии его личности и творчества Шмеманом. Оно (восприятие) стало более объемным, получило дополнительные измерения. Состоялось их личное знакомство, стали, хотя и не частыми, но регулярными, насыщенными содержательно встречи. Началась их переписка.

Солженицын получил теперь несравненно большую свободу для публицистических выступлений и сполна реализовал ее. Писателю предстояло определиться в своем отношении к «третьей волне» русской эмиграции – он становился ее частью. Все шире и полнее он раздвигал границы своего видения прошлого, настоящего и будущего России, и это не могло, конечно, не скорректировать то понимание личности и мировоззрения писателя, которое было у Шмемана. Однако его несогласие с писателем далеко не всегда выливалось в публичную полемику. Сдерживающими моментами были здесь, с одной стороны, близкие личные отношения, с другой – взаимная неприязнь, даже вражда между Солженицыным и «третьей волной». Однако в какую бы сторону ни менялось отношение Шмемана к Солженицыну-мыслителю, политическому, религиозному и историческому публицисту, художественная сторона его творчества оценивалась неизменно высоко. Обнаруживая в «Ленине в Цюрихе» (1975) «ленинство» самого автора, Шмеман в то же время видел в этой вещи «торжествующий талант в каждой строке». «Поразительная – не просто сила, а именно “силища”, – таково было впечатление от третьего тома Архипелага» (1976). А уж тем более от вышедших сразу девяти томов собрания сочинений Солженицына (1981), «грандиозности» этого события, способности писателя «уравновесить» своим творчеством «всю русскую эмиграцию»⁵.

Их первая встреча один на один состоялась 28 – 30 мая 1974 года в горной Швейцарии и длилась три дня. Ни одна из историко-политических тез Солженицына, которые он донес тогда до Шмемана, не вызвала у последнего внутреннего сопротивления – шла ли речь об особой в представлении писателя остроте еврейского вопроса для России или его неприятии петровского периода и при всем том – приятии монархизма, его отвращении к демократии и в каком-то смысле внутренней близости к Ленину, хотя считал себя анти-Лениным («Вот взорву его дело, чтобы камня на камне не осталось... Но для этого и нужно быть таким, каким он был: струна, стрела...»). Уместно вспомнить в связи с этим, что в начале марта 1974 года на Западе увидело свет солженицынское «Письмо вождям Советского Союза». У Шмемана, в отличие от А. Н. Сахарова, В. Н. Чалидзе и других, не принявших

солженицынского отношения к авторитаризму, не нашлось ни единого возражения против этого документа. «Пророческую» и «реалистическую» «правду» автора «Письма» он оценил несравненно выше «правды» Сахарова («весь этот рациональный, умеренный подход – все это как раз и обанкротилось в два страшных “века разума”»). «Высокие, прекрасные» устремления диссидентов казались ему ненужными. Для утверждения демократии в России требовалось правовое сознание, «соответствующая интуиция человека», но всего этого в реальности не было⁶.

Но вернемся к «горной» встрече. Ни одна из черт солженицынского характера, особенностей поведения в быту, открывшихся Шмеману, не оттолкнули его, не умалили «величия» писателя. Солженицын был в его глазах целен, и в основе этой цельности лежала «целеустремленность человека, сделавшего свой выбор». Как отметит Шмеман несколько позднее, в данном случае этот «эмпирический человек» абсолютно совпадает со своим «историческим значением», масштабом своей миссии. Рядом с писателем он почувствовал себя «маленьким, скованным благополучием, ненужными заботами и интересами»⁷.

Как же менялось и усложнялось тогда мнение отца Александра об «историческом» Солженицыне, Солженицыне-творце? В каких точках обнаружилось его расхождение со взглядами писателя?

Полемика Шмемана с Солженицыным возникла в первый же год пребывания писателя в эмиграции. Смелое вторжение Солженицына-публициста в церковную проблематику заронило в собеседнике определенный скепсис, выявило принципиальные его с ним расхождения. Уже послание Солженицына «Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви» (по просьбе писателя Шмеман ознакомился с ним еще летом 1974 г.) настроило богослова и историка Церкви на критический лад. Он не принял призыва к Русской Церкви покаяться за свои гонения на старообрядцев, ставшие, как считал Солженицын, причиной катастрофы 1917 года⁸.

Эта линия несогласий не пресеклась. В 1975 году появилась статья Солженицына «Письмо из Америки» (Вестник РХД, № 116), где одной из главных стала та же тема ответственности Церкви за «безумное, бесовское гонение на старообрядцев». Этот ее грех вместе с ее ролью «безвольного придатка государства» и неспособностью духовно направлять народ, утверждал автор, послужили причиной «ленинской революции».

На сей раз Шмеман счел своим долгом ответить Солженицыну публично. Полемическая статья увидела свет в следующей книжке «Вест-

ника РХД» (№ 117). Начинается «Ответ Солженицыну» с объяснения, в чем причина столь ошибочного подхода писателя к церковной теме. Главная беда, считает Шмеман, – типичные для русских интеллигентов «невежество» и «отсутствие смирения», которые остаются присущи человеку даже тогда, когда он возвращается к религиозному мировоззрению и церковности. В «Письме из Америки» отсутствовал дух «исследования», восхищавший Шмемана в «вершинах солженицынского творчества» – «Архипелаге ГУЛАГ» и «Августе Четырнадцатого».

Основной заряд критики Шмемана был нацелен на два утверждения писателя – нравственного характера (преследование старообрядцев – грех) и исторического (есть правота староверия и, соответственно, неправота «официальной» России, оттого и поплатившейся «самоотречением», «обрывом национальной традиции», «гибелью»). По мнению Шмемана, солженицынское обращение к народу с требованием покаяться страдало «отвлеченностью и риторичностью», ибо покаяние «уже совершилось». Гораздо более серьезным заблуждением виделась попытка автора вывести «русскую трагедию» из событий XVII века. Утверждение, что «в России староверческой ленинская революция была бы невозможна», Шмеман считал «основной ошибкой» Солженицына. Это тем более удивляло, что Солженицын в свое время открылся для него в первую очередь как мыслитель, вскрывающий губительную сущность всякого «идеологизма».

«Кто-кто другой, но Солженицын, думается мне, не может не понять, – писал Шмеман, – что если что-либо сделало ленинскую революцию в России возможной, то это как раз то, что впервые с такой силой проявилось в старообрядческом расколе, то, чего раскол был первым, но, увы, не последним “взрывом” и что так метко определил о. Г. Флоровский, назвавший раскол “первым припадком русской беспочвенности, отрывом от соборности, исходом из истории”. Именно тогда если не возникли, то впервые с такой интенсивностью проявили себя столь часто присущие русскому сознанию – как искушение, как соблазн – одержимость ложными абсолютами, легкость разрывов и отрывов, уход из истории, и это значит – из медленного подвига и делания, из ответственности, из “труда и постоянства”, – в апокалипсический испуг и утопию, неспособность к трезвости и самопроверке, к различению духов, от Бога ли они... Потому так соблазнительно нечувствие всего этого теми, кто, зачарованные старообрядчеством как якобы чудесно сохранившимся куском подлинной, древней, неповрежденной России, за внешней верностью “старому обряду” и “быту” не различают изначального пафоса раскола как

пафоса именно испуга и отрицания, не ощущают как раз новизны породившего его мироощущения»⁹.

Старообрядчество породило, по мнению Шмемана, не только «нововерие», но и стало первым проявлением «идеологизма», вылилось в «один из самых роковых факторов всей дальнейшей русской истории»¹⁰. Этот раздиравший Россию «идеологизм» объединил старообрядческий утопизм прошлого и привитый Петром западный утопизм будущего. В последний влились нигилизм 1860-х годов, народничество 1870-х и русский марксизм 1880 – 1890-х годов. Завершает статью Шмеман риторическим вопросом, обращенным в первую очередь к Солженицыну: «И не в том ли историческая трагедия России, что слепой и потому разрушительный идеологизм оказался сильнее и в конце концов восторжествовал над силами светлыми, творческими и созидательными?»

Главной созидательной силой в русской истории была, по убеждению Шмемана, Церковь, та самая, которую Солженицын называл «никонианской» и видел в ней «безвольный придаток государства». Как и большинство русских церковных историков и богословов, Шмеман считал церковные реформы Петра насилием над Церковью. Но это вовсе не значит, что он не принимал Церковь синодального периода. Для него XVIII и XIX века были временем «возрождения Православия в его вселенской глубине и силе после столетий застоя, вызванного трагической судьбой православного Востока», «воцерковления русского сознания», преодоления разрыва между Церковью и культурой. Причиной же настоящей духовной трагедии Русской Церкви была как раз «неизжитость в церковном сознании и церковной жизни косяной инерции староверия и обрядоверия, в утробном феррапонтовском сопротивлении всему живому и подлинному, в реакционном испуге перед всякой мыслью и в гонении на них». И все-таки именно Церковь – в этом Шмеман был убежден – смогла противостоять «разгулу и торжеству сатанинской идеологии», «оказалась не падшей в страшном падении России»¹¹. Другой созидательной силой, не поддавшейся «идеологизму», была сама русская культура, и прежде всего великая русская литература имперского периода. Полностью избежать этого искушения ей не удалось, но в лучших произведениях – от сочиненных Державиным и Пушкиным до солженицынского «Августа Четырнадцатого» – «идеологизм» был преодолен.

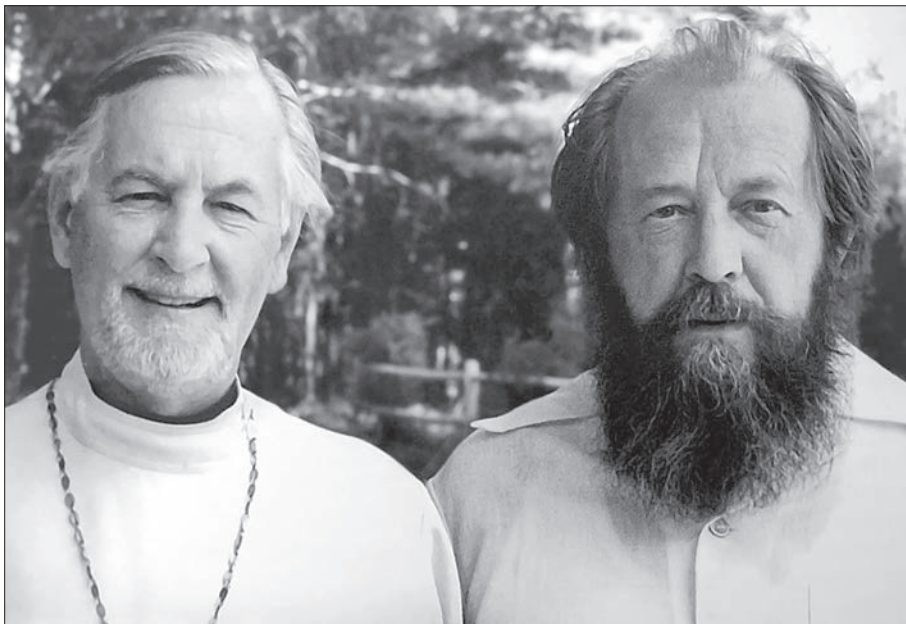
Истинный путь спасения России оппонент Солженицына видел не в утопиях прошлого или будущего, а «в духовно-трезвом собирании и претворении в жизнь всего подлинного и вечного, создаваемого ею».

«Ответ Солженицыну» при всей его содержательности был лишь видимой частью тех разногласий, которые у Шмемана накопились, тем более, что он был хорошо знаком с вышедшими до «Письма из Америки» сборником статей Солженицына и его единомышленников «Изпод глыб» и первым опытом мемуаристики писателя «Бодался теленок с дубом». В конце декабря 1974 – начале января 1975 года Шмеман и Солженицын виделись в Париже. После этого в дневнике Шмемана появилось несколько записей, где он говорит не только о своей готовности отстаивать «услышанное» в художественном творчестве Солженицына, но и о «желании быть совершенно свободным в отношении его идеологии», которая ему «прежде всего, несозвучна»¹². В мае 1975 года состоялась их четырехдневная, «вдвоем, в отрыве от людей» встреча в Канаде («озерная»), позволившая Шмеману составить еще более точное представление о системе взглядов своего собеседника.

Что же вынес Шмеман из долгих разговоров с Солженицыным на берегу Онтарио?

Он диагностировал три «опухоли» в его мировоззрении. «Первая и, наверное, самая важная из них – это его отношение к России, качество его “национализма”». Солженицынский национализм не был слепком с национализма Достоевского и Толстого – у них он имел «какое-то религиозное и, следовательно, “универсальное” значение» («они его так или иначе оправдывают по отношению к тому, что считают высшей истиной или правдой: мессианское призвание России в истории у Достоевского, “правда жизни” у Толстого и т. д.»). У Солженицына национализм выступает, по мнению Шмемана, всего лишь как *русскость*. «Эта русскость не есть синтез, сочетание, сложный сплав всех аспектов и всех “ценностей”, созданных, выношенных в России и, даже при своем противоречии, составляющих “Россию”». Русскость, воплощавшаяся у Солженицына в старообрядчестве, отталкивала Шмемана по причине не только отсутствия в ней «нравственного содержания», но и ее антиисторизма, отрицающего возможность самого развития «национального», наконец, утверждения в ней национального над личным. Понимание русскости «как самозамыкания в жизни только собою и своим» вело лишь к «самоудушению». «Для него (Солженицына. – В. К.) важным и решающим оказывается то, что, начиная с Петра, нарастает в России *измена русскости* – достигающая своего апогея в большевизме. Спасение России – в возврате к русскости, ради чего нужно и отгородиться от Запада, и отречься от “имперскости” русской истории и русской культуры»¹³. Шмеман не мог разделить такого видения исторического пути. По его убеждению, той

Протопресвитер Александр Шмеман и Александр Солженицын. Вермонт, 1978 год

России, которую Солженицын защищает и к которой он обращается, «нет и никогда не было»¹⁴. Подчиняя свое творчество только «русской жизни», «почвенности», «народности», он вытравляет из России все лучшее – ее «всемирность».

Другой «опухолью» Шмеман считал все определеннее бравший в Солженицыне верх «идеологизм». Превращение художника слова в идеолога, происходившее буквально на глазах у Шмемана, больно ранило его, ведь в «Архипелаге ГУЛАГ» писатель как раз изобличил идеологизм как «основное, дьявольское зло современного мира». Теперь же «идеологизм» означал у Солженицына победу «борца» над «творцом». «Это ленинское начало в нем: разрыв, окрик, использование людей, – писал Шмеман. – Это – “средство”, отделенное от “цели” (в отличие от Христа, снимающего как страшную сущность демонизма различные “средства” и “цели”, ибо во Христе – цель, то есть Царство Божие, раскрывается в “средстве”: Он Сам, Его жизнь...). Солженицыну, как Ленину, нужна, в сущности, *партия*, то есть коллектив, безоговорочно подчиненный его руководству и лично ему лояльный...»¹⁵. «Идеям и идеологиям» Шмеман предпочитал «конкретное, живое, единичное»¹⁶.

Не принимал Шмеман в Солженицыне и его религиозного сознания – это была еще одна «опухоль». В данном случае шмемановский

подход может быть правильно оценен только при учете особенностей религиозности самого оппонента писателя. Он исповедовал единственно истинную, по его убеждению, религию Христа (точнее – веру в Христа), противопоставляя ей религию Бога, к адептам которой и относил Солженицына: «Творец приемлет “триединую интуицию” (Творение – Падение – Спасение). Человек сопротивляется ей, сопротивляется, в сущности, Христу. Ему легче с Богом, чем с Христом. К Богу можно так или иначе возвести наши “ценности”, Христос требует их “переоценки”. Всякая иерархия ценностей может быть “санкционирована” упоминанием Бога, только одна – абсолютно отличная от всех – возможна с Христом. Религия Бога, религия вообще может даже питать гордость и гордыню (“Мы русские, с нами Бог”). Религия Христа и Бога, в Нем открытого, несовместима с гордыней»¹⁷. Мы не касаемся здесь вопроса, сходились ли Солженицын и Шмеман в том, что современное христианство, и в частности Православие, пребывают в глубочайшем кризисе. Заметим только, что для последнего – об этом свидетельствуют записи в дневнике – кризис был очевиден. Шмеман неоднократно возвращался в своих размышлениях к этой теме: тупик исторического Православия (слилось с национализмом, является «рецидивом старообрядчества», превратилось в «бабье благочестие» и т. п.). Ему душно в этом «православизме».

Мы имеем здесь дело не только с разным пониманием православия. Шмеман иначе, чем Солженицын, выстраивал иерархию ценностей. «Его сокровище – Россия и только Россия, мое – Церковь. Конечно, он отдан своему сокровищу так, как никто из нас не отдан своему. Его вера, пожалуй, сдвинет горы, наша, моя во всяком случае, – нет. И все же остается эта “отчужденность ценностей”»¹⁸.

Ни в одном из главных пунктов завязавшегося спора компромисс оказался невозможен. «Единоборство» продолжалось вплоть до смерти Шмемана в 1983 году. Его «восхищение» Солженицыным постоянно осложнялось «непониманием».

Одна из сквозных тем дневника Шмемана – состояние современной западной цивилизации. Лейтмотивом был «нарастающий крах» западного мира. «Духовно Запад не может не погибнуть, уже погиб и разложился»¹⁹. Шмеман видел здесь «свободу без нравственного этажа», демократию, в которой на смену свободе пришла «свобода наживы», «безсилие христианства» и множество других органических пороков. Можно было ожидать, что яростное неприятие Солженицыным Запада найдет у Шмемана полное понимание. Действительно, он, к примеру, без единого возражения принял речь Солженицына, произнесенную в Гар-

вардском университете 8 июня 1978 года. А она была настоящей «отходной» западному миру. Но вместе с признанием правоты Солженицына в суждениях его пристрастного читателя и собеседника все отчетливее звучал иной мотив, рождалась формула: «все так и все не так». Шмеман не нашел в солженицынском «антизападизме» того чувства, которое дает моральное право на обличение. «Все в этой статье, – оценивал он в 1982 году одно из выступлений Солженицына, – пронизано нелюбовью к Западу, к Америке, почти нескрываемым презрением ко всему “западному”. И это не может не почувствовать читатель. А вот в России все серьезно, все на глубине, все “настоящее”. И в семидесятилетнем владычестве большевиков повинны все – кроме России и русских»²⁰.

Отдавая себе отчет в том, что у них обоих отношение к современному Западу более чем критическое, Шмеман хорошо понимал, что стоят они на принципиально разных позициях. Он не мог принять этого мечтательного русофильства, почвенничества, сотериологических построений Солженицына, в которых мало было реального, отсутствовала положительная программа. «Здесь нет ни ясности, ни согласия, ни даже простого убедительного образа»²¹. России Солженицына, шедшего по стопам поздних славянофилов, Н. Я. Данилевского, евразийцев, «нет и никогда не было», он ее «выдумывает», «творит».

Несопоставимо большая включенность Шмемана в жизнь Западной Европы и США давала ему право весьма критически оценивать глубину постижения Солженицыным реалий этого мира. «Не понимает и не знает Запада, особенно Америки», «поразительно упрощенные осуждения все того же злосчастного Запада», – читаем мы в дневнике²². Что же касается антизападности самого Шмемана, то она отнюдь не была всеобъемлющей. Это начинаешь особенно хорошо понимать, когда знакомишься с его высказываниями об Америке. Эта страна, гораздо более близкая ему, чем Европа, тоже, по его мнению, погружалась в общецивилизационный кризис, однако он ни на минуту не забывал о том, что в фундамент этого общества заложены такие дорогие для него ценности, как личность, права человека, частная собственность – не все там тонуло в «политиканстве, связях, деньгах». Как ни «скучна» была американская демократия, она все-таки являлась «великим мотором», гарантировала соблюдение «правил игры», освобождала от всякого «вождизма». Америка в отличие от остального западного мира не мыслила себя без постоянного обновления как «метода жизни». «Даже сама американская конституция в конечном итоге есть не что иное, как перманентная революция»²³. Номо americanus с его «подспудной силой» вызывал у Шмемана уважение, симпатию.

В день инаугурации президента Картера (20 января 1977 г.) Шмеман записывает: «Нет, восхищает меня Америка, ее глубокая сущность, Америка, нашедшая – одна во всем мире! – какую-то формулу, почти чудесную, государства и общества, не превращающихся в идолов, сочетающую живую традицию (“принцип”) с жизнью... И опять думаю о Солженицыне: вот что ему надо бы смотреть, во что вникать, чему смиренно учиться. Но куда там... Учить можем только мы из-под наших развалин, которые ничему никогда нас не учат...»²⁴. С удовлетворением отмечал Шмеман и то, что «в “диаспоре” Православие, впервые за много веков, получило свободу», «свободу от империй, от государственной власти, от земледельческого гетто, от этнического гетто и т. д.»²⁵.

Итак, в первые же годы пребывания Солженицына на Западе в Шмемане накопился значительный потенциал «внутренней» полемики с писателем. И, как мы знаем, лишь однажды эта полемика вышла наружу, в сферу публичности. Казалось бы, рано или поздно открытое столкновение не может не повториться. Однако единственная значительная (и последняя) статья Шмемана о Солженицыне (1976 г.), имела абсолютно апологетический характер. Это, конечно, требует объяснения.

Обособленное, «островное» положение Солженицына в третьей эмиграции было хорошо понятно Шмеману, но формально, статусно писатель принадлежал ей. К моменту появления писателя на Западе Шмеман уже «отпел» для себя русскую эмиграцию. «Эмиграция как целое, как “другая Россия” – кончена и должна была бы это признать...» От полувековой ее истории, считал он, останутся только те, кто был от нее «внутренне свободен, отстранен и делал свое дело»²⁶.

«Третья волна» не добавила Шмеману оптимизма. Он продолжал говорить о закате, «11-м часе» эмиграции и готов был согласиться с Солженицыным: «третьи: «подозрительны и ненадежны»²⁷. Тем не менее он не сторонится «советских мальчиков», оказавшихся в 1970-е годы на Западе, следит за внутренней борьбой, которая идет в литературно-политических кругах последнего эмигрантского «призыва», хорошо знаком с литературной продукцией. В дневнике зафиксированы личные знакомства, встречи с наиболее активными деятелями новой эмигрантской формации – В. Е. Максимовым, А. Д. Синявским, В. Н. Чалидзе, П. М. Литвиновым, Б. И. Шрагиным. Шмеман высоко ценил творчество Иосифа Бродского, пронизанные антимифологическим пафосом работы Синявского о Пушкине и Гоголе. Одна из статей Шмемана появилась в «Континенте» Максимова.

Поддерживая активные контакты с «третьеволовниками», Шмеман в то же время весьма скептически оценивал в целом их интеллектуаль-

ный, политический, организационный потенциал. Вот его характеристики: они вывезли из «своего маленького московского мирка» диссидентское «пустозвонство», не имеющее «приводного ремня ни к какой реальности»; питают любовь к одной интеллигенции и «нелюбовь к России»; не знают Запада, не понимают, в чем настоящая трагедия эмиграции; не идут дальше правозащитного принципа; не имеют «ни общей оценки прошлого, ни сколько-нибудь общего взгляда на будущее»²⁸; у них нет не только «замысла», «проекта», но и бросается в глаза отсутствие там значительных людей, настоящих лидеров.

Эти оценки принадлежали отнюдь не холодному, безстрастному наблюдателю. Стремительно нарастающий конфликт между основной группой «третьих» с ее правозащитно-либеральной установкой и Солженицыным втягивал Шмемана в эту воронку. Он должен был выбирать и в ситуации выбора пытался объяснить себе причины завязавшейся борьбы.

Мышление оказавшихся на Западе «советских мальчиков» Шмеман (себя он называл «эмигрантским мальчиком») оценивал, если использовать данное несколько позже Ю. М. Лотманом определение, как бинарное. Они знают только «безоговорочное согласие», только одну точку зрения, для них главное – «уничтожение противника», эти люди «абсолютизируют относительное», тогда как для Запада характерна «релятивизация абсолютного». Корень всех этих бед Шмеман видел в антиисторизме русского сознания, в «вечном испуге перед историей, то есть сферой “перемены”». Наиболее полно и ярко страх перед «реформой», перед Западом, эту ностальгию воплощал в своих исторических построениях Солженицын. Историософия «возвращения» с обязательным апофеозом России была, полагал Шмеман, принципиально враждебна идее свободы. «Она не нужна, если абсолютизируется прошлое, требующее только охранения и для которого свобода – опасна. Она не нужна, если будущее отождествляется с “концом”»²⁹. Еще одной особенностью русского сознания Шмеман считал безразличие к «истине». Отсюда – бессмысленность русских споров, ибо да леки они от поисков истины.

Шмеман готов был, кажется, помирить «в себе» позиции Солженицына и его противников (суммарно – «Синявских»). Но «правда» писателя-идеолога была для него все-таки неудобоваримой. Солженицын, пишет он в дневнике, «во имя “своей” России выкидывает из нее половину ее исторической плоти (Петербург, XIX век, Пастернак и т. д.), предпочитает ей в качестве идеала – Аввакума и раскольников, а “Синявские” все-таки как-никак презирают всякую ее “плоть”,

остаются безнадежными “культурными элитистами”. Разговор между ними невозможен не из-за аргументов или идей, а из-за тональности, присущей каждой установке. Солженицыну невыносим утонченный, культурный “говорок” Синявского, его “культурность”, ибо не “культуру” он любит в России, а что-то совсем другое. Какую-то присущую ей “правду”, определить которую он, в сущности, не способен, во всяком случае в категориях отвлеченных, в мысли, но по отношению к которой всякая “культура”, особенно же русская, кажется ему мелкотравчатой. В своей “антикультурности” он, конечно, толстовец, Синявскому же ненавистна всякая “утробность”, и из нее рождается утопизм, максимализм, преувеличение. В истории, на земле возможно только культурное “возделывание”, но не “преображение” земли в небо. Условие культуры – свобода, терпимость, принципиальный “плюрализм”, моральная чистоплотность, “уважение к личности”³⁰.

Не примыкавший ни к одной из «партий» (и не разделявший при этом идеологии и историософии Солженицына), Шмеман был застигнут врасплох – жена писателя обратилась к нему (20 ноября 1979 г.) с просьбой защитить Александра Исаевича от нападков «Чалидзе, Синявского и tutti quanti». Шмеман без колебаний встал на сторону писателя. Приемы его оппонентов казались ему «низменными», «отвратительными». Но жанр апологии, в котором предстояло выступить, не допускал предъявления счета Солженицыну. Сохранить в данном случае собственное лицо, не пойти против совести можно было, только предложив принципиально иную шкалу оценок – не политико-идеологическую, которой пользовались противники Солженицына. Эту задачу и решал Шмеман в статье «“На злобу дня” (О Солженицыне и его обвинителях)» (Вестник РХД, № 130, 1979).

Автор привел в ней главные пункты обвинений из враждебной Солженицыну эмигрантской прессы: вождь «новой русской правой», антидемократ, антизападник, изоляционист, враг правозащитников, свободы прессы, националист, идеализирует старую Россию, ненавидит Февраль (а не Октябрь), хулигатель Америки, проповедник русского православного мессианизма. Почти под каждым пунктом Шмеман мог подписаться, о чем свидетельствуют записи в дневнике. Однако ярлыки, которые навешивали на Солженицына его противники с их «карикатурно-упрощенной и банальной схемой», были ему неприятны. Слишком многие, считал Шмеман, не видят главного в творчестве Солженицына с его «опытом небывалого, неслыханного духовного кризиса, в который стремительно погружается современное человечество». «Суть же этого кризиса, – писал он, – в отрыве современно-

го человека от того высокого самопонимания, того знания им своей духовной природы, которыми плохо ли, хорошо ли (чаще плохо, чем хорошо), но жил человек на протяжении веков и которыми – несмотря на все свои падения, измены и преступления – мерил себя и свою жизнь. В отрыве этом <...> не только тускнеют, но и извращаются те действительно высокие священные ценности – личность, свобода, права, в нечувствии или даже в отрицании которых обвиняют Солженицына. Извращаются потому, что только из этого высокого самопонимания они родились, и только в нем раскрывается их подлинный смысл. Они не снизу, а свыше, а если от этого “свыше” они отрываются и становятся самодовлеющими, то неизбежно начинается их разложение»³¹. Шмеман, в сущности, возвращался к финальному тезису своей первой «солженицынской» статьи – тезису о богоотступничестве современной культуры, против чего восстал «одинокий человек», «русский», «христианский» писатель.

На его взгляд, Солженицын с его приматом религиозно-нравственного начала над правовым неуязвим для либеральной критики. Духовное бессилие Запада перед тоталитаризмом, указывал Шмеман, и стало причиной того, что «права» оторвались от «трансцендентности», от «высоких обязанностей». Этот отрыв был следствием рационализма. При всем том в отношении Солженицына к правам и свободе как таковым не было враждебности. Речь может, по мнению Шмемана, идти только о неприятии писателем «искажений» этих принципов, «злоупотреблений» ими как на Западе, так и в досоветской России.

В случае Солженицына по отдельности оценивать его политические взгляды, его литературные достижения и его гражданские заслуги не было никакого смысла. Для Шмемана писатель был «всецел и неделим».

Отвергал он и любые попытки свести солженицынскую «обращенность к России», к «утробному национализму», «русскому мессианству», «изоляциизму». Если эту обращенность и можно было назвать «национализмом», то лишь условно, поскольку для него не было «двух мер – одной для своего народа и другой для всех других». «Вопреки знаменитой тютчевской строчке, – пишет Шмеман, – Солженицын оценивает, разгадывает и объясняет Россию при помощи “общего аршина”, того самого – духовного, нравственного, к правде отнесенного, с которым подходит он ко всем народам и ко всему миру»³².

Дневник донес до нас оценки Шмемана своей статьи «О Солженицыне и его обвинителях». Закончив ее, 11 декабря 1979 года он записал: «Статьей умеренно доволен». Через два дня после ее отсылки (Н. А. Струве, 20 декабря 1979 г.) он был уже не так уверен в уместно-

сти предпринятого шага. «И как всегда, сомнения, нужно было ли это, и то ли это, что нужно, и так ли, как нужно...»³³.

Сомнения Шмемана объяснимы. Россия, какой ее видел Солженицын, представлялась ему одной из тех «формул», «редукций», за которые держится русская эмиграция. Он осознал и то, что, отвергая «редукционизм» критиков Солженицына, сам прибегает, в сущности, к тому же методу в его защите. «Мое крайне упрощенное, почти к прописям сведенное определение главного в солженицынском творчестве», – это признание прозвучало в статье³⁴. Была еще одна причина чувствовать неловкость своего положения. Ввязавшись в схватку на стороне Солженицына, Шмеман невольно оказался частью «партийной, лагерной целостности». И это было ему противно.

Итак, личное и идейное пересечение Шмемана и Солженицына оказалось значимым для обоих. Не ошибемся, если скажем: в большей степени для первого. Шмеман продемонстрировал способность «схватить» явление Солженицына во всей его многогранности и по достоинству оценить вклад писателя в русскую и мировую литературу. Огромный художественный талант Солженицына, христианская основа его мировоззрения, любовь к России, антикоммунизм и даже неприятие Запада – все это Шмеман не мог не оценивать высоко. Однако тут же обозначились и линии достаточно серьезных расхождений между ними. В основе их лежала, конечно, разность социального и культурного опыта.

Православный священник и богослов, считавший себя частью русского народа, Шмеман все-таки был укоренен на Западе и как личность в значительной степени сформирован западной культурой. Отсюда – апелляция «русского европейца» к послепетровской России, ее «всемирной отзывчивости», несмотря на признание тупика, в который зашел европейский рационализм. Отсюда и постановка Православия «без границ» выше России. Здесь же надо искать причину той непоследовательности, которая характерна для шмемановской критики политико-юридических форм современного западного мира. Локалист-почвенник, не искушенный в тонкостях богословия, Солженицын выглядел неуклоннее в идеализации допетровской старины, старообрядчества и обличении западной «лжи».

Разумно ли прикладывать идеологическое измерение к спору Шмемана с Солженицыным? Может показаться, что это некорректно, ведь Шмеман неустанно отвергал идеологию как таковую, ставя превыше всего истины христианства. Но невозможно пройти мимо многочисленных высказываний мыслителя в защиту свободы, шла ли

речь об истории, христианстве, его православной ветви. К месту здесь напомнить, что Шмеман был убежден – «самая «падшая» собственность ближе к замыслу Божьему о человеке, чем злостное равенство». Американская демократия еще не потеряла в его глазах привлекательности. За всем этим, несомненно, угадывается либеральная основа общественно-политических воззрений Шмемана. Этот глубинный либерализм, рядом и в родстве с которым стоял религиозно-нравственный императив, и был помехой, мешавшей Шмеману согласиться с «правдой» Солженицына – социального мыслителя.

¹ Шмеман А., *прот.* Собрание статей. 1947 – 1983 / Сост. Е. Ю. Дорман; Предисл. А. И. Кырлежева. М., 2009. С. 762.

² Шмеман А., *прот.* Собрание статей. С. 780.

³ Там же. С. 781 – 782.

⁴ Шмеман А., *прот.* Дневники. 1973 – 1983. 2-е изд., испр. / Сост., подгот. текста У. С. Шмеман, Н. А. Струве, Е. Ю. Дорман; Предисл. С. А. Шмемана; примеч. Е. Ю. Дорман. М., 2007. С. 77.

⁵ Шмеман А., *прот.* Дневники. С. 215, 257, 605.

⁶ Там же. С. 89, 92.

⁷ Там же. С. 98 – 103.

⁸ Шмеман А., *прот.* Дневники. С. 108 (25 сент. 1974 г.).

⁹ Шмеман А., *прот.* Собрание статей. С. 804.

¹⁰ Шмеман так определял суть идеологизма и идеологии: «Идеологизмом я называю сам факт пленности и одержимости сознания идеологией, сущность которой всегда в сочетании отвлеченной и утопической идейной схемы с абсолютной верой в ее практическую «спасительность» и с фанатическим волевым подчинением ей действительности». (Там же. С. 805).

¹¹ Там же. С. 808.

¹² Шмеман А., *прот.* Дневники. С. 147.

¹³ Там же. С. 191 – 192.

¹⁴ Там же. С. 488.

¹⁵ Шмеман А., *прот.* Дневники. С. 192 – 193.

¹⁶ Там же. С. 189.

¹⁷ Там же. С. 193.

¹⁸ Шмеман А., *прот.* Дневники. С. 183.

¹⁹ Там же. С. 147 (27 янв. 1975 г.).

²⁰ Там же. С. 632.

²¹ Там же. С. 489 – 490.

²² Там же. С. 368, 467.

²³ Шмеман А., *прот.* Дневники. С. 500.

²⁴ Там же. С. 325.

²⁵ Там же. С. 632.

²⁶ Там же. С. 85, 115.

²⁷ Там же. С. 313.

²⁸ Шмеман А., *прот.* Дневники. С. 115, 333, 360, 399.

²⁹ Там же. С. 480.

³⁰ Там же. С. 473 – 474.

³¹ Шмеман А., *прот.* Собрание статей. С. 816.

³² Шмеман А., *прот.* Собрание статей. С. 819.

³³ Шмеман А., *прот.* Дневники. С. 495, 496.

³⁴ Шмеман А., *прот.* Собрание статей. С. 819.

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ О СОЛЖЕНИЦЫНЕ

ПЯТНИЦА, 5 АПРЕЛЯ 1974

Письмо от Солженицына от 30. 3. 74: «Дорогой отец Александр! Простите, что до сих пор не написал Вам: очень трудно жить, пока освоишься, – не то что до серьезной работы, не то что на письма отвечать, но даже распаковать их и рассортировать не хватает сил (уже за 2000, наверно).

Мне говорил Никита Алексеевич¹, что Вы собираетесь к Троице в Европу. Если так, то спишемся – и приезжайте-ка Вы к нам в Цюрих на денек-другой. Много набралось, о чем поговорить.

Здесь на Западе, в частности, остро встал не совсем понятный для меня вопрос о множественности православных церквей за рубежом. Уже были у меня кое-какие встречи, и я хотел бы получить от Вас разъяснения. Но раньше того и сердечней того хотелось бы мне у Вас исповедоваться и причаститься. Да и семья вся, наверно. Возможно ли это? Обнимаю Вас! Душевно Ваш. А. Солженицын».

Радость от этого письма, от его простоты, скромности, непосредственности.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 13 МАЯ 1974

В субботу открытка от Солженицына (в ответ на мое письмо об отелях и т. д.):

«Дорогой о. Александр!

На аэродроме Вы возьмете такси и немедленно приедете ко мне. Отсюда мы тотчас выедем с Вами в горы, где Вы и проведете у меня сутки-другие (и выспитесь отлично). Там и наговоримся. Я настоящий собеседник – только вне города. В последний день вернемся домой, и тут отслужите.

Сост по: Шмеман А., *прот.* Дневники. 1973 – 1983 /Протоиерей Александр Шмеман; [сост., подгот. текста У. С. Шмеман, Н. А. Струве, Е. Ю. Дорман; предисл. С. А. Шмемана; примеч. Е. Ю. Дорман]. М.: Русский путь, 2013.

¹ Струве Никита Алексеевич (1931 – 2016) – профессор русской литературы (Сорбонна, Нантер, (1958 – 2000), издатель, редактор журнала «Вестник РХД», директор издательства «ИМКА-Пресс».

Поверьте – это лучшая программа, которую я не предлагаю никому. Никаких отелей! Обнимаю Вас и жду... »

СУББОТА, 25 МАЯ 1974

Два дня до отъезда к Солженицыну. Нарастание внутреннего волнения – *каково будет целование сие...*¹. А тут еще звонок за звонком – скажите С. , передайте С. , внушите С. , попытайтесь убедить С. , спросите С. Письмо от Никиты: «С. издерганный...» Изгнание для него гораздо труднее, чем могло казаться сначала. Нетерпеливый. Требовательный.

И все же – хорошая тишина внутри, мир. Будет то, что нужно и как нужно.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 17 ИЮНЯ 1974

Вчера вернулся из Европы. Сначала – с 28 по 31 мая – у Солженицына в его горном уединении, вдвоем с ним все время. Перепишу сюда записки из моей книжечки, которые я набрасывал там, каждый вечер. И уж только потом, может быть, смогу подводить «итоги» этим – самым знаменательным – дням моей жизни.

Потом – Париж, съезд Движения, неделя суеты, встреч, разговоров.

А с 10 по 15 июня с Льяной² в Венеции, в золотом свете этого удивительного города. Такой «anticlimax»³ солженицынским дням... В Венеции же прочел второй том «ГУЛага».

«ГОРНАЯ ВСТРЕЧА»

(переписано из записной книжки, которую я брал с собой в Цюрих)

«Горная встреча» – из надписи, сделанной С. на подаренном мне карманном «ГУЛаге»: «Дорогому о. А. Ш. в дни нашей горной встречи, к которой мы давно приближались взаимным угадыванием... »

ВТОРНИК, 28 МАЯ 1974

В десять утра начинаем спускаться к Цюриху. Идет проливной дождь. Несмотря на бессонную ночь в аэроплане, чувствую себя бодро, но странно: «регистрирую» все мелочи, все вижу, а дальше все упирается в: «сейчас еду к Солженицыну!» Сейчас. И потому – запомнить все, по отдельным кускам времени: как я стою в ожидании багажа, как я жду такси, и вот – едем... Дождь, улицы, улицы, повороты. И вдруг: Stapterstrasse 45. Запущенный садик, незапертая калитка.

---

¹ Лк. 1, 29.

² Шмеман (урожденная Осоргина) Иулиания Сергеевна (Ульяна, Льяна – супруга о. Александра).

³ Спад, разрядка напряжения (англ.).

Огибаю дом. Звоню. Et voila¹: открывает дверь А. И. , и сразу ясно одно: как все просто в нем...

СРЕДА, 29 МАЯ 1974

Sternberg. Zürcher Oberland

Вчера глаза слипались, заснул. Сейчас семь утра. Наверху копошится А. И. Перед окном горы и небо. Вчера – в Цюрихе, при встрече, – все подошли под благословение, особенно усердно Ермолай. Чаепитие. Я: «У меня такое чувство, что я всех вас так хорошо знаю». Жена Наташа: «А уж как мы Вас знаем... » Мать жены – Екатерина Фердинандовна, тоже простая и милая.

Первое впечатление от А. И. (*после простоты*) – энергия, хлопотливость, забота. Сразу же: «Едем!» Забегал, носит свертки, чемоданчики. Чудная улыбка. Едем минут сорок в горы. Примитивный домик, беспорядок. Вещи – и в кухне, и на письменном столе – разбросаны. В этом отношении А. И. явный русский интеллигент. Никаких удобств: кресла, шкапа. Все сведено к абсолютному минимуму. Также и одежда: то, в чем выехал из России. Какая-то кепка. Офицерские сапоги. Валенки.

«Мне нужно столько с Вами обсудить» (обсуждение подготовлено, продумано: список вопросов на бумажке).

О Церкви: «Знаете что: я буду “популяризатором” Ваших идей».

Об «Узлах»²: прочитайте (в рукописи) все, что написано о Церкви. «А я исправлю, если нужно...»

Об эмигрантских церковных подразделениях.

О «Вестнике».

О еврейском вопросе.

ЧЕТВЕРГ, 30 МАЯ 1974

Вчера – весь день вместе. Длинная прогулка на гору. Удивительный, незабываемый день. Вечером, лежа в кровати, думал о «несбыточности» всего этого, о сказочности. Но только потом пойму, вмещу все это...

Дал мне прочитать – в рукописи – главы второго узла: пятую, шестую, седьмую, восьмую. Разговор Сани Лаженицына со священником: о старообрядчестве, о церковных реформах, о сущности Церкви, о христианстве и других религиях... Пятая глава мне сначала не понравилась: как-то отвлеченно, неживо, книжно... Сразу же сказал А. И. Принял. Но шестая, седьмая, восьмая – чем дальше, тем больше захватывают.

---

¹ И вот (*фр.*).

² *Солженицын А. И. Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках. Узлы I – IV.*

«Удивительный, незабываемый день»

Он все чувствует нутром, все вопросы ставит «напробой», в основном, без мелочей. Потом последняя глава – шестьдесят четвертая. Исповедь. «Это все, Вы увидите, Ваши идеи...» (Насчет моих идей – не знаю, но глава прекрасная).

Страстное сопротивление тому, что он называет «еврейской идеологией». (Евреи были огромным фактором в революции. Теперь же, что режим ударил по ним, они отождествляют советское с исконно и природно русским.) Попервоначально можно принять за антисемитизм. Потом начинаешь чувствовать, что и тут – все тот же порыв к *правде*, затуманенной, осложненной, запутанной «словами лукавствия». (Все это потом развить).

Дает читать статьи для нового сборника с Шафаревичем¹. Новая перспектива о России и ее истории... Народ. Все заново, все по-новому. Что-то стихийное.

Страшно внимательный. Обо всем заботится. (Неумело) готовит, режет, поджаривает. Что-то безконечно человечески-трогательное. Напор и энергия.

О России все говорит: «тут». Запад для него не существует. Никакого интереса.

Не любит всего петровского периода. Не любит Петербурга.

Пастернак: «Не имеет никакого отношения к России...»

«Любимый мой праздник – Троица...»

Хочет жить в Канаде. Устроить «маленькую Россию». «Только так смогу писать...»

«Всю мою жизнь за успех в главном я платил неудачами в личной жизни». Рассказ о первом браке.

¹ Шафаревич Игорь Ростиславович (1923 – 2017) – доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН; один из участников солженицынского сборника «Из-под глыб».

«Я знаю, что вернусь в Россию». Ожидание близких перемен. Уверенность в них.

Абсолютное отрицание демократии.

Признание монархии. Романовы, однако, «кончились еще до революции».

Невероятное нравственное здоровье. Простота. Целеустремленность. Носитель – не культуры, не учения. Нет. Самой России.

«Подлинный подход ко всему – в самоограничении...»

«Религия – критерий всего» (но это «утилитарно» – для «спасения» России...).

«Вестник РСХД» (108 – 110) – с его карандашными пометками. На стр. 30, в моей статье о Евхаристии (о перерождении эсхатологии) – приписано сбоку во всю длину абзаца: «поразительная картина».

Целеустремленность человека, сделавшего выбор. Этим выбором определяется то, что он слушает, а что пропускает мимо ушей. Слушает, берет, хватает то, что ему нужно. На остальное – закрывается.

Зато – внимание к конкретному: постелить кровать, что будете есть, возьмите яблоко...

Несомненное сознание своей миссии, но именно из этой несомненности – подлинное смирение.

Никакого всезнайства. Скорее – интуитивное всепонимание.

Отвращение к «жеманной» культуре.

Такими, наверное, были пророки. Это отметание всего второстепенного, сосредоточенность на главном. Но не «отвлеченная», не «идейная», а жизненная (развить: см. гл. 64 второго узла).

Живя с ним (даже только два дня), чувствуешь себя маленьким, скованным благополучием, ненужными заботами и интересами. Рядом с тобою – человек, принявший все бремя служения, целиком отдавший себя, ничем не пользующийся для себя. Это поразительно. Для него прогулка – не отдых и не развлечение, а священный акт.

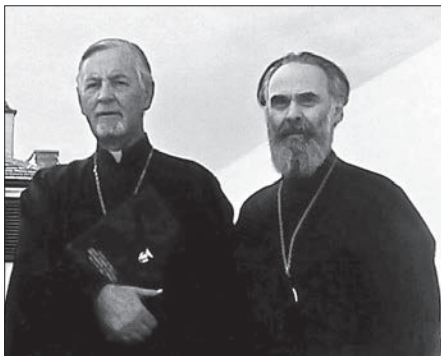
Его вера – горами двигает!

Какая цельность!

Чудный смех и улыбка.

«Представьте себе, мой адвокат все время отдыхает». Искренне удивлен. Не понимает (как можно вообще «отдыхать»...).

«Мы с женой решили: ничего не бояться». И звучит абсолютно просто. Так решили, так и живут... Никакой сентиментальности по отношению к семье и детям... Но говорит с женой по телефону так нежно, так заботливо – в мелочах...

*Митрополит Антоний Сурожский
с прот. Александром Шмеманом*

Сажу за его столом, на котором хаос несусветный. Подернутые утренним туманом горы. Колокольчики коров. Блеянье овец. Цветущая сирень. Все это для него не Швейцария, не Запад, он целиком – «там» («тут», как он говорит). Эта точка – анонимная на земном шаре: горы, небо, звери. Это даже не кусок России. Там, где он, – там сама Россия. Для него это так ясно, что ясным становится и мне.

Легкость, с которой он отбрасывает все ненужное, все обременяющее.

В том же костюме, в котором его выслали. Никаких удобств – лампы, кресла, полки. Но сам прибывает мне гвоздик для полотенца. Но он не «презирает быт». У него все – внутри.

В феноменологии «великого человека», прежде всего, чувство стихии. В эту стихию вовлечено все, что его окружает, все мелочи (парное молоко, зеленый лук...).

Ничего от «интеллигента».

Не вширь, а вглубь и ввысь...

О людях:

Синявский: «Он как-то сбоку, несущественен...» (о «Голосе из хора»).

Набоков: «“Лолита” даже неинтересна. Все же нужно будет встретиться. <... > Если бы с таким талантом!..»

Архиереи: Антоний Блум¹ – понравился. Антоний Женевский² – не понравился. Иоанн Шаховской³ – безцеремонно ворвался, как и его сестра. Ничего не видит в его писаниях. Антоний Блум – понравился, но «разве его протесты достаточны?» Георгия Граббе⁴ не принял (или не пришел?). Нравится карловатский батюшка в Цюрихе.

Возмущение булгаковской статьей о еврействе в «Вестнике» – «разве это богословие?..»

¹ Антоний (Блум) (1914 – 2003) – митрополит Сурожский в юрисдикции РПЦ.

² Антоний (Бартошевич) (1910 – 1995) – архиепископ Женевский и Западно-Европейский (РПЦЗ).

³ Иоанн (Шаховской) (1902 – 1989) – архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский, духовный писатель. В эмиграции с 1920 года.

⁴ Протопресвитер Георгий Граббе (1902 – 1995) – управляющий делами и идеолог РПЦЗ.

Длинная прогулка по лесу и по холмам. Длинный разговор – уже по душам – обо всем: о вере, о жизни...

Вдруг острое чувство, вопрос: сгорит он или не сгорит? Как долго можно жить таким пожаром?

Говоря, собирает цветы: полевые желтые тюльпаны, дома долго ищет, куда бы поставить (на следующий день не забудет отвезти жене).

С гордостью показывает свой огородик (укроп, редиска, зеленый лук...).

Подробный рассказ о своем Фонде, завещании. Мечта употребить деньги на Россию. Ему действительно ничего не нужно, и в этом – никакой позы.

Слова о Канаде: как будет там ездить верхом на лошади.

И снова – со страстью – о евреях! Почти *idée fixe*: не дать им еще раз заговорить нас своей идеологией. Но вот надо признать, что и тут – правда и простота. Когда евреи увидели, что ими в значительной степени созданный режим не удался и по ним же – в лице Сталина – ударил, они «перестроились»: это режим русский, это русское рабство, это русская жестокость... Отсюда – недоверие к «новым»: все они антирусские в первую очередь.

Вечером – длинная исповедь наверху в его комнате. Закат за окном.

«Пройдемся в последний раз». *Так дружески. Так любовно.*

Удивительные по свету и радости, действительно – «горные» дни.

«... У меня в “узлах” три прототипа (то есть в них я вкладываю себя, пишу о себе) – Воротынцев, Саня Лаженицын (был еще Саша Ленартович, да безнадежно разошлись...) и... Ленин! У нас много общего. Только принципы разные. В минуты гордыни я ощущаю себя действительно анти-Лениным. Вот взорву его дело, чтобы камня на камне не осталось... Но для этого нужно и быть таким, каким он был: струна, стрела... Разве не символично: он из Цюриха – в Москву, я из Москвы – в Цюрих... »

«Мне нужно вернуться, войти по-настоящему в Церковь. Я ведь и службы-то не знаю, а так, “по-народному”, только душой... »

Будут ли у меня в жизни еще такие дни, такая встреча – вся в простоте, абсолютной простоте, так что я ни разу не подумал: что нужно сказать? Рядом с ним невозможна никакая фальшь, никакая подделка, никакое «кокетство».

Среда, 5 июня 1974. ПАРИЖ

Последняя запись (30 мая) была сделана вечером, в канун отъезда из Штернберга. Следующий день, пятница 31-го, останется, конечно, навсегда незабываемым. Утром рано за нами заехала Екатерина Ферди-

нандовна. Спуск в Цюрих. Подготовка Литургии. Исповедь Наташи и Мити. Литургия. После Литургии А. И. : «Как хорошо так, как близко, как доходит все... »

Суэта в доме. Дети. «Напор», может быть, даже некий надрыв (Наташа).

Запомнить: разговор с нею о юрисдикциях. Чтение – в суматохе – глав о «кадетах». Обед (тяжелый, русский: мясо, вареники).

После обеда – в городе прием итальянской прессы...

Наконец после всего – действительно страшного – напряжения этих дней остаюсь один на аэродроме в Цюрихе. Снова дождь и туман. Снова привычная западная толпа, в сущности – *мой* мир. В котором мне просто. Просто – в смысле привычной принадлежности к нему и внутреннего в нем – одиночества, свободы...

В первый раз мысль – не сон ли все это было? В реальном ли мире? Или в какой-то страшным усилием созданной мечте, иллюзии? Иллюзии, которой неизбежно суждено разбиться о «глыбу жизни». В первый раз – сомнение, страх, и с тех пор – растущая жалость.

Полет Цюрих-Базель, потом Базель-Париж. Спуск в мир. *Vain de réalité*¹. Мама. Андрей.

На следующий день, в субботу, – привычный завтрак с Андреем. Всенощная под Пятидесятницу.

Вечером – слушанье пластинки А. И. «Прусские ночи».

Воскресенье 2-го: съезд РСХД в Монжероне. Литургия с Петей Чеснаковым. Все как всегда. Там – в Цюрихе – сплошной огонь (но какой!). Тут – привычная болтовня о Христе и преображении мира.

Понедельник 3-го: мой доклад. Все как всегда. Усталость.

Вчера (во вторник 4-го) весь день у Никиты [Струве] в Villebon. *We compare notes*². Соглашаемся в том, что за А. И. страшно. Страшно от напора. Страшно за то, *что* и *как* он делает.

ЧЕТВЕРГ, 14 НОЯБРЯ 1974

Письмо от Солженицына. Смешно, как с некоторых пор что-то как будто чуть-чуть «надломилось» между нами. Письмо очень милое, с предложением встречи в декабре, в Париже, но вот словно все очевиднее разница в «длине волны». Солженицын пишет:

«... с интересом прочли Ваш разбор “Архипелага” [я послал ему по его просьбе мои тридцать скриптов]. В одном месте нашел я противоречие и не пойму: у *Вас* ли это противоречие или Вы вскрыли его у меня.

---

¹ В гуще реальности (*фр.*).

² Сравниваем впечатления (*англ.*).

Именно: с одной стороны, следователи – только держатся за положение, за власть, “люди без верхней сферы”. С другой стороны, и в “Архипелаге”, и в моем споре сейчас с Сахаровым я настаиваю, что вся правящая клика (даже помимо своей воли и ведома) пронизана идеологией и *именно ею* опасен режим и *именно ею*, а не “просто злодеяниями” совершенны все злодеяства. Второе мне кажется самым верным, но, может быть, где-нибудь допустил противоречие?»

Мне же кажется, вернее – я убежден, что если исходным целительным у Солженицына был его «антиидеологизм» (см. мою «Зрячую любовь»), то теперь он постепенно сам начинает опутывать себя «идеологией», и в этом я вижу огромную опасность. Для меня зло – прежде всего в самой идеологии, в ее неизбежном редукционизме и в неизбежности для нее всякую другую идеологию отождествлять со злом, а себя с добром и истиной, тогда как Истина и Добро всегда «трансцендентны». Идеология – это всегда идолопоклонство, и потому *всякая* идеология есть зло и родит злодеев... Я воспринял Солженицына как освобождение от идеологизма, отравившего и русское сознание, и мир. Но вот мне начинает казаться, что его самого неудержимо клонит и тянет к кристаллизации собственной идеологии (как *анти*, так и *про*). Судьба русских писателей? (Гоголь, Достоевский, Толстой...) Вечный разлад у них между творческой интуицией, *сердцем* и разумом, сознанием? Соблазн учительства, а не только пророчества, которое тем и сильно, что не «дидактично»? Метеор, охлаждающийся и каменеющий при *спуске* в атмосферу, на «низины»? Не знаю, но на сердце скребет, и страшно за этот несомненный, потрясающий *дар*...

Пятница, 15 ноября 1974

Вчера длинное письмо Никите в связи с письмом ко мне Солженицына. Поделился с Никитой моими волнениями о скольжении С. в сторону «идеологизма» и «доктринерства», непонимании им церковной ситуации и т. д. Кончаю письмо так: «Пишу Вам все это, как думаю и чувствую. Может быть, целиком ошибаюсь и в мыслях, и в чувствах, чему первый буду очень рад. Люблю его так же, даже больше – ибо теперь с какой-то болью за него. Все данное и подаренное им воспринимаю и переживаю так же – как одно из самых радостных, больших, решающих событий даже личной жизни. Ни от одного слова, написанного о нем, не отрекаюсь. Но вот когда натыкаешься на самое для себя святое и “последнее”: не Церковь для России, а только в безконечно трансцендентной, самоочевидной, все превышающей истине Церкви – и сама Россия, и все в мире, тогда чувствуешь и самоочевидную границу согласия –

Встреча в Лак Лабеле. Прот. А. Шмеман, А. И. Солженицын и С. Г. Трубецкой

даже со святыми и гениями... Тут смириться должен он, тут правда, ему неподсудная и, главное, несводимая ни к чему, даже самому любимому, самому драгоценному в «мире сем»».

СУББОТА, 31 МАЯ 1975

Сегодня утром длинный разговор с Л. о Солженицыне. Попытка уяснить, чем была бы моя «третья» статья о Солженицыне, теперь уже с учетом опыта, вынесенного из личных встреч с ним.

Первые две («О Солженицыне» и «Зрячая любовь») заключали в себе определенное *чтение* солженицынского мировоззрения, основной направленности и также и вдохновения солженицынского творчества. Основное утверждение: христианский писатель (триединая интуиция сотворенности, падшести, возрожденности), русский писатель (обращенность к России – «зрячей любовью», и это значит – правдой, ниспровержением мифов) и, наконец, в «Архипелаге», пророческий разрушитель «идеологизма» как основоположного идола и, ergo¹, зла современного мира.

---

¹ Значит (лат.).

Вопрос: остается ли все это в силе в свете «опыта» после годичного общения с ним? Было ли это «чтение» ошибкой?

Прежде всего, для меня несомненно, что если в целом мое первое «чтение» остается верным – по отношению к последней глубине солженицынского творчества, то внутри этого «целого» лежат непереваренные «опухолями» довольно-таки страшные соблазны, так что вопрос может быть поставлен так: что возобладает в Солженицыне – та «глубина», что и вызвала восхищение и внутреннее согласие и сделала его чем-то очень «судьбоносным» как в духовной истории России, так и в мире *at large*¹, или же «соблазны», глубину эту, именно как рак, разлагающие и «метастазирующие»? Это, еще раз, столкновение творца, «пророка» с очень сильной, очень яркой личностью, которой именно из-за ее силы и яркости оказывается невыносимым «дар тайнослышанья тяжелый»².

Ясно, что человек-Солженицын и Солженицын-творец не только не в ладу друг с другом, но второй просто опасен для первого. Мне кажется, что до сего времени «человек» смирялся перед «творцом», находил в себе силы для этого смирения, которое одно и делает возможным «пророчество». Но мне также кажется, что сейчас творчество С. на перепутье, и именно потому, что в нем все очевиднее проступает «человек» со своими соблазнами. Я так воспринял уже «Теленка» и многое в «Из-под глыб». Что-то здесь уже не «перегорает», не претворяется, не отделяется от творца и потому не становится «ценностью в себе».

Поэтому так важно, я убежден, разобраться в «соблазнах», *определить* опухоли.

Первая и, наверное, самая важная из них – это его отношение к России, качество его «национализма». Это не «мессианизм» Достоевского («призвание России»), увенчивающий всю русскую диалектику XIX века. Это не народничество Толстого, хотя «толстовство» Солженицыну ближе, чем Достоевский с его метафизикой. И у Достоевского, и у Толстого их «национализм» имеет какое-то религиозное и, следовательно, «универсальное» значение, они его так или иначе оправдывают по отношению к тому, что считают высшей истиной или правдой: мессианское призвание России в истории у Достоевского, «правда жизни» у Толстого и т. д. У Солженицына все эти «ценности» заменяются одной: *русскостью*. Эта русскость не есть синтез, сочетание, сложный сплав всех аспектов и всех «ценностей», созданных, выношенных в России и, даже при своем противоречии, составляющих «Россию». Напротив, сами все

---

¹ Вообще (англ.).

² Из стихотворения В. Ходасевича «Психея! Бедная моя!».

эти ценности оцениваются по отношению к «русскости». Так, отвергаются во имя ее – Пастернак, Тургенев, Чехов, Мандельштам, Петербург, не говоря уже о всей современности: Платонов, например, и т. д. Цель, задача Солженицына, по его словам, – восстановить историческую память русского народа. Но, парадоксальным образом, эта историческая задача («Хочу, – говорит он мне в Париже, – написать русскую революцию так, как описал двенадцатый год Толстой, чтоб моя правда о ней была окончательной...») исходит из какого-то радикального антиисторизма и также упирается в него. Символ здесь: влюбленность – иначе не назовешь – в старообрядчество. При этом теоретическая суть спора между старообрядцами и Никоном его не занимает. Старообрядчество есть одновременно и символ, и воплощение «русскости» в ее как раз неизменности. Пафос старообрядчества в отрицании перемены, то есть «истории», и именно этот пафос и пленяет Солженицына. Нравственное содержание, ценность, критерий этой «русскости» Солженицына не интересует. Для него важным и решающим оказывается то, что, начиная с Петра, нарастает в России измена русскости – достигающая своего апогея в большевизме. Спасение России – в возврате к русскости, ради чего нужно и отгородиться от Запада, и отречься от «имперскости» русской истории и русской культуры, от «нам внятно все...» В чем же тут соблазн? В том, что С. совсем не ощущает старообрядчества как тупика и кризиса русского сознания, как национального соблазна, а Петра, скажем, как – при всех его трагических недостатках – спасителя России от этого тупика. «Русскость» как самозамыкание в жизни только собою и своим – то есть, в итоге, самоудушение... В примате национального над личным. В «ипостазировании» России в одном из ее «воплощений». В антиисторизме, отрицающем возможность развития самого «национального», оказывающегося какой-то сверхвременной «данностью».

Вторая «опухоль» – все возрастающий, как мне кажется, идеологизм Солженицына. Для меня – потрясающей и глубочайшей правдой «Архипелага» было (и остается) обличение и изобличение идеологизма как основного, дьявольского зла современного мира. Марксизм есть, в этом смысле, завершение всех идеологий, идеологии как таковой, ибо всякая идеология отрицает свободу, личность, всякая приносит человека в жертву утопии, истине, оторвавшейся от жизни. Идеология – это христианство, оторвавшееся от Христа, и потому она возникла и царствует именно в «христианском мире». «Пророк» в С. показал, явил это с окончательной силой. Человек в нем все больше и больше «идеологизируется». Идеология – это отрицание настоящего во имя будущего, это «инструментализация» человека (какова польза его для моего или наше-

го дела). Это переход с «соборования» на полемику. Это – определение от обратного, от отталкивания. Это решетка отвлеченных истин, брошенная на мир и на жизнь и делающая невозможным общение, ибо все становится тактикой и стратегией. «Идеологизм» Солженицына – это торжество в нем «борца», каковым он является как «человек» (в отличие от творца). Это ленинское начало в нем: разрыв, окрик, использование людей. Это – «средство», отделенное от «цели» (в отличие от Христа, снимающего как страшную сущность демонизма различие «средства» и «цели», ибо во Христе – цель, то есть Царство Божие, раскрывается в «средстве»: Он Сам, Его жизнь...). Солженицыну, как Ленину, нужна, в сущности, партия, то есть коллектив, безоговорочно подчиненный его руководству и лично ему лояльный... Ленин всю жизнь «рвет связи», лишь бы не быть отождествленным с чем-либо чуждым его цели и его средствам. Лояльность достигается устрашением, опасностью быть отлученным от «дела» и его вождя. И это не «личное», не для себя, только для дела, только для абсолютной истины цели...

Третья «опухоль» – в области религиозного сознания. Творец приемлет «триединую интуицию»¹. Человек сопротивляется ей, сопротивляется, в сущности, Христу. Ему легче с Богом, чем с Христом. К Богу можно так или иначе возвести наши «ценности», Христос требует их «переоценки». Всякая иерархия ценностей может быть «санкционирована» упоминанием Бога, только одна – абсолютно отличная от всех – возможна со Христом. Религия Бога, религия вообще может даже питать гордость и гордыню («Мы русские, с нами Бог»). Религия Христа и Бога, в Нем открытого, несовместима с гордыней. С Богом можно все «оправдать», во Христе – то, что не умрет, не оживет². Все христианство: «Если любите Меня, заповеди Мои соблюдайте...»³. И дальше: *вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге*⁴.

ЧЕТВЕРГ, 16 ОКТЯБРЯ 1975

<...> Работа над Солженицыным. Удивительно, как, по мере писания, у меня всегда мучительно медленного, углубляется, да и попросту меняется та первоначальная «интуиция», с которой все началось. Кажется, хотел написать одно, а пишешь если не совсем другое, то все же что-то неизмеримо – для себя хотя бы – более глубокое и – опять-таки для себя – удовлетворительное...

¹ «Творение – Падение – Спасение».

² 1 Кор. 15, 36. Ср. Ин. 12, 24.

³ См. Ин. 14, 21.

⁴ Кол. 3, 3.

Мне [прислали] только что вышедшего солженицынского «Ленина в Цюрихе». Вспоминаю мой разговор с С[олженицыным] – «Я сам – Ленин...»

Статья, которую я пишу, привела меня к убеждению, что в старообрядчестве или, вернее, в странной одержимости С[олженицына] старообрядчеством нужно искать ключ если не ко всему его творчеству, то во всяком случае ко многому в нем – и прежде всего к интуиции и восприятию его главного «героя», то есть России.

Но это не просто увлечение «старинной», не романтическое притяжение к «древности». Тут все гораздо глубже и, может быть, даже духовно страшнее. Солженицын, мне кажется, предельно одинокий человек. Каждая связь, каждое сближение его очень быстро начинает тяготить, раздражать, он рвет их с какой-то злой радостью. Он один – с Россией, но потому и Россия, с которой он наедине, не может быть ничьей. Он выбирает ту, которой в буквальном смысле нет, которая, как и он, была изгнана из России, отчуждена от нее, но которая, поэтому, может быть всецело его, солженицынской Россией, которую он один – без никого – может и должен воскресить. Россия оборвалась в крови и «гарях» старообрядчества, и Россия начинается снова с него, Солженицына. Это предельное, небывалое сочетание радикального «антиисторизма» со столь же радикальной верой в собственную «историчность»... Толстой переписывал Евангелие, Солженицын «переписывает» Россию.

Пятница, 17 октября 1975

Читаю с захватывающим интересом солженицынского «Ленина в Цюрихе». Напор, ритм, бесконечный, какой-то торжествующий талант в каждой строчке, действительно нельзя оторваться. Но тут же почти с каким-то мистическим ужасом вспоминаю слова Солженицына – мне, в прошлом году, в Цюрихе – о том, что он, Солженицын, в романе – не только Саня, не только Воротынцев, но прежде всего – сам Ленин. Это описание изнутри потому так потрясающе живо, что это «изнутри» – самого Солженицына. Читая, отмечаю карандашом места – об отношении к людям (и как они должны выпадать из жизни, когда исполнили свою функцию), о времени, о целеустремленности и буквально ахаю... Эта книга написана «близнецом», и написана с каким-то трагическим восхищением. Одиночество и «ярость» Ленина. Одиночество и «ярость» Солженицына. Борьба как содержание – единственное! – всей жизни. Безостановочное обращение к врагу. Безытность. Порабощенность своей судьбой, своим делом. Подчиненность тактики – стратегии. Тональность души... Повторяю – страшно...

ОТВЕТ СОЛЖЕНИЦЫНУ

1

*Протопресвитер Александр Шмеман.
Пасха. Крествуд, 1970 год*

Если бы «Письмо из Америки»¹ не было написано автором «Архипелага ГУЛАг» и «Августа Четырнадцатого», на него можно было бы не отзываться. Но его написал Солженицын, человек изменивший воздух, которым мы дышим, сказавший слова, которые очистили и возродили слово, прорубивший ложью и подлостью замурованный доступ к совести и правде. Человек, каждое слово, каждая строчка которого заслуживает поэтому предельного внимания. А если так, то молчание – при коренном несогласии с ним – было бы изменой и ему, изменой тому призыву жить не по лжи, что составляет духовный двигатель его писательского служения.

Итак, скажу прямо, что «Письмо из Америки» вызвало во мне глубокую обиду, но только обиду не на Солженицына, а за него. Правда, в письме этом при желании можно было бы найти немало оснований для обиды – не личной, конечно, а «церковной» – и на Солженицына. Так, горестное недоумение вызывают – непроверенность фактов, повторение, очевидно с чужих слов, ложных сведений, голословность иных обвинений и, больше всего, пронизывающее его здесь и там непонятное раздражение... Однако после второго и третьего чтения обида эта как бы растворяется, и исчезает желание спорить с Солженицыным даже о самых вопиющих, допущенных им, ошибках. Почему? Да потому что очевидным становится, что само то письмо, в сущности, не о наших «церковных делах» – успехах, промахах, разделениях и т. д., а о чем-то другом. Что все эти ошибки – в фактах, суждениях, оценках – не причина, а результат какой-то неизмеримо более глубокой ошибки, которая и вызывает обиду не на, а за Солженицына и о которой одной только и стоит говорить.

¹ См. Солженицын А. Письмо из Америки. Вестник РХД. № 116. С. 121.

Поскольку, однако, темой письма является Церковь, необходимо начать хотя бы с нескольких слов о подходе Солженицына к этой теме. Ибо, как это ни горько сказать, подход этот сродни тому странному, почти всегда бессознательному, но и несомненному, презрению к Церкви, которое издавна присуще русской интеллигенции (не в узком, а в широком смысле этого словосочетания, означающего здесь русский образованный класс) и которое не исчезает даже и тогда, когда русский образованный человек возвращается к религиозному мировоззрению и даже к «церковности».

О причинах этого презрения, многие из которых несомненно укоренены в печальных сторонах русской церковной действительности, здесь можно не говорить. Но сущность его ясна и определить ее можно приблизительно так: в отношении Церкви (подчеркиваю: я говорю именно о Церкви, а не о вере или религии вообще) русский образованный человек не считает себя связанным теми принципами и правилами, которые для него самоочевидны и элементарны в любой другой области. В первую очередь, это относится к действительно элементарному, казалось бы, требованию знать то, о чем говоришь. Как это ни странно, но в том, что касается Церкви, ее учения, внутренних законов, внутренней «логики» ее устройства и всей ее жизни, простой намек на такое требование вызывает у большинства русских образованных людей, даже верующих и церковных, настоящее раздражение, словно требуют от них чего-то не только невозможного, но, по сути дела, и ненужного. Ненужно же оно потому, что к Церкви такой образованный человек подходит, и ее воспринимает, не знанием, а чувством, и это – никаким знанием не проверенное и не очищенное – чувство и есть для него единственное мерило всего в церковной жизни. Я даже не говорю о богословии в прямом смысле этого слова – оно, не без вины, возможно, самих богословов, так никогда и не вошло в ткань русского «образования», осталось ему чуждым. Но такое же удивительное невежество и тот же отказ невежество это считать изъясном и недостатком характеризуют отношение нашего образованного класса и к богослужению, и к церковному устройству, ко всему, что включено в понятие церковной жизни. Это не мешает, однако, русскому интеллигенту с апломбом судить об этой жизни и о самой Церкви. Тут сказывается вторая, присущая русскому интеллигенту, черта: отсутствие в нем смирения перед Церковью, нечувствие ее «иноприродности» по отношению ко всем другим областям жизни. Пускай подсознательно, на глубине души, но он убежден, что он нужнее Церкви, чем она ему и потому, едва переступив ее порог, он начинает не столько спасаться в ней, сколько спасать ее...

И вот, хотя бы и отчасти, но подход этот чувствуется, увы, и в письме Солженицына. Ведь, возьмем ли мы «Архипелаг ГУЛаг» или «Август Четырнадцатого», эти две – для меня – вершины солженицынского творчества, нас не может не поразить, прежде всего, то подлинное знание, что лежит в основе этих произведений, и то усилие, что вложено в приобретение этого знания, усилие не только ума и памяти, но и того, что в одной из прежних моих статей о Солженицыне я назвал творческой совестью. Во всем, о чем он пишет в этих книгах, хочет дойти Солженицын до последней правды, до нравственного права сказать, как сказал он в первых строках Архипелага: «все было именно так». В «Августе Четырнадцатого», например, целые главы посвящены кропотливому техническому анализу военных действий, для читателя подчас непосильному, однако в сознании и совести автора необходимому для того, чтобы правда вывода была укоренена в правдивости подхода. И именно эта совесть и правдивость делают творчество Солженицына художественным исследованием.

Но вот когда говорит Солженицын о Церкви, почему-то не чувствует он, по-видимому, потребности в «исследовании», в изучении и проверке, в узнавании и взвешивании узанного на весах творческой совести. Тут достаточными оказываются несколько впечатлений, несколько эмоционально окрашенных переживаний, несколько разговоров – и над всем доминирующее чувство, раздраженно и презрительно противопоставляемое «формалистическим умам». Допустил ли бы он, например, в «Августе Четырнадцатого» то, что допустил в своем письме: смешение двух совершенно различных, и по времени и по сути, событий – возврат в конце прошлого столетия в Америке униатов в лоно Православия и уход из русской канадской епархии, вскоре после революции, православных, а не униатов, украинцев? Позволил бы себе привести, не проверив, чью-то злонамеренную клевету о подписании в Москве молодым американским епископом какого-то «измененного соглашения»? Я не собираюсь здесь ни перечислять такого рода ошибок, ни отвечать на них. Я только дерзаю утверждать, что такого подхода – без проверки, без досконального исследования – Солженицын не позволил бы себе ни в одной другой области, будь то движение русских корпусов в Восточной Пруссии, Ленин в Цюрихе или созревание зловещего архипелага... Там – он все проверил, все, что мог – узнал, взвесил и оценил своей творческой совестью. Здесь – не только говоря о Церкви, но, фактически, и вынося суд над нею, – он этого не сделал...

Почему? Как же он мог оказаться причастным тому презрению, ни йоты которого не найдем мы у него в отношении даже заклятых его врагов – Сталина, Ленина, «голубых кантов», в освобождении от которого

вся сила и вся правда его творчества? Только этот вопрос, и именно потому что затрагивает он самые глубины солженицынского видения, и ставит перед нами его «Письмо из Америки», только на него и стоит постараться найти ответ.

3

Ответа же этого искать следует, по моему глубокому убеждению, не в том, что Солженицын пишет о «церковных делах» и, тем паче, разделах – которые в конце своего письма и называет-то он ничтожными, – а в его постоянной, напряженной, с первого взгляда даже непонятной сосредоточенности на старообрядчестве. Не случайно, конечно, во всем том, сравнительно с объемом его творчества, немногим, что написано им о Церкви и ее «проблемах», такое центральное место отведено именно старообрядчеству и старообрядцам. И, по-моему, глубоко ошибаются те, кому это кажется каким-то непонятным капризом, чуть ли не блажью, чем-то, что, во всяком случае, не имеет прямого отношения к главной магистральной его творчества. Я убежден, напротив, что тема эта не только не «побочная», но ключевая для понимания того ответа, каковым в каком-то глубоком смысле является все творчество Солженицына.

О чем бы ни писал Солженицын, по существу занят он одним вопросом: как началась гибель России, в чем сущность этой гибели и в чем спасение от нее? И именно в свете этого вопроса тема о старообрядчестве раскрывается во всем своем значении. В ней ключ не только к подходу Солженицына к Церкви, но и к его восприятию исторической и духовной трагедии России.

Свое «художественное исследование» гибели России Солженицын начинает с рокового лета 1914 года, когда один за другим завязываются узлы уже неминуемого страшного революционного обвала. В том-то все и дело, однако, что для Солженицына начало это есть, на деле, эпилог, трагическая развязка другой, неизмеримо более глубокой и продолжительной трагедии, которая свое начало имеет в национально-религиозном кризисе XVII века. Именно тогда, как утверждает Солженицын в заключительных словах своего письма – «началась гибель России», так что не будь того обвала, – «не в России бы родился современный терроризм, и не через Россию пришла бы в мир ленинская революция», ибо – «в России старовойсковой она была бы невозможна...»

Мы читаем эти слова и сразу же чувствуем: нет, тут не обмолвка, не риторическое преувеличение, не «красное словцо». Мы чувствуем: тут, а не в поверхностных, «сверху вниз», рассуждениях о заслугах и грехах зарубежных «юрисдикций», весь интерес, вся страсть, все внимание Сол-

женицына. Там – сердце его не затронуто, а если и затронуто, то только по отношению к этой, главной для него, теме. Тут – оно все целиком, во всей своей страсти и боли.

А если так, то безконечно важным становится вопрос о том, прав или неправ Солженицын в этих своих утверждениях и в стоящей за ними интуиции? Прав ли он, утверждая, что из всех многочисленных «разрывов и связей» русской истории, именно тот давний кризис начал и изнутри определил собой гибель России, есть источник того духовного зла, что в конце концов восторжествовало в ленинской революции?

4

Необходимо сразу же подчеркнуть, что тема старообрядчества у Солженицына состоит не из одного, а из двух утверждений, которые формально одно с другим не обязательно связаны и не обязательно одно из другого вытекают.

Первое утверждение можно назвать нравственным, потому что в центре его стоит грех гонения на старообрядцев. По Солженицыну, гонением этим «официальная» Россия, и государственная и церковная, совершила страшный грех, и этот грех, поскольку она не раскаялась в нем, отравляет ее сознание и совесть, делает ее в глубоком нравственном смысле Россией падшей, а потому и бессильной против того зла, что постепенно, как раковая опухоль, распространялся по ее организму. Отсюда – призыв к раскаянию перед старообрядцами, призыв, обращенный в первую очередь к «никонианской» Церкви, как основной виновнице этого нравственного преступления и носительнице этого национального греха.

Суть же второго утверждения в провозглашении правоты «староверия» и, соотнoсительно, неправоты «официальной» России, уже по существу: «в России староверческой ленинская революция была бы невозможна». Что же могут означать эти слова, как не то, что с осуждением старообрядчества и исключением его из русской истории, совершилось самоотречение России, обрыв национальной традиции, утеря Россией своего внутреннего облика, души, призвания? Тогда как старообрядцы, даже и веками оторванные от родной земли, эту подлинную Россию сохранили. Солженицын пишет: «видеть как сохранился их национальный облик, народный нрав и слышать их сохраненную речь – нигде на всем Западе и далеко не везде в Советском Союзе почувствуешь себя настолько в России, как среди них...» Таким образом, именно «от бездушных реформ Никона и Петра... началось вытравление и подавление русского национального духа», так с кризиса XVII века началась гибель России...

Я назвал два эти утверждения разнородными, потому что они действительно относятся к совершенно разным планам суждений и оценок. Сколь бы ни был нравственно-осудителен факт гонения (первое утверждение), сам по себе он ведь не доказывает правоты гонимых (второе утверждение). Увы, история Церкви и, шире, так называемого «христианского мира», переполнена гонениями на всевозможных «инакомыслящих». И, однако, очевидно, что оставаясь навсегда грехом и стыдом христианской истории, гонения эти не превращают ересь в истину, заблуждение в правду. И, следовательно, отвратительный факт гонения на старообрядцев не снимает, не разрешает вопроса об их правоте или неправоте, по существу, в том трагическом конфликте, который в XVII веке разделил русское церковное и общественное сознание.

Подчеркнуть же эту разнородность необходимо, потому что сам Солженицын либо не видит, либо не хочет видеть ее. Два утверждения он как бы сливает в одно и неясным становится – в чем же должны мы (т.е. те, кого Солженицын называет «никонианами») каяться – в том ли, что наследственно разделяем и несем грех гонения на старообрядцев, или же в том, что изменили древнему Православию и стали «новообрядцами»? И что питает его собственное страстное и вдохновенное обличение и призыв: раскаяние за гонение или же глубокая идейно-утробная солидарность со старообрядчеством? Поставить эти вопросы ребром заставляет меня не «формалистическая» склонность ума, а столь же страстное желание понять Солженицына, ибо, повторяю, слишком огромно и единственно место его в процессе прояснения и исцеления русского сознания, чтобы осталось здесь что-либо неясным, недоговоренным и двусмысленным.

5

Начнем с первого утверждения Солженицына – о грехе гонения, и с первого призыва – к покаянию перед старообрядцами. Я совершенно убежден, что сегодня не найдется ни одного русского православного человека, который не согласился бы с Солженицыным в его безоговорочном нравственном осуждении государственно-церковного преследования – «огнем и мечом» – старообрядцев. Но именно поэтому и его настойчивое требование раскаяния и покаяния отдает – во всяком случае на мой слух – отвлеченностью и риторичностью. Ибо если под раскаянием общим – государственным, национальным, церковным, в отличие от раскаяния личного, разуметь постепенно совершающуюся в национальном или церковном сознании переоценку того или иного события прошлого, и переоценку именно нравственную, то такая переоценка и, следовательно, раскаяние в отношении трагических событий XVII века уже совершились. Я не знаю

ни одного церковного историка, ни одного богослова, ни одного православного мыслителя, который не подписался бы под выводом покойного проф. А. В. Карташова¹: «Вся эта неистовая трата драгоценной духовной энергии и религиозного героизма не может не вызвать в нас горестного сожаления. Как много сил потеряла наша русская Церковь от нетактичного проведения книжной sprawy и от всего поведения патриарха Никона» (История Русской Церкви. II. 241).

Общий очерк этой покаянной переоценки можно найти во введении и к последнему по времени русскому труду на эту тему – в «Русском старообрядчестве» проф. С. А. Зеньковского² (1970). И хотя, как замечает Зеньковский, тут предстоит еще много работы, вряд ли подлежит сомнению сам факт глубокого и именно нравственного осуждения русским и церковным и общественным сознанием бессмысленного и греховного гонения, воздвигнутого на целый слой русского народа. Не существует уже давно и апологетов патриарха Никона, так что вряд ли термин «никонианская» справедлив в применении к Русской Церкви. Напротив, уж если что характерно в ставшем общепринятым подходе к нему, так это как раз почти преувеличенное³, страстное осуждение его, отдающее ненавистью («нелепые затейки неистового Никона». – С. А. Зеньковский).

Что же касается нашего светского общества, как «прогрессивного», так и «консервативного», то в нем уже в XIX веке началось настоящее увлечение старообрядчеством, его бытом и укладом жизни, его архаичной целостностью, сохраненной им традицией древнерусской иконописи и кустарного искусства, а также и его социально-экономическими успехами. Поэтому в словах Солженицына о том, что старообрядцы «запуганы и затравлены», я не могу не видеть по меньшей мере преувеличения. И уж во всяком случае не затравленностью или запуганностью объясняется то, что «они и христианами нас почти не почитают, они и в притворе свое-

¹ Карташов Антон Владимирович (1875 – 1960) – православный историк, обер-прокурор Синода, министр вероисповеданий Временного Правительства, с 1919 года в эмиграции, профессор Свято-Сергиевского института (Париж).

² Зеньковский Сергей Александрович (1907 – 1990) – русский историк, славист. Особое внимание уделял истории русского раскола. Автор монографии «Русское старообрядчество».

³ Преувеличенное, потому что далеко не все идеи Никона были неверными. Как пишет о. Георгий Флоровский: «свою идею священства Никон нашел в святоотеческом учении, особенно у Златоуста. Кажется, он и в жизни хотел бы повторить Златоуста. Может быть, не всегда он выражал эту идею удачно и осторожно, и пользовался иногда и “западными” определениями. Но он не выходил при этом за пределы отеческого воззрения, когда утверждал, что “священство” выше “царства”. В этом вопросе против него оказались не только греки... В этом вопросе против Никона были и ревнители русской старины “старообрядцы”. И для них “Царствие” осуществлялось скорее в Царстве, чем в Церкви... Это и есть тема раскола» (*Пути Русского Богословия*, 67).

го храма не разрешат нам перекреститься ни по своему, ни по ихнему», а чем-то совсем другим, что и переводит нас ко второму солженицынскому утверждению.

6

«В России староверческой ленинская революция была бы невозможной». Скажу прямо: именно в этом утверждении Солженицына, составляющем как бы средоточие, идейно-психологический «фокус» его письма, вижу я основную ошибку, основную потому, что относится она не ко всегда исправимым частностям, а к солженицынскому восприятию всей русской трагедии. Поэтому и этот мой, поневоле краткий, ответ ощущаю я как одновременно и вопрос, обращенный к Солженицыну и продиктованный не раз исповеданной мною верой в его призвание быть «экзорцистом» русского сознания, освободителем его от завладевших им соблазнов.

Между тем, именно таким соблазном звучит для меня утверждение Солженицына. Оно поражает меня в устах писателя, первым сказавшего горькую, но и целительную, правду о духовных изъянах русской судьбы, первым обличившего губительную сущность всяческого «идеологизма». Кто-кто другой, но Солженицын – думается мне – не может не понять, что если что-либо сделало ленинскую революцию в России возможной, а может быть и неизбежной, то это как раз то, что впервые с такой силой проявилось в старообрядческом расколе, то, чего раскол был первым, но, увы, не последним «взрывом», и что так метко определил о. Георгий Флоровский¹, назвавший раскол – «первым припадком русской беспочвенности, отрывом от соборности, исходом из истории».

Именно тогда если не возникли, то впервые с такой интенсивностью проявили себя столь часто присущие русскому сознанию – как искушение, как соблазн – одержимость ложными абсолютизмами, легкость разрывов и отрывов, уход из истории, и это значит – из медленного подвига и делания, из ответственности, из «труда и постоянства» – в апокалиптический испуг и утопию, неспособность к трезвости и самопроверке, к различению духов – от Бога ли они... Потому так соблазнительно нечувствие всего этого теми, кто, зачарованные старообрядчеством, как якобы чудесно сохранившимся куском подлинной, древней, неповрежденной России, за внешней верностью «старому обряду» и «быту» не различают

---

¹ Флоровский Георгий Васильевич (1893 – 1979) – протоиерей, богослов, патролог. В эмиграции с 1920 года, с 1926 года – профессор Свято-Сергиевского института в Париже, с 1947 года – в США. С 1951 года – декан Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, профессор Гарвардского и Принстонского университетов.

изначального пафоса раскола как пафоса именно испуга и отрицания, не ощущают как раз новизны породившего его мироощущения.

Новизны, прежде всего, самой веры, религиозного опыта. С богословской точки зрения, которую у нас, увы, и всерьез-то не принято принимать, меньше всего по отношению к исконной вселенской вере Церкви было в старообрядчестве именно «староверия». Напротив, почти сразу же оно превратилось в радикальное нововерие: «убежали от новизны пустяковой и вошли в дебри новизны сплошной догматической» (А. В. Карташов). Ибо для оправдания своего разрыва и с Церковью и с Царством, т. е. основными «координатами» собственного своего мировоззрения, раскол должен был подменить веру Церкви радикальной апокалиптической схемой, действительно страшным, неслышанным учением об оскудении и «уходе» благодати. Потому старообрядчество «должно было фактически создавать новую “старую” веру, без иерархии, без церквей, без полноты таинств, и придумывать новый “старый” обряд, который, во всяком случае в части старообрядческого движения, был по существу гораздо более радикальным нововведением, чем все “никонианские” новшества...» (С. А. Зеньковский). Но неужели степень нашего равнодушия к содержанию веры такова, что все это еще нужно доказывать? Неужели не ясно, что в плане веры и религиозного опыта раскол был вспышкой – на русской почве и в русском сознании – того, уже на заре христианства осужденного, соблазна о Церкви, который красной нитью проходит через всю историю христианства и сущность которого, на последней глубине, в действительно еретическом отрицании Богочеловечества, а потому и Церкви, как богочеловеческого организма, вечно изнемогающего в своем земном странствовании, но вратами ада не одолимого¹ «до скончания века...» И потому совсем не обряды и обычаи, и не загнанность и запуганность, а вера разделяет старообрядчество и Православие, или точнее – нововерие старообрядчества, несовместимое с верою и преданием Церкви. Потому и никакое примирение и воссоединение не будет подлинным, если не будет оно основано, как и все в Церкви, на единстве веры...

7

Новой в старообрядчестве была не только вера. По слову Костомарова², сам «раскол был явлением новой, а не древней жизни». И в истории русского сознания старообрядчество можно определить как первое явление

¹ См. Мф. 16, 18.

² Костомаров Николай Иванович (1817 – 1885) – русский историк, публицист, поэт, общественный деятель, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Автор «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей».

того идеологизма, которому суждено было стать одним из самых роковых факторов всей дальнейшей русской истории. Идеологизмом я называю сам факт плененности и одержимости сознания идеологией, сущность которой всегда в сочетании отвлеченной и утопической идейной схемы с абсолютной верой в ее практическую «спасительность» и с фанатическим волевым подчинением ей действительности. И именно идеологией, больше чем религиозной сектой, был и остался раскол в своем основном потоке. В нем можно распознать все те черты, которые в таком страшном изобилии пришлось с тех пор, в века расцвета и торжества «идеологизма», испытать и России, и миру.

Как и всякая идеология, раскол в истоках своих был «вспышкой социально-политического неприятия и противодействия, социальным движением – но именно из религиозного самочувствия» (Флоровский). Как и всякая идеология, раскол был, прежде всего, утопией – «его мечта была о здешнем Граде, о граде земном, теократическая утопия, теократический хилиазм». Ибо в основе всякой идеологии лежит всегда определенное и целостное истолкование истории, абсолютизация одной историософской схемы, которая, будучи принята как абсолютная истина, уже не подлежит проверке «действительностью», а напротив, сама становится единственным критерием ее понимания и оценки. Накинув, как и всякая идеология, свой идеологический аркан на историю, старообрядчество оказалось – как и всякая идеология – слепым к истории, к действительности, неспособным ничего в ней увидеть, распознать, оценить и переоценить, твердокаменно-неподвижным как в отрицаниях своих, так и утверждениях. И опять-таки, причиной этому не «гонение», которое не помешало старообрядцам в России развить большую социально-экономическую активность и достичь значительных успехов и хозяйственного благополучия, а та глухая стена, которую неизменно воздвигает вокруг себя «идеология» и которой всегда отделена она от живой жизни и реальной истории...

Говоря о том, что старообрядчество оказалось первым явлением в России «идеологизма», я, конечно, ни минуты не утверждаю, что между старообрядчеством и другими идеологиями, позднее пленившими русское сознание, существует какая-либо причинно-следственная связь или прямое преемство. Конечно нет, тем более, что «утопия» старообрядчества была утопией прошлого, тогда как через пресловутое петровское «окно в Европу»¹ полился к нам западный утопизм будущего. Я утверждаю только, что

---

¹ Из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник»:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.

дальнейшее, прогрессирующее пленение русского сознания этими идеологическими утопиями, сам этот роковой «идеологизм», чем дальше, тем больше раздиравший Россию, были проявлением тех же психологических соблазнов, того же двусмысленного – ибо «светом разума» не проверенного и не очищенного – максимализма, которые как пожар вспыхнули уже в расколе. И этим, возможно, и объясняется то притяжение к старообрядчеству, та парадоксальная симпатия к нему, которую мы находим у русских радикалов как «левого», так и «правого» толка: в старообрядчестве им импонирует именно его «стопроцентность» и в отрицаниях и в утверждениях, та стойкость и непримиримость, которые действительно присущи всякому идеологизму, и которые так легко и так часто принимаются за критерий истины и правоты... Чем же, как не снова «яростным приступом антиисторического утопизма», были и нигилизм 60-х годов и народничество 70-х и восторженное, почти экстатическое принятие марксизма в 80-х и 90-х? Как не видеть в них, насквозь пронизывающей их, именно веры, своего рода религиозного исступления? Действительно, по слову одного историка, «вся история русской интеллигенции проходит в прошлом веке под знаком религиозного кризиса», и не случайно, конечно, и Писарев и Добролюбов начали с почти надрывной религиозности. Все это та же стихия, абсолютизирует ли она чин и обряд, или же народ или революцию. «Русский интеллигент – писал С. Л. Франк¹ – сторонится реальности, бежит от мира, живет вне подлинной, исторической, бытовой жизни, в мире призраков, мечтаний, благочестивой веры...» А этот несомненный «религиозный субстрат» русского идеологизма и роднит его, не генетически, а психологически, со старообрядчеством, делает его проявлением одного и того же исторического нигилизма². Ибо история тут либо в прошлом, либо в будущем. В настоящем ее нет и, согласно основному догмату всякой идеологии, быть не может... И вот старообрядчество, живя в века, отмеченные, как-никак, светозарным явлением свт. Тихона Задонского, прп. Серафима Саровского, оптинских старцев, твердокаменно остается при своем, в само себя закованном и самодовлеющем отрицании. А русский «радикал» в эпоху небывалого, несравнимого взлета русского творчества, просто не замечает его в уходе в свой собственный утопический хилязм...

¹ Франк Семен Людвигович (1877 – 1950) – религиозный философ, был выслан из России в 1922 году, жил в Германии, с 1939 по 1945 год – в Париже.

² Пишет Флоровский (стр. 295) – «Особо нужно упомянуть о тогдaшнем влечении к расколу в радикальных кругах (ср., в частности, пребывание А. Михайлова у “спасовцев” под Саратовым). В религиозных движениях стараются открыть их социальную основу. Но не были ли, напротив, социалистические движения направлены религиозным инстинктом, только слепым? “Через 200 лет мученикам двуперстия откликнутся мученики социализма (Федотов)...”».

Когда-нибудь будет наконец признано как самоочевидная истина, что все идеологии, независимо от того, «левые» они или «правые», направлены ли они на прошлое или на будущее, рожают, рано или поздно, один и тот же тип человека: человека, прежде всего, слепого к действительности, хотя как будто только к ней, ради ее радикального изменения, и обращенного всей своей волей, всей целостностью своей идеологической веры. Человека, чье сердце, по выражению В. Соловьева¹, «пламенеет новой верой, но ум не работает, ибо на все вопросы есть уже готовые и безусловные ответы». И не в том ли историческая трагедия России, что слепой, и потому разрушительный, «идеологизм» оказался сильнее, и в конце концов восторжествовал над силами светлыми, творческими и созидательными?

8

Среди же этих светлых и созидательных сил я, ни минуты не сомневаясь, хотя и зная все возражения, на первое место ставлю Церковь, ту самую, которую Солженицын называет «никонианской» и определяет как «безвольный придаток государства».

Отдав много лет на изучение и преподавание истории Церкви, я не принадлежу к числу тех, кто идеализирует ее прошлое и считает изменой ей какую бы то ни было критику дореволюционного русского православия. Напротив – в такой критике я вижу одну из насущнейших задач русского церковного сознания, слишком часто подверженного, увы, ничем не оправданному триумфализму и горделивому самодовольству. Вместе с подавляющим большинством русских церковных историков и богословов я считаю церковные реформы Петра насилем над Церковью, трагически ограничившим ее свободу и воздействие на «народный дух», превратившими ее в казенное «ведомство православного исповедания», а духовенство в «запуганное сословие» (Флоровский). Но не только элементарное чувство справедливости, а и насущно нужная нам сейчас «полнота зрения» требуют, чтобы, признавая все это, мы видели и распознали и другую сторону, другое содержание русского Православия т. н. «синодального» периода.

Полная же правда о нем в том, что, какова бы ни была степень ее плененности государством и ее «казенной судьбы», именно в недрах этой синодальной, имперской Церкви и именно в эти два судьбоносных века, совершалось и нарастало возрождение Православия в его вселенской глубине и силе, после столетий застоя, вызванного трагической судьбой православного Востока. Во-первых и превыше всего – духовное

---

¹ Соловьев Владимир Сергеевич (1853 – 1900) – религиозный философ, поэт, публицист и критик.

возрождение, выразившееся более всего в новом расцвете монашества, этого исконного духовного средоточия России. Я назвал уже свт. Тихона Задонского, прп. Серафима, оптинских старцев. Но эти вершины и взлеты были бы невозможны без исподволь и на глубине совершавшегося возврата к первоистокам православного религиозного опыта и умозрения, без подвига прп. Паисия Величковского¹ и им и его учениками созданной сети духовных очагов этого возврата. А наряду с духовным возрождением и в прямой связи с ним происходило и возрождение творческой церковной мысли, освобождение ее от многовекового «западного пленения» через творческий же возврат к полноте церковного предания... Пускай это было только начало, только провозвестие – но сколь знаменательное и вдохновенное – воцерковления русского сознания, преодоления того разрыва в нем между Церковью и культурой, корни которого уходят не только в «культурную революцию», навязанную Петром, но и в сакральный иммобилизм Стоглавого собора²... И, может быть, только сейчас, в свете того, что за последнее полустолетие произошло в России и с Россией, начинаем мы понимать все значение и всю глубину этого возрождения, именно теперь слышим в нем спасительный призыв, обращенный к нам.

А уж если в чем была настоящая, духовная трагедия русской Церкви в эти века, то как раз в неизжитости в церковном сознании и в церковной жизни косной инерции староверия и обрядоверия, в утробном ферапонтовском сопротивлении всему живому и подлинному, в реакционном испуге перед всякой мыслью и творчеством и в гонении на них. Именно эта инерция и этот псевдо-консерватизм уводили буквально сотни тысяч людей в сектантство, именно эта боязнь Духа и Истины, это недоверие к «свободе сынов Божиих»³ породили и победоносцевское стремление «подморозить Россию», а также и взрыв дешевого, всякой глубины и подлинности лишенного, обновленчества...

И все же именно Церковь и только Церковь оказалась силой, способной противостоять разгулу и торжеству сатанинской идеологии. Она одна не рухнула в страшном, по своей быстроте, крушении Им-

---

¹ Прп. Паисий Величковский (1722 – 1794) – архимандрит Нямецкого монастыря, известен своей строгой жизнью и духовно-литературными трудами. Перевел с греческого на русский язык множество творений святых отцов Церкви. Добротолубие, сочинения святых: Исаака Сирина, Григория Паламы и многих других. Прославлен Русской Православной Церковью в 1988 году.

² Церковный и Земский собор, который проходил в Москве с 22 февраля по 11 мая 1551 года в Успенском соборе Кремля с участием царя Ивана Грозного, высшего духовенства и Боярской думы.

³ См. Мф. 17, 26: *итак сыны свободны.*

перии. Гонимая, загнанная, разлагаемая и отравляемая безпрестанным давлением, контролем, предательством, ложью, одна она, по свидетельству самого Солженицына, оказалась не падшей в страшном падении России.

9

Поскольку статья эта написана в ответ на письмо, тема которого – Церковь, я только мимоходом коснусь другой, созидательной, а не разрушительной силы, другого противодействия в русской истории постоянному искушению «идеологизма». Это – сама русская культура и, прежде всего, великая русская литература, не случайно же расцветшая в эти имперские века. Не стоит повторять здесь всего сказанного о ней как в России и русскими, так и иноземцами, для которых именно в ней величие России. Достаточно напомнить, что искушение «идеологизмом» было и в ней, и однако именно в том и величие ее и глубина, что в лучшем ею созданном – от Державина и Пушкина до «Августа Четырнадцатого», – искушение это было каждый раз преодолено. Что осталась она верной как раз той правдивости, которую больше всего не выносит идеология, и поэтому постоянной победой над ложью идеологизма.

Чудо всего подлинного в русской литературе – что была и остается она свободной не только под давлением «внешним», но и изнутри, в своей творческой совести, от идеологических идиологов и идолопоклонства.

Нет, не в исходе в какую-то мнимую Россию прошлого, как и не в утопических мечтаниях о будущем, а в духовно-трезвом собирании и претворении в жизнь всего подлинного и вечного, созданного и создаваемого ею – спасение России, превыше же всего – в «испытании духов – от Бога ли они...»¹.

Все эти мысли пришли мне в голову при чтении «Письма из Америки». Допускаю, что я чего-то не расслышал в нем, или же услышал то, чего нет в нем. Если так, то признание своей ошибки будет для меня величайшей радостью. В оправдание же написанного скажу то, что сказал раньше: Солженицын – слишком огромное явление и для России и для мира, чтобы просто «пройти мимо» того, что он говорит и к чему призывает.

Поскольку же письмо его – об единственной, и для меня ни с чем несоизмеримой, ценности и реальности – о Церкви, не откликнуться на него было бы для меня изменой и Церкви и ему.

Вестник Русского христианского движения. № 117. I – 1976.

¹ См. 1 Ин. 4, 1: *испытывайте духов, от Бога ли они...*

СОЛЖЕНИЦЫН ДЛЯ БУДУЩЕГО

Несомненно, Солженицын в будущем. Прежде всего потому, что все большие авторы и все значительные мысли – в будущем. Это утверждение не так оптимистично, как может показаться. Оно предполагает: в настоящем – в нашем общем настоящем – их еще нет, их по-настоящему не прочли и не услышали. Странно складывается история: в течение тысячелетий люди написали и сказали больше, чем прочли и услышали. Однажды в венской гостинице со мной заговорил портье, который сидел на своем рабочем месте, выдавая и принимая ключи постояльцев, и читал «Повести» Льва Толстого (в немецком переводе, разумеется). Он сказал: «Когда Россия прочтет Толстого, все будет иначе». Среди повестей, которые читал портье, был «Хаджи Мурат», а время было – чеченская война. Сколько раз в самых разных местах я слышала – и сама говорила – что-то похожее, вспоминая при этом разные имена: «Когда прочтут Пушкина...» Наравне с будущим временем здесь употребимо согласительное наклонение: «Если бы прочли...» Да, конечно: «Если бы Россия прочла Солженицына, все было бы иначе».

Но что в этом случае значит: «Россия прочтет» или «Если бы Россия прочла»? Мы привыкли думать, что писатель в России обладает такой значительностью, как, может быть, нигде больше (во всяком случае, в новые времена), что литературе («святой русской литературе», как назвал ее Томас Манн) принадлежит совершенно особое место в нашей общественной жизни.

Этот «литературоцентризм» русской культуры, совершенно очевидный, то положение, при котором писателю приходится брать на себя задачу морального учителя, историка, философа, религиозного мыслителя, даже по-

Ольга Александровна Седакова

Ольга Александровна Седакова родилась в Москве 26.12.1949 г. В 1973 году окончила филологический факультет МГУ. В 1986 году вышла ее первая книга в издательстве YMCA-PRESS, в России первая книга О. Седаковой вышла в 1990 году. Кандидат филологических наук, доктор богословия *honoris causa* (Минский Европейский Гуманитарный Университет, факультет богословия, 2003).

литика и практического деятеля, в недавние времена многие пытались обличить и преодолеть¹. Но стоит задуматься вот о чем. Итальянцы говорят, что роман А. Мандзони «Обрученные» сделал для объединения Италии больше, чем все политические движения этого времени. Англичане знают, что после романов Ч. Диккенса многие вещи исправились в английской социальности (приюты, обращение с детьми и т. п.). Можем ли мы сказать, что «Бедная Лиза» Карамзина хоть немного ускорила отмену крепостного права? (А это и был бы случай Диккенса!) Или что после романов Толстого и Достоевского, которые поражают читателя во всем мире глубиной и страстностью своей человечности, российская жизнь (я имею в виду практическую социальную жизнь) хоть в чем-то стала гуманнее и светлее? Как понять это странное положение: глубокая, гуманная, мудрая словесность – и социальная жизнь, в которой достоинство человека унижено больше, чем это допустимо в самой «средней» европейской стране? Я думаю, дело в том, что те в России, кто действительно читали и прочли Толстого, Достоевского, Пушкина, Солженицына, никогда не могли оказать никакого практического воздействия на ход событий в стране. Власть же, от которой у нас зависит все, никогда ничего этого не читала (в том смысле, что не принимала всерьез) и ничего общего не имела с великой словесностью собственной страны.

Так что будущее время или сослагательное наклонение в той фразе, с которой я начала: «Когда Россия прочтет Солженицына» или «Если бы Россия прочла Солженицына», означает по существу такую глубочайшую перемену нашего положения, при которой читатели Солженицына смогут влиять на практические решения – или же: при которой те, кто эти решения принимают, окажутся читателями Солженицына. Самый простой пример: если бы Солженицын был в России к настоящему времени прочитан, просто невозможно было бы наваждение всех этих мутных восторгов по поводу сталинского «эффективного менеджмента», которые раздаются теперь отовсюду и даже вводятся в школьные учебники, невозможно было бы продолжать безумное взвешивание: «с одной стороны» – «с другой стороны». С одной стороны – ГУЛАГ, с другой – ... Что это за существо, которое может думать в таком случае о «другой стороне»?

Будем надеяться, что это существо еще не прочло Солженицына, и у него все в будущем.

Что говорит Солженицын своему будущему читателю? Начнем с того, что он сказал нам, его читателям советских времен, жизнь которых (во всяком случае, «внутренняя жизнь»²) от этого чтения переменялась. Во-первых, как

¹ Признаюсь: не понимаю, зачем. Как будто освободиться требовалось не от того, что в нашей истории страшно, а от самого лучшего в ней, от того, что, может быть, оправдывает само существование нашей страны.

² Чтобы переменялась не только внутренняя, но и внешняя жизнь, требовалось необычайное мужество, которым мало кто обладал.

ни странно это покажется, он сказал нам слово надежды и ободрения. «Стало видно далеко вокруг». Многие читатели этих запрещенных машинописных копий или зарубежных томиков (и я среди них) только из них впервые узнавали о размахе того нечеловеческого зла, о котором повествует Солженицын. Но этим новым знанием, которое могло бы убить неготового человека, сообщение Солженицына никак не исчерпывалось. Оно говорило – самым своим существованием, самым ритмом рассказа – другое: оно давало нам со всей очевидностью пережить, что даже такое зло, во всем своем всеоружии, не все-сильно! Вот что поражало больше всего. Один человек – и вся эта почти космическая машина лжи, тупости, жестокости, уничтожения, заметания всех следов. Вот это поединок. Такое бывает раз в тысячу лет. И в каждой фразе мы слышали, на чьей стороне победа. Победа не триумфаторская, какие только и знал этот режим, – я бы сказала: пасхальная победа, прошедшая через смерть к воскресению. В повествовании «Архипелага» воскресали люди, превращенные в лагерную пыль, воскресала страна, воскресала правда, как будто похороненная на наших широтах навсегда, воскресал человек – благополучный «винтик» этой машины, прошедший «путем зерна», воскресший в страдании и гибели.

Христианская компонента Солженицына, на мой взгляд, состоит именно в этом – редчайшем и среди глубоко верующих людей – знании силы воскресения, его «непобедимой победы». Про кротость все помнят, про смирение все говорят, про милосердие, думаю, многие скажут больше, чем Солженицын, о чистоте тоже – но эту взрывающую мирозданье силу воскресения никто, вероятно, так передать не мог. Воскресение правды в человеке – и правды о человеке – из полной невозможности того, чтобы это случилось. Когда говорят о пророческом начале Солженицына, чаще всего имеют в виду обличение неправды и зла настоящего положения дел, которые во всем своем размахе и во всей своей непопозволительности видны только с неба, как это было у библейских пророков. Но главная весть пророков все же не в этом: эта весть состоит в прямой демонстрации невероятной и непобедимой силы, которая нас, вопреки всему, не оставила и не оставит.

В этом – так я думаю – главное сообщение Солженицына для будущего. О другом можно еще долго думать. Мысли, предложения, отдельные позиции Солженицына-художника, Солженицына-историка, Солженицына-государственного мыслителя можно еще долго обсуждать, спорить с ними или соглашаться. Но это сообщение или, лучше, это невероятное событие «непобедимой победы» всегда будет укреплять человека – и не только в России, о которой он больше всего думал: как вся «святая русская литература», Солженицын говорит со всем миром.

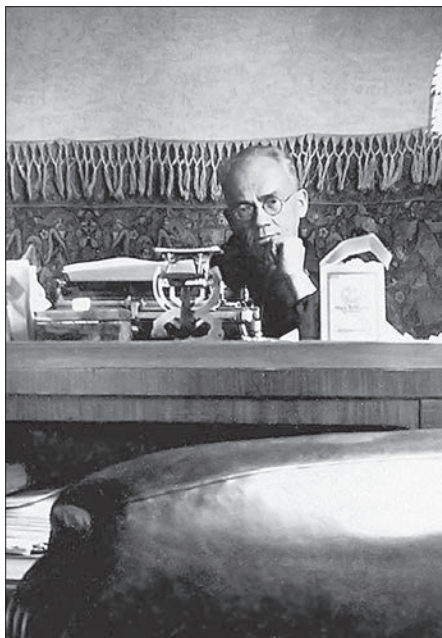
2008 г.

Печатается по: Седакова О. А. В 4 т. Т. 4. Moralia. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.

ЦАРЕУБИЙЦЫ

Иван Лукьянович Солоневич. 1930-е годы

Над десятками миллионов большевицких убийств каким-то страшным символическим рекордом, непревзойдённым по своей гнусности «высшим достижением» большевизма – маячит и будет маячить в веках убийство Государя Императора и его Семьи.

Здесь нельзя говорить даже о расстреле – это казнь, а казнь предполагает суд. Людовик XVI предстал перед каким-то – пусть и неправомочным, но всё-таки судом. Людовику были предъявлены какие-то – не совсем уж вымышленные – обвинения в сношениях с «иностранными интервентами» и в попытке отстоять свой престол штыками иностранных монархов. Николай Второй никаких «интервенций» не предпринимал. Ни в каких «заговорах против республики» – не участвовал. Никаких обвинений ему предъявлено не было и никаким судом он судим не был. Это было убийство – исключительное по своей жестокости и гнусности: убийство детей на глазах отца, и матери – на глазах детей. Это убийство лежит тяжёлым и кровавым пятном на совести русского народа и, в особенности, на совести тех, кто в своё время был близок к Государю. Не потому, что народ или эти круги участвовали в убийстве, а потому, что ничего не было предпринято для спасения человека, который так просто, так безропотно сложил с себя власть и вверил

Иван Лукьянович Солоневич (14. 11.1891 – 24. 04. 1953) родился в селе Рудники Пружанского уезда Грозненской губернии. В 1916 году окончил юридический факультет Петроградского университета, сотрудничал с Суворинным в «Новом Времени», служил в Белой армии. После революции Солоневича, крайне правого монархиста, ждали сталинские лагеря, побег, эмиграция. В Болгарии он издаёт газеты «Голос России» (1936 – 1938), «Наша газета» (1938 – 1940), «Родина» (1940). В 1948 году И. Л. Солоневич основывает в Аргентине газету «Наша страна», на базе которой публикуются главные труды жизни «хроникера величайшей трагедии» России, как именует себя Солоневич в связи с потрясшими его Родину событиями Февраля и Октября.

Свою судьбу и судьбу Своей Семьи русскому народу. Народ – не сумел оправдать этого доверия. Народ виноват в этом меньше, чем его верхи.

Помню: обретаясь более или менее в «низах народа», я всё предполагал, что где-то, в ближайшем окружении Государя, есть некто толковый и преданный, кто не допустит дальнейшего издевательства над Государем и его Семьей. Кто нам, «низам», в нужный момент отдаст какой-то приказ, скажет, что нужно делать. Никого не оказалось. Никто ничего не сказал. То пресловутое «средостение», которое устами «августейших салонов» – выражаясь языком «Царского Вестника»¹ – пускало гнуснейшие сплетни о Царской Семье, то «средостение», которое рукой Дмитрия Павловича² бабахнуло первую пулю нашей «великой и бескровной», и остатки которого в эти дни с похоронными минами будут стоять на панихидах и делать вид, что молятся за упокой души Царственного Мученика, – это средостение вильнуло хвостом и исчезло в политическое небытие. Царь и его Семья были предоставлены во власть озверелого совдепа. Ничто для их спасения предпринято не было. В этом – и наша с вами, господа штабс-капитаны³, вина.

О личности и о царствовании Николая Второго уже написаны десятки томов и, вероятно, будут ещё написаны десятки тысяч. Слишком трагична – и индивидуально и исторически – судьба этого человека и связанная с ней судьба России. Слишком заманчив для романиста элемент «рока», элемент иррациональности в этой судьбе – начиная с сабельного удара японского самурая, через Ходынку⁴, болезнь Наследника, через Распутина, через «трусость и предательство», сплетни и «гнуснейшие инсинуации», неудачные войны, отречение и, наконец, до трагической гибели в екатеринбургском подвале. Я не собираюсь писать никаких мемуаров: покойного Государя я видел всего два раза в жизни – и видел Его, так сказать, с низов. Но может быть, эти отрывочные воспоминания представят некоторый интерес... хотя бы для будущего романиста.

¹ «Царский Вестник» – газета, издававшаяся в Белграде с 1928 по 1940 год, орган русского народного движения за восстановление престола православного Царя-Самодержца.

² Великий князь Дмитрий Павлович Романов (1891 – 1942) в ночь на 17 декабря 1916 года совместно с князем Феликсом Юсуповым, членом Государственной Думы В. М. Пуришкевичем и другими лицами совершил убийство Г. Е. Распутина – Друга Царской Семьи, о чем в своей статье «Великая фальшивка февраля» Солоневич писал: «Первый выстрел русской революции – убийство Распутина».

³ Как писал И. Л. Солоневич в одной из своих работ: «Соль земли находится там, где люди умеют служить и жертвовать собою. По моей терминологии – среди штабс-капитанов» (*Наша* газета. 1939. № 39).

⁴ Трагедия на Ходынском поле 18 мая 1896 года, когда во время коронационных торжеств в давке погибло множество народа. Как выяснила позже следственная комиссия, это была тщательно спланированная акция, которая должна была сорвать торжества и дискредитировать нового Государя Императора Николая II.

Невский проспект в дни празднования 300-летия Дома Романовых. 1913 год

Иван Солоневич – студент. 1913–1915 гг.

Первый раз – это было в дни 300-летия Дома Романовых на Невском проспекте. Я был, так сказать, «в составе толпы», сквозь которую, – без всякой охраны, но с большим трудом, – пробивалась коляска Государя. Со мною рядом стояли два моих товарища по университету: один – левый эсер, другой – член польской социалистической партии. Над Невским гремело непрерывное «ура» – и оба моих товарища тоже кричали «ура» во всю силу своих молодых лёгких: обаяние Русского Царя перевесило партийные программы. Я не кричал «ура» – кажется, никогда не кричал в своей жизни. Я всматривался

в лицо этого Человека, на плечи которого «случайность рождения» возложила такую страшную ответственность за судьбы гигантской Империи. В его жестах было что-то ощупывающее и осторожное: как будто он боялся – привык уже бояться – что малейшая неосторожность может

иметь необозримые последствия для судеб ста восьмидесяти миллионов людей. Вероятно, было и ещё что-то, – чего я тогда не заметил: мысль о том, что из-за сплошной стены этих восторженных лиц может протянуться рука, вооружённая браунингом или бомбой.

Коляска протиснулась дальше. Крики толпы передвинулись по направлению к Адмиралтейству. Мой пэпээсовский¹ приятель несколько конфузливо, как бы оправдываясь перед моей невысказанной иронией, сказал:

– А симпатичный всё-таки бурш².

Почему он сказал «бурш» – я этого не знаю. Вероятно, не знает и он сам – нужно же было что-то сказать. Двадцать один год спустя этот товарищ – поляк и сейчас уже не так чтобы очень социалист – переслал мне, заведомому и неизлечимому монархисту, из Польши в Гельсингфорс – почти тотчас же после нашего побега³ – свою финансовую помощь. Без этой помощи мы бы голодали, как в концлагере... Но это к теме не относится...

Второй раз – это было в начале войны в Минске, через который Государь проезжал, направляясь в Ставку. Я в те времена не был совсем уже «в низах». Издавал газету «Северо-Западная Жизнь» и получил билет в собор, где в присутствии Государя служилась обедня. Обедня прошла не столь молитвенно, сколько торжественно, и после неё Государь прикладывался к иконам. Перед одной из них он стал на колени – и на подмётке его сапога я увидал крупную и совершенно ясно заметную заплату.

Заплата совсем не вязалась с представлением о Русском Царе. Проходили годы, и она, оставаясь для меня неким символом, стала всё-таки

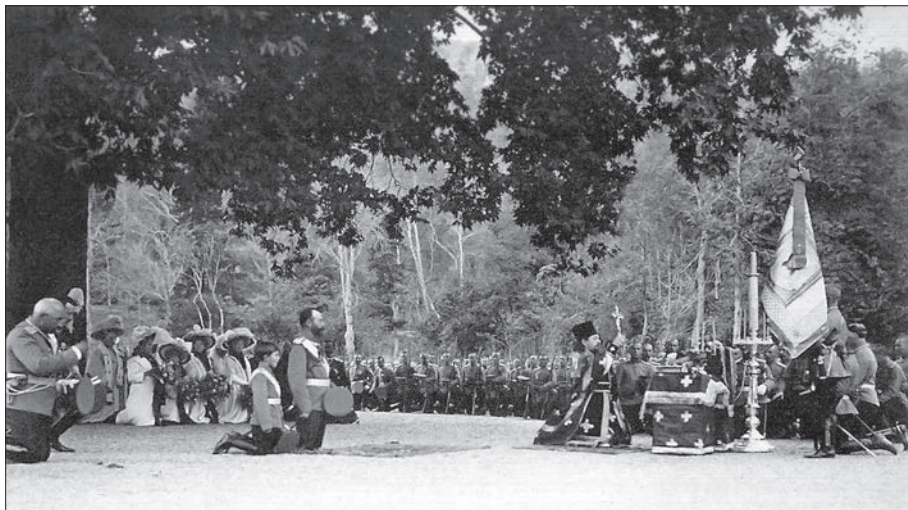
Император Николай II на Красной площади в день празднования 300-летия Дома Романовых. Москва, 1913 год

¹ Имеется в виду Партия польских социалистов.

² Бурш - член студенческой корпорации в немецких университетах.

³ Имеется в виду побег Солоневича в 1934 году с сыном из концлагеря в Финляндию.

Императорская семья на полковой молитве. 1913 год

казаться плодом моего воображения. Только в прошлой году, в Софии, я в разговоре с о. Г[еоргием] Шавельским¹, который хорошо знал Царскую Семью, вопросительно упомянул об этой заплате: была ли она возможна? Она оказалась возможной. Отец Георгий рассказал мне несколько немного смешных и очень трогательных анекдотов о том, например, как Наследник донашивал платья своих старших сестёр.

Эта заплатка стала неким символом – символом большой личной скромности. И с другой стороны – большой личной трагедии. Царская Семья жила дружно и скромно: по терминологии тогдашних сумасшедших огарочно-санинских времён – это называлось мещанством. Та группа («первая группа» – по терминологии «Царского Вестника»), которая уже по социальному своему происхождению стояла выше всякого «мещанства», пускала слухи о распутинских оргиях в Царском Дворце – вот та самая «первая группа», которая ныне официально простила первой советской партии убийство Царской Семьи и столь же официально возглавляет вторую советскую партию. Так, как будто обе советские партии только и были озабочены: первая – чтобы расчистить путь этой «группе» и вторая – чтобы привести её к власти... Что же касается Распутина – то его ещё нужно очистить и от великосветских сплетен и от голливудского налёта. Тогда, кроме кутежей и женолюбия, ничего предосудительного и не останется. Но это – его частное дело. «Первая группа» тоже не отличалась ни трезвостью, ни целомудрием. Пётр Первый не лез в трезвенни-

¹ Последний протопресвитер Русской Армии и Флота о. Георгий Шавельский.

ки, а Екатерина Вторая не жила по уставам институтов благородных девиц. Что обоим не помешало заслужить имя «великих». Частная жизнь – кому какое дело?

Но в данном случае «частная жизнь» была не только вывернута наизнанку, не только заляпана грязью, «инсинуациями самого грязного свойства», но и в этом виде «доведена до сознания народных масс». Можно сказать, что Её Величество сплетня одолела Его Величество Царя. Царь – заплатил своей жизнью. Россия заплатила двадцатью годами тягчайших страданий, – но сплетня продолжает своё победное шествие. По крайней мере – по нашему зарубежью... Меняются объекты и приёмы, но сама она остаётся вечно девственной и юной.

В подсоветской России сплетня как-то повывелась. Может быть, потому что не до неё. Страданиями двадцати лет выжжена сплетня и о Царской Семье. В сознании подсоветских масс – в особенности крестьянства – образ Николая Второго сконструировался совсем не в том аспекте, которого ожидали убийцы. Не Николай Кровавый, не Николай Последний, а Царь-Мученик, заплативший жизнью за свою верность России, за верность тому слову, которое он дал от имени России и проданный своим «средостением». О жизни и о гибели Государя ходит масса слухов – в большинстве случаев совершенно апокрифических, создаются легенды, путей которых никто проследить не в состоянии. Именем Государя как бы возглавляется тот многомиллионный синодик мучеников за землю русскую, в который каждый день сталинской власти вписывает новые имена. Для монархической идеи нет оружия более сильного, чем легенды и мученический венец. Призрак Царя-Мученика бродит по России, и он тем более страшен для власти имущих, что его ни в какой подвал не затащишь.

*Протопресвитер Русской Армии и Флота
о. Георгий Шавельский*

ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО ДОЛЖНО БЫТЬ ЛИТУРГИЧЕСКИМ

Из лекции об истории и развитии иконописи

Ирина Константиновна Языкова

Моя задача, с одной стороны, простая, потому что у меня довольно большая коллекция работ современных иконописцев. С другой стороны, сложная, потому что поле современной церковной живописи, иконописи, вообще всего, что связано с храмовым искусством, сегодня необозримо. Важно увидеть, куда движется современная иконописная традиция. Если вы услышите благочестивые размышления о том, что такая-то икона – раз и навсегда данность, что она такая каноничная, традиционная и не должна меняться, – знайте, что вы имеете дело, по меньшей мере, с некомпетентным человеком.

Говоря о современной иконописи, мы должны понять, откуда мы отсчитываем эту современность. Конечно, это, прежде всего, XX век, который был веком иконоборческим, богоборческим и человеконенавистническим, разрушительным: какой угодно эпитет поставьте. Пострадала икона, пострадала Церковь, но всё-таки икона сохранилась. Давайте отсчитаем еще несколько десятилетий назад от советского периода и вспомним, что XX век начался с открытия иконы, и это очень важно. Потом уже было море всего страшного и негативного, но XX век интересен тем, что он открыл икону, и, несмотря на все разрушения храмов, этот процесс открытия икон продолжался.

У истоков современной иконописной традиции стоят люди. Прежде всего, монахиня Иулиания – Мария Николаевна Соколова, ко-

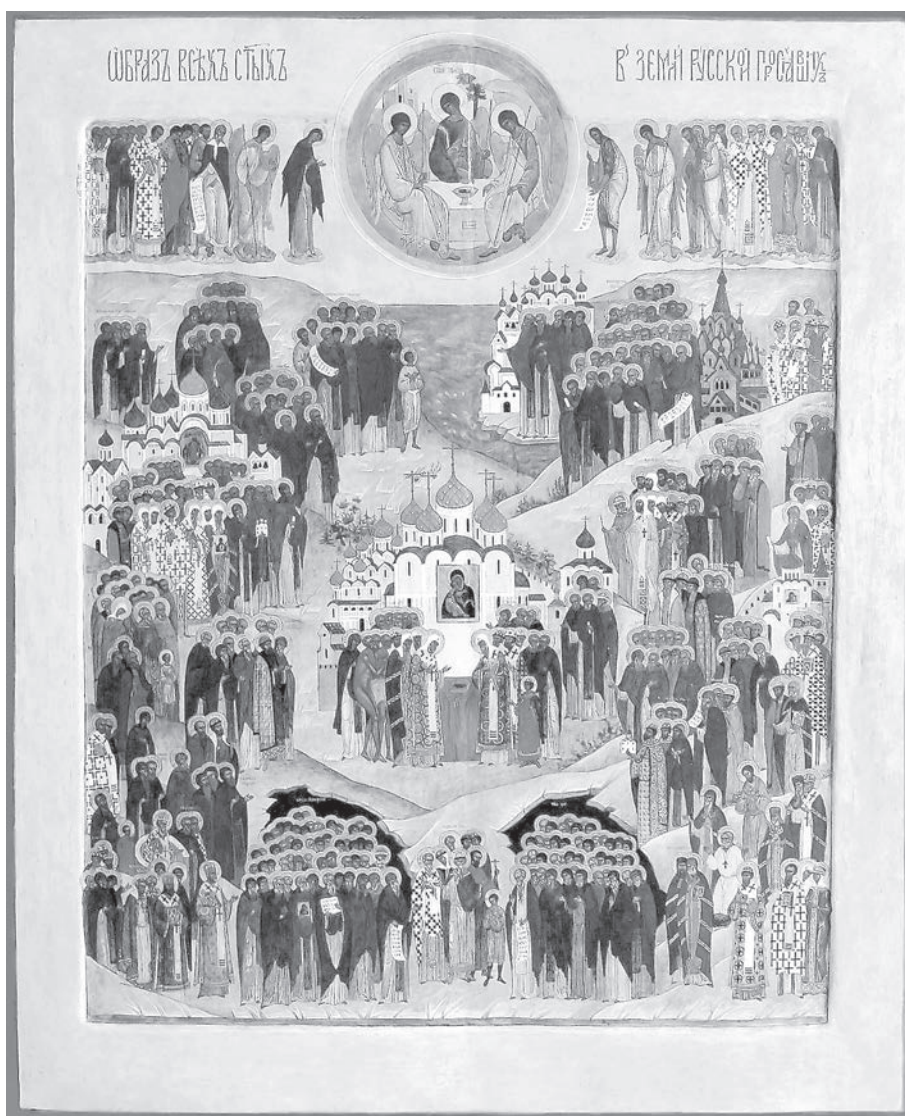
торая переняла эстафету иконописцев начала XX века – именно тех, которые открывали икону. Среди учителей был реставратор Василий Осипович Кириков, который смог дать ей этот первооткрывательский послыл.

Заслуга М. Н. Соколовой даже не столько в том, что она сама писала иконы, а в том, что она сохранила это искусство как школу, как традицию. Когда сегодня мы говорим о разрыве традиции, все-таки надо помнить, что отдельные ручейки продолжали существовать. Самая знаменитая икона монахини Иулиании (Соколовой) – «Собор всех святых, в земле Русской просиявших». Очень часто приводят в пример слова о том, что надо учиться копировать иконы. Действительно, обучение иконописи невозможно без копирования, это ее метод – постигать тайны древней иконы через руку, потому что учителей иконописи тогда практически не было. Но сама она писала новые иконы, и уже не просто берегла, но и продолжала традицию.

С этой иконой произошел замечательный случай. Ее заказал и разрабатывал вместе с Соколовой ныне канонизированный святитель Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский. Он занимался гимнографией, разработкой литургических текстов ко дням памяти святых, составлением житий и стремился, чтобы всё это запечатлелось в иконописных изображениях, потому что мы не только почитаем святых, но и молитвенно с ними общаемся.

В 1934 году, когда, казалось бы, невозможно было писать иконы, они создавались. Интересен такой маленький эпизод. Может, он не имеет непосредственного отношения к иконописи, но показывает живой процесс жизни Церкви. Икона «Всех святых, в земле Русской просиявших» была создана в 1934 году, а в 1935 году открыли метрополитен. Верующие боялись спускаться в метро, говорили, что это ад. Вот святитель Афанасий взял икону – первый вариант ее был очень маленький, буквально сорок сантиметров высотой – завернул в полы своего пальто и проехал с ней по этой единственной линии метро. И сказал: «Всё, я освятил метро. Со мной все святые были, вы теперь можете спокойно ездить». Казалось бы, смешной эпизод, но он говорит, во-первых, о том, насколько тесной в то время была связь отцов, епископов, священников, иконописцев с паствой. М. Н. Соколова была духовной дочерью протоиереев Алексея и Сергия Мечевых и принадлежала к замечательной общине храма свт. Николая в Кленниках.

Вот эта живая ячейка Церкви и сохранила икону. Икона не пришла откуда-то извне, а снова стала возрождаться. Это церковное действие и, если Церковь жива, она способна и возродить икону, и создать.

Собор Всех святых, в земле Русской просиявших. Икона, 1934 г.
Троицкий собор Троице-Сергиевой Лавры. Иконописец монахиня Иулиания (Соколова)

Заслуга Соколовой состоит, прежде всего, в том, что она была учителем, человеком, который создал школу практически на пустом месте. В 1958 году, будучи привлеченной к реставрации в Троице-Сергиеву Лавру, она организовала кружок иконописи для семинаристов под прикрытием того, что семинаристов нужно познакомить с технологическим процессом создания иконы. На самом деле этот кружок посещали многие люди, даже не имеющие отношения к учебе в семинарии, в том числе священники и даже епископы. Собственно, один из епископов, Сергей (Голубцов)¹, тогда еще иеромонах, потом новгородский епископ, тоже имел отношение к этому кружку. Важна сама эта тенденция – Церковь выражает через икону свою веру, своё понимание видимого и невидимого мира. И очень важно, что это происходит внутри Церкви.

Разработав свою систему, Мария Николаевна специально ездила по монастырям, делала копии и заложила ту основу, благодаря которой уже 25 лет возрождается художественная традиция современного церковного искусства. И ее метод очень пригодился.

Правда, тут есть одно «но». Я уже упоминала, что методом обучения монахини Иулиании было копирование. И это правильно, – любой художественный вуз не обходится без копирования, будь то светский или церковный. Но из этого копирования сегодня сделали просто фетиш. Опять же, сперва нужно взять икону, хороший образец, скопировать – и это будет хорошо. Собственно говоря, из кружка М. Н. Соколовой 1958 года родилась иконописная школа Московской Духовной академии. И до сих пор там учат именно так.

Но процесс обучения и процесс написания иконы – это разные вещи. Да, любой музыкант учится играть, разучивая гаммы, а потом какие-то несложные вещи, произведения, но выходит на концертную площадку только тогда, когда становится настоящим исполнителем.

У нас всё застревает на «гаммах». Одно выражение сыграло отрицательную роль: Марья Николаевна сказала, что икона должна копироваться, через копию мы постигаем тайну древней иконы. И, к сожалению, многие выпускники этого благословенного заведения и других, где учат иконописи, так и остаются на уровне копии.

Как начальный этап возрождения церковной живописи – это прекрасно, но сегодня, после двадцати пяти лет после начала свободного функционирования иконописных школ и артелей, уже невозможно в 350-й раз писать один в один. Да у нас один в один и не получится! Мы

---

¹ Архиепископ Казанский и Марийский Сергей (в миру Павел Александрович Голубцов, 1906 – 1982), реставратор, иконописец. В 1959 – 1967 гг. возглавлял Новгородскую и Старорусскую епархию.

Монахиня Иулиания (Соколова) в мастерской. 1973 г.

пытаемся дотянуться до образцов, и в 556-й раз пишем «Троицу» Рублёва и так далее. Когда в 90-х годах мы видели в новых возрождающихся храмах тябловые иконостасы с образами-копиями периода Рублёва, мы радовались. Кстати, важная заслуга Марии Николаевны Соколовой – она повернула Церковь к канонической иконе. От синодальной живописи, от увлечения Нестеровым и Васнецовым вернуться к рублевскому периоду, к Дионисию, было непросто.

Но живое всегда развивается. Нельзя всё время писать а-ля Рублев, а-ля Дионисий. Многие иконописные мастерские застревают на этом. Не хочу ничего сказать против Московской Духовной академии и Свято-Тихоновского института, но очень важно видеть, что копия – это только учебный процесс. Копии в храме быть не должно, только если это учебный иконостас внутри учебного заведения.

Вообще, идея копии возникает довольно поздно, в XVII веке и под влиянием западноевропейской традиции. В Древней Руси и Византии копий не было. Были так называемые списки, интерпретации древних образцов. Образец в списке угадывался, но никогда прямо не повто-

рялся. Потому что с точки зрения средневекового сознания – если уж мы апеллируем к каким-то основам иконописной традиции, – копирует дьявол, а не Бог. Бог творит всегда новое. Только нужно понять, что в иконе может изменяться, а что неизменяемо – это очень важно. Если иконописец это понимает, тогда он спокойно и свободно движется вперед.

И в древности иконы были разные. Конечно, был и ширпотреб, и высокие образцы, на которые ориентировались. Но копирование никогда не выйдет за пределы благочестивого ремесленничества, отсюда нельзя двинуться вперед, так традиция будет не развиваться, а только консервироваться. А то, что консервируется, в конце концов превращается во что-то совершенно несъедобное. Есть хорошие образцы копийного направления, в нашей иконописи их очень много, так пишет каждая вторая мастерская. Хотя всё-таки ряд мастерских выделяется из общего потока, но большая часть пишет именно копии, боясь что-нибудь поправить, не понимая глубоко, что за этим стоит. Но традиция – это как дом, если его не ремонтировать – он развалится. Если мы начнем ремонтировать его и снесем несущие стены – он рухнет. Но если мы понимаем, какие стены несущие, а какие – всего лишь перегородки или декоративные элементы, тогда мы можем дом содержать, чуть-чуть обновляя и перестраивая.

Традиция слепо защищается именно тогда, когда нам не совсем понятно: что со временем может уходить, а что должно оставаться. Честертон¹ применил замечательный образ к верующему человеку. В биологии есть хордовые и есть позвоночные. У хордовых, моллюсков, внутри жидкая субстанция, а сверху жесткий панцирь, который их защищает. А у позвоночных наоборот – внутри жесткий стержень, а снаружи довольно уязвимое тело. Применительно к верующим людям – как правило, защищается тот, кто внутри себя этого основания не имеет. И наоборот – тот, кто имеет твердое основание веры, распахнут, как Сам Христос на кресте, будучи где-то уязвим, но этой уязвимости он не боится.

Седьмым Вселенским Собором сказано: икону пишут святые отцы, а иконописцу надлежит исполнение. То есть на самом деле Церковь сама

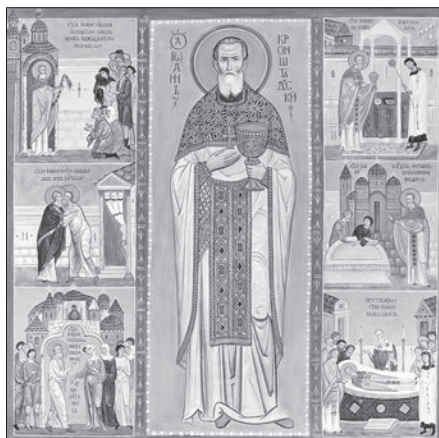
Прориси из книги монахини Иулиании (Соколовой) «Труд иконописца»

¹ Гилберт Кит Честертон (1874 – 1936) – английский христианский мыслитель, журналист и писатель.

Христос Пантократор. Роспись Николо-Угрейского монастыря. Фрагмент. Иконописец А. Н. Солдатов

Праведный Иоанн Кронштадтский. Фреска на алтарной преграде в храме святого Иоанна Кронштадтского в Гамбурге. Иконописец А. Н. Солдатов

Брак в Кане Галилейской. Фрагмент фрески в братской трапезной Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2013 г. Иконописец А. Н. Солдатов

Богородица. Местный ряд Никольского собора Хотьковского монастыря. Фреска. 2010 г. Иконописец А. Н. Солдатов

рождает иконы, они не просто так приходят: «А дай-ка я напишу новый сюжет». Ни один образ сразу не рождается готовым, это соборное творчество Церкви и открытый процесс.

Если иконописец глубокий, честный, не забывающий о том, что он художник, он идет дальше копийности. Приведу пример только двух выпускников иконописной школы Троице-Сергиевой Лавры при Духовной академии.

Александр Николаевич Солдатов

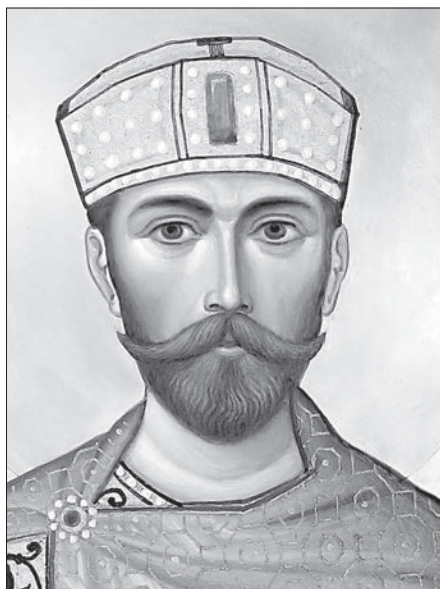
Это Александр Солдатов и Самсон Марзоев. Солдатов, кстати, преподает в иконописной школе Московской Духовной академии, много работает в России и за ее пределами, сейчас даже архитектурные проекты разрабатывает. Это если не полный уход от копийности, то, по крайней мере, попытка осмыслить икону с точки зрения современности. Что тоже очень характерно – отход от древнерусского стиля в сторону Византии, это мы будем видеть у многих мастеров.

Начиная с конца 80-х годов, четко обозначились два направления: древнерусское и византийское. Древнерусское Мария Николаевна Соколова называла главным, потому что считала, что нужно вернуться к той точке, в которой произошел разрыв традиций. Такой разрыв произошел не в советское время, а четко был обозначен уже где-то к XVII веку, когда иконописцы Оружейной палаты стали копировать западноевропейские образцы. Теперь нужно вернуться назад, чтобы снова войти в традицию, вернуться к самой ее вершине. Вершина же – это русская иконописная традиция XV – начала XVI века. Так писала Мария Николаевна, и все потом на эту вершину ориентировались.

Но в 90-е годы мы видим сильный крен в сторону Византийского искусства. И это понятно: углубляясь в традицию, мы ищем ее истоки. А истоки древнерусской традиции – в греческой, византийской. Византийская традиция – общая для многих последующих: балканской, грузинской, русской и так далее. Поэтому понятно стремление вырваться из копийного русла у Александра Солдатова, воспитанного в заложенной Марией Николаевной копийной школе. Он пошел в сторону Византии и в сторону декоративного стиля, что тоже весьма характерно. Потому что существуют две тенденции. Первая – уйти в аскетизм, как было в 90-е годы, противопоставив это синодальной живописи, к которой до сих

Георгиевский список Моздокской (Иверской) иконы Пресвятой Богородицы. 2003 г. Иконописец С. Марзоев

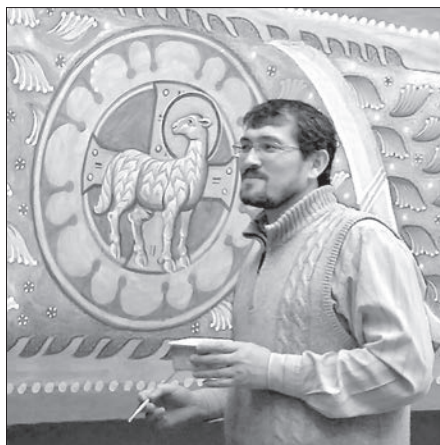

Святой страстотерпец Царь Николай. Фрагмент иконы «Христос с предстоящими». Иконописец С. Марзоев

пор сохранилась большая любовь, или XVII веку с его декоративными барочными вещами. Вторая – найти новую основу декоративности.

Александр Солдатов – талантливый мастер, вышедший из Московской Духовной академии, но нашедший свой стиль. Сейчас у нас начинается процесс ухода от ориентации только на традиционные стили и выработка своего личного, авторского стиля, что уже обрело название авторской иконы.

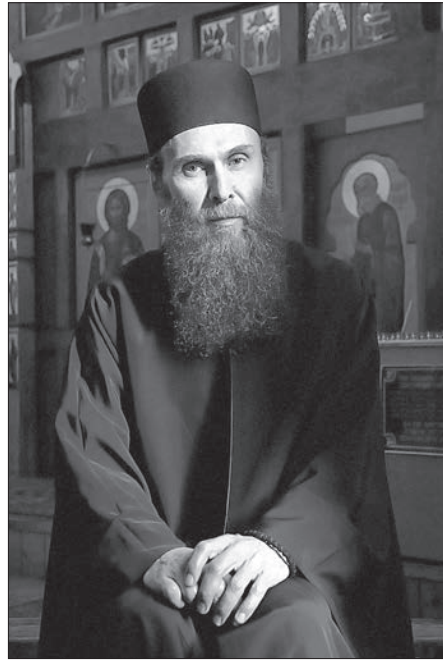
Другой воспитанник той же Духовной академии – Самсон Марзоев. Здесь – явное стремление к аскетизму, к чистой форме, к тому, чтобы превратить икону в знак. Действительно, если икона предназначена для молитвы, если это не только и не столько украшение храма, и уж тем более не украшение дома, то нужно сделать ее таким «собранным» знаком,

Самсон Марзоев

чтобы она нас собирала. Это еще одно важное направление. К сожалению, не многие так понимают икону, а ведь икона должна нас собрать в молитве. У икон Самсона Марзоева эта особенность есть. Он принадлежит к младшему поколению, по сравнению с Александром Солдатовым, они оба вышли из одной школы, но мы видим, что их иконы не одинаковы.

Если мы посмотрим на иконы выпускников среднего уровня, то зачастую мы не увидим там авторской манеры. Если вы поставите рядом десять копий «Троицы», они все будут различаться, скорее всего, степенью мастерства, а не авторской манерой. А у Солдатова и Марзоева действительно есть авторская манера. У них очень интересные

Архимандрит Зинон (Теодор)

иконы. Особенно хорошо их манера видна в образах преподобных, потому что это люди, прошедшие аскетический подвиг и дающие нам пример. Когда мы молимся перед такой иконой, она несомненно нас собирает.

Я привела примеры движения традиции, ухода от заложенного и неправильно понятого «копиизма». Копия важна, но важна как путь к тому этапу, когда ты сможешь говорить уже на своем языке.

Архимандрит Зинон (Теодор) – еще одна личность, которую мы не можем обойти вниманием, говоря о развитии современной традиции. Отец Зинон в чем-то осевая фигура, не случайно в какие-то годы церковное общество разделилось: кто-то был за отца Зинова, кто-то против. Но как бы кто к нему ни относился, из песни слова не выкинешь. Это человек, который определил основные направления в современной иконописи. Его духовник архимандрит Серафим (Тяпочкин) сказал, что иконописью заниматься вне Церкви невозможно, ты должен стать монахом. И он по послушанию пошел в монастырь, и до сих пор монах, и, наверное, более настоящих монахов мне не приходилось видеть.

Посмотрим кратко его путь. Конечно, начинал он с того же XV – XVI века, с самой вершины древнерусской традиции. Но ему никогда не была присуща примитивная копияность, он всегда пытался внести что-

Спасо-Преображенский Мирожский мужской монастырь, г. Псков

Мирожский монастырь. Стефановский надвратный храм. Иконостас. 1994 г. Иконописец архимандрит Зинов (Геодор)

то своё. Во-первых, отец Зинов изначально понял, что иконопись не бывает без богословия, это не просто ремесло, а «богословие в красках». Он сам богослов, и много размышлял. Достаточно почитать его «Беседы иконописца», чтобы понять, что он неординарный мыслитель. Потому, собственно, на него и было столько нападок, многие люди до сих пор говорят, что он еретик или вольнодумец.

После Псковского Печерского монастыря у него был период работы по росписи Данилова монастыря. Он автор иконы покровителя Данилова монастыря – святого Даниила Московского, и здесь мы видим действительно аскетический вариант древнерусского письма.

Когда Святейший Патриарх Пимен пригласил отца Зинона в 1979 году в Лавру, он застал еще Марию Николаевну Соколову,

но тогда она уже мало писала, хотя еще преподавала. Они общались, и отец Зинов много вынес из этого общения. Так что, можно сказать, здесь есть преемство, хотя о. Зинов не был, конечно, в прямом смысле учеником Марии Николаевны, и его путь был другим.

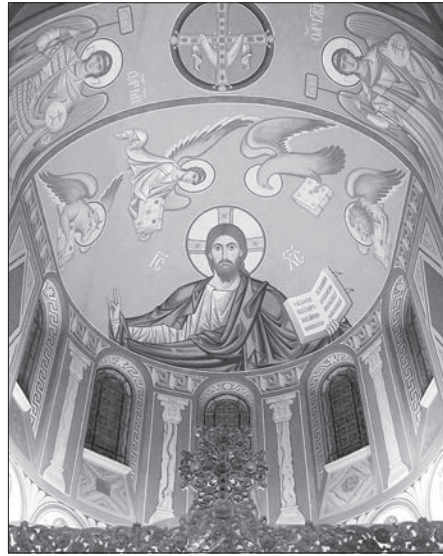
С начала 90-х годов отца Зинона все больше увлекает Византия. К этому времени он стал уже известным мастером, у которого было много учеников. В 1994 году ему отдали в Пскове Мирожский монастырь, где он собирался устроить международную школу. Но тут случился скандал: епископ и иконописец друг друга не поняли. Отец Зинов, к сожалению, должен был оставить этот монастырь, и международной школы у нас не сложилось. Сегодня во всей Европе и даже в Америке существует огромный интерес к русской иконе, многие наши иконописцы преподают за границей, а иностранцы готовы ездить учиться сюда за большие деньги, но здесь почти нет таких мест, где бы их могли обучить.

Тем не менее, многие иконописцы в той или иной мере прошли через школу отца Зинона. Сейчас многие люди говорят, что они его ученики,

хотя он их даже не помнит, – может быть, только один раз встречались, консультировались. Сам он от всех отрещивается, считая, что никакой школы не создавал и что учеников у него нет.

К сожалению, злую шутку сыграла одна его категорическая фраза. Однажды он сказал, и потому это высказывание вошло в его книгу: «Художник должен умереть в иконописце». И сейчас этой фразой бьют наотмашь очень многие, особенно те, кто писать не умеет и учиться не хочет. Бытует мнение, что написать икону очень просто. Нужно взять хорошую прорись и научиться класть послойно краски, а потом пробела – и всё. А художник, значит, должен умереть. Много раз «битая» этой фразой, я однажды просто спросила напрямую: «Батюшка, что Вы имели в виду?» И отец Зинон ответил: «Так художником еще надо быть, прежде чем умереть». Понимаете? Это очень важный момент.

Мы всегда вырываем фразы из контекста. Как-то Флоренский сказал, что икона – это не искусство, что она всегда больше или меньше искусства, но это не искусство. Вне контекста это просто неправда. Икона – высочайшее искусство. Другое дело, что она больше чем искусство – это правда. Хотя бывает, что и искусства-то нет, а все равно какая-нибудь деревенская икона нас поражает своей удивительной одухотворенностью. Здесь дело не только в искусстве, но искусство вычесть из иконы невозможно. Если человек смотрит глубже, если действительно учится писать, размышляет, то икона становится больше, чем искусство, потому что это еще и богословие, и опыт Церкви, и еще много чего, что даже не выразить словами.

*Собор святителя Николая Чудотворца
в Вене. 2006 – 2008 г.
Иконописец архим. Зинон (Теодор)*

*Архимандрит Зинон (Теодор) за работой.
Собор святителя Николая Чудотворца. Вена*

Монастырь Симонопетра на Афоне. 2008 г. Иконописец архим. Зинов (Теодор)

Для отца Зинова характерна некая монашеская рафинированность. Может, само это словосочетание вам покажется странным, но на самом деле это именно так. Если мы почитаем какие-нибудь богословские византийские тексты, – например, Симеона Нового Богослова, – мы убедимся, что это действительно высокая поэзия и духовность. У нас такого монашества почти нет. Были, конечно, по линии Нила Сорского, некоторые ученики Сергия Радонежского достигали такого высокого интеллектуального уровня, но в целом у нас монашество немножко другое. Поэтому многим у нас иконопись отца Зинова кажется холодноватой.

Одна из его работ, можно сказать, последняя законченная, – это нижний храм Феодоровского собора в Санкт-Петербурге. Отец Зинов много путешествовал, побывал в Вене, на Афоне, а потом снова вернулся в Россию и сделал великолепный нижний храм собора в Санкт-Петербурге. Этот огромный собор построен к 300-летию дома Романовых, и наверху находится иконостас вполне в имперском духе, а внизу до Первой мировой войны ничего не успели сделать, а потом, сами понимаете, было не до этого.

Феодоровский собор в Санкт-Петербурге
в память 300-летия дома Романовых

Нижний храм Феодоровского собора. Иконописец архим. Зинон (Теодор)

Здесь не было росписи, и отец Зинон сделал потрясающую роспись в раннехристианском духе. Погружаясь вглубь традиции, он дошел до раннего христианства, почти до античности, стремясь понять, в чем же были ее истоки? Что взяла из античности христианская Церковь? Как мы можем этим воспользоваться и сделать так, чтобы в наших современных иконописных работах античность тоже не умерла? Потому что античность – это великое откровение человечеству, божественное откровение. Только если христианство – это откровение о Боге, то античность – откровение о человеке. И Византия, которая всегда помнила античность, потому и сегодня не потеряла своей актуальности.

Иконы нижнего храма Феодоровского собора: «Знамение», свв. Антоний Великий, Исаак Сирий, Александр Невский. Энкаустика. Иконописец архим. Зинон (Теодор)

«Неупиваемая Чаша». Икона. 1992 г.
Иконописец А. М. Соколов

Для многих иконы отца Зинова, особенно последнего периода, кажутся немного холодноватыми, рафинированными, почти что искусство для искусства. Но на самом деле это не так. Это иконы, которые заставляют вас войти в это пространство. Кто слышал лекции Алексея Михайловича Лидова, создателя идеи иеротопии, вспомнит, что он говорит о том, что икона – вещь пространственная. Нам кажется, что она плоская, но она пространственная. Это пространство общения, пространство между образом и молящимся. А на самом деле – через образ происходит общение с первообразом.

Поэтому, как говорил Флоренский, икона должна быть прозрачна, она должна уводить нас не в иллюзорное пространство, а в пространство общения с первообразом.

Вот Александр Соколов, один из ведущих иконописцев, тоже начинавших еще в 80-е годы, человек, который может быть сейчас назван одним из главных в древнерусском направлении. Но, опять же, древнерусском понятием не копиюно, а именно как интерпретация древнерусского. Мы ведь пишем образ, а не стремимся к копированию образцов. Мы общаемся с образом, а не с образцами. Узнавая в копии икону Божией Матери «Владимирская», мы застреваем на иконе и не пробиваемся к Самой Божией Матери, не предстоим Ей. Поэтому для Соколова очень важно, даже если он берет очень узнаваемый образец, написать образ так, чтобы он стал живым. Не в смысле, что у него там румяные щечки, и он на тебя «смотрит и глазками водит», как некоторые благочестивые рабы Божии и говорят: «А что мне делать? Моя икона на меня смотрит и глазками как-то вот так или так». Это, наверное, не ко мне, а к психологу или психиатру. Живой образ – это немножко другое.

На примере Соколова можно лучше увидеть, что такое живой образ. Вот эта икона сегодня всем знакома. Когда я говорю, что ее написал 33-летний человек в 93-м году, многие удивляются. Потому что все привыкли к мысли, что эта икона все время была с нами. Это «Неупиваемая Чаша» из Серпуховского монастыря, написанная взамен утраченной

Крестный ход с чудотворным образом Пресвятой Богородицы «Неупиваемая Чаша» из Высоцкого мужского монастыря во Введенскую Владычную женскую обитель

в советское время чудотворной иконы. Игумен этого монастыря заказал Александру Соколову сделать копию даже непонятно с чего – потому что там была какая-то плохая черно-белая фотография, где икону едва видно. Соколов просто сделал вариант известной иконографии, он не стремился к копии той иконы, тем более, что наверняка она была синодального стиля. Просто он сделал добросовестно икону, которая тоже стала чудотворной. Он сделал чудотворную икону не потому, что он такой гениальный иконописец. Чудотворение нельзя запрограммировать. Если вам на сайте предлагают икону с мощами или чудотворную, а это можно на сайтах каких-то мастерских увидеть – чего только не предлагают ради рекламы, то вы бегите подальше от этой мастерской. Во всяком случае, многочисленные подвески, колечки, кулончики возле иконы «Неупиваемая Чаша» свидетельствуют о том, что это икона чудотворная.

Это же говорит и о том, что новые иконы воспринимаются церковным сообществом, это очень важно, потому что иконы не рождаются вне Церкви, они рождаются в Церкви. То, что рождается вне Церкви, можно посмотреть отдельно – у меня есть папочка «Курьезы».

Работы А. М. Соколова. Донская икона
Божией Матери – последняя

Александр Михайлович Соколов († 2015)

Замечательна «Богородица» Соколова, в ней есть пронзительная нота. В одном из интервью он верно сказал, что все боятся душевности, а нужно бояться бездушности. Икона не должна быть бездушной. Боясь душевности, многие иконописцы пишут иконы бездушные. Это неправильно. Иконы Александра Соколова обладают очень сильной эмоциональной напряженностью, но это эмоция высокая, одухотворенная. Потому что духовность без душевности – это что-то inferнальное.

Соколов любит говорить, что его творчество ближе всего к музыкальному, потому что иконопись это исполнительство. Но у Соколова это исполнительство высокого рода. Мы знаем, что музыканты высокого уровня так могут сыграть многожды слышанного Шопена или Бетховена, что знакомая вещь станет для вас откровением. Но есть и композиторы, не только исполнители. Если Соколов себя относит к исполнителям, это скорее говорит о его скромности. Но его исполнительство – действительно высокого уровня.

Другой ведущий иконописец Александр Лавданский. Он тоже стремится к некой изысканности, рафинированности, изяществу. Не чужд эстетизма, но этот эстетизм не уводит вас от духовности, а наоборот, помогает увидеть красоту Царства Божиего, потому что красота – одно из имен Божиих. Кто вам сказал, что икона должна быть некрасива? Просто ее красота другая. Не красота рекламной вывески или глянцевого журнала, а небесная красота, красота безконечной радости общения с Богом. Иногда мастер много интересного позволяет в деталях. Например, икона «Всех скорбящих Радость» имеет у Лавданского необычное решение. Может показаться, что иногда его иконы чуть-чуть перегружены, но это именно от того, что он не может никак от этой красоты оторваться, показывая вам, сколь она разнообразна.

Это поколение прочно закладывало основы современной иконописной традиции: Соколов, Лавданский, отец Зинон, еще ряд имен. Я «про всех сразу» вам не расскажу, но отдельные тенденции мы с вами отметим. А главное, вы увидите разнообразие, за которым хочется наблюдать. Но это не разнообразие XVII века, когда на иконах зайчики прыгают под деревьями, и вы уже забываете о главном. Нет. Рассматривая эту красоту, вы не теряете главное: внутренний стержень этой иконы хорошо работает, и основной образ никуда не исчезает. Ведь икона – это лик, он строит образ, икона не должна уйти в декоративность или превратиться в абстракцию.

Если мы видим то или иное направление, то какое-то из них правильное, а какое-то неправильное. Потому и сформировался термин «авторская икона». Вспомним, что в одно и то же время творили, например, Андрей Рублев и Феофан Грек. Более разных мастеров вообще трудно себе представить, а они творили рядом, расписывали одни и те же церкви, их иконы стояли в одном и том же иконостасе. Какое из этих направлений правильное? Так нельзя вопрос ставить. То направление истинно, которое вам будет ближе, в каком вы получите большую встречу, больший контакт с первообразом.

Когда мы говорим о западноевропейском искусстве, мы любим обобщать: мы – они, Запад – Восток. Дело в том, что судьбы христиан на Западе и Востоке развивались по-разному. Тысячу лет Церковь была едина, канон иконописный выработан в первом тысячелетии, и это был,

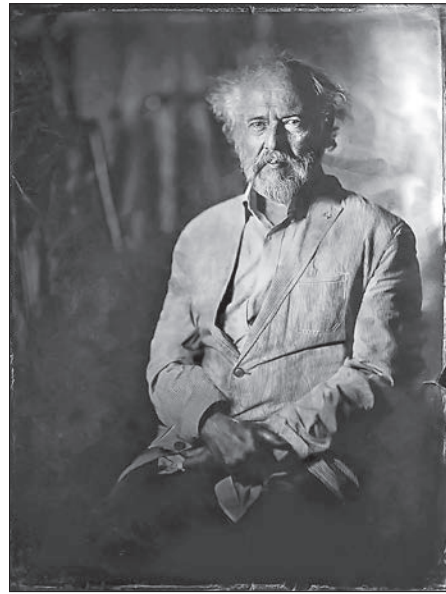

«Всех скорбящих Радость». Икона. Храм Святителя Николая на Трех Горах. Москва, 2008 г. Иконописец А. А. Лавданский

Спас Элеймон (Милостивый).
Иконописец А. А. Лавданский

Александр Александрович Лавданский.
Фото Саши Мановцевой

может быть, единственный язык, понятный всей христианской ойкумене. Если греки с латинянами спорили по поводу богословских терминов, то язык иконы был понятен от Сантьяго-де-Компостела – самой западной точки христианской ойкумены – до, если не Армении, то Грузии точно. В первое тысячелетие церковное искусство было единым. Может, стилистически разным, но единым в смысле понимания смысла образа и его богословского содержания. А после разделения потихоньку пути стали расходиться. Дело в том, что западноевропейская традиция уходит от канона где-то с XIII – XIV века. Джотто – это уже абсолютно новаторский ход в смысле освоения пространства. Не того пространства общения, о котором мы говорили, а того, якобы реального, но на самом деле иллюзорного пространства. Это была попытка как бы перейти с небес на землю. Не столько сделать окно в невидимый мир, сколько сделать картину видимого мира. Собственно говоря, Леонардо так и называл свои картины – окно в видимый мир, а иконы – это окно в мир невидимый.

По-разному это отразилось и в том, что в Европе не сохранилась античность. А, как мы уже говорили, Византия античность сберегла. В Европе варварские племена смели всю римскую культуру, а потом, осев и образовав свои традиции, они стали античность возрождать. И мы видим каролингское возрождение, еще ряд локальных возрожде-

ний. Готика ведь тоже стремилась к возрождению не чего-нибудь, а именно античности. А что такое романский стиль? Возрождались слава и мощь Рима (отсюда и название – романский). В конце концов этот процесс привел к эпохе Возрождения, которая обратилась к природным формам человека, пейзажа и так далее. Понимаете, они в этом процессе ушли от иконности, потому что икона отражает изначальный замысел Бога о мире, еще не разделенном на небо и землю, когда небо и земля едины, а искусство, как зеркало, отражает на земле Небесное Царство.

Постепенно Запад ушел от иконы, и весь его художественный путь от варваров к классике, а потом к разрушению классики через импрессионистов, постимпрессионистов, абстрактное искусство и так далее сейчас возвращается к образу, во всяком случае, в христианском искусстве. Сейчас Запад открывает для себя икону. Потому вначале я и назвала большой утратой то, что у нас не сделали международную школу иконописи, не получилась она в Мирожском монастыре, как задумал отец Зинов. А сейчас как раз большая жажда обретения образа, сейчас Запад возвращается к иконе даже больше, чем мы. Мы думаем, что мы богаты, все имеем, нам ничего не надо, мы, как говорил Пушкин, ленивы и нелюбопытны. А западные люди ушли от иконы, но сейчас они ее открывают. В любом западном храме вы увидите если не икону, то репродукцию иконы обязательно. Поэтому, если говорить о классическом западном искусстве, там не было иконы, они от нее ушли, но сейчас они к ней мучительно возвращаются.

Конечно, нужно помнить, что картина и икона – разные вещи. Это и к нам рикошетом вернулось через XVII век, через реформы Петра, через синодальную живопись. Что мы имеем в храме Христа Спасителя на стенах? Это же не иконическое искусство, это искусство живоподобное, как говорили в XVII веке.

Христос Пантократор. Монастырь святого Георгия Мавровуни. Кипр. Иконописец А. А. Лавданский

На самом деле, конечно, есть священники и архиереи, которые понимают смысл и красоту современного искусства, ценят не только ширпотреб или среднекопийные вещи, но и авторскую икону или авторские произведения. Авторское относится ко всему спектру церковного искусства.

К сожалению, у нас нет сейчас соборного мнения Церкви по этому вопросу. Поэтому тут всё зависит от степени культурной осведомленности священника или епископа. Но всё-таки есть люди, которые пытаются это принять и воцерковить. Возрождение церковного искусства началось со встречи владыки Афанасия и Марии Соколовой. И очень важно, чтобы сейчас нашлись такие же открытые и готовые принять новые формы церковные отцы, имею в виду всех священников и епископов. Потому что это дает нам возможность совместно решать возникающие проблемы.

Создание церковного искусства – дело литургическое. Оно литургично не только по своему предназначению быть там, где служится литургия, оно литургическое по исполнению. У нас этого нет. Отсюда все негативные тенденции.

Например, много икон сегодня рождается вне Церкви. Иконы неканонизированных святых не в Церкви появляются, а за ее границами. С церковной точки зрения невозможна икона Ивана Грозного, невозможна икона Сталина, невозможна икона Распутина! Но они есть. Где они рождаются? Они рождаются за пределами Церкви. Это одна из негативных тенденций.

Я назвала только некоторые из них. Это особый разговор, и об этом нужно говорить, об иконах странных людей, не святых, об иконах каких-то абстрактных образов и понятий. Потому что икона – это всегда лик, это, прежде всего, Христос. Сам Господь есть икона и образ невидимого Бога. И каждый из нас – икона, но человек становится иконой, когда в нем просиял лик Христа. Это основы богословия иконы, которые очень часто не учитывают те люди, которые начинают заниматься иконописанием вне Церкви. Поэтому они просто берут иконописный стиль и вкладывают в него свое наполнение. Получается то, что сегодня в постмодернистском культурологическом дискурсе называется симулякром: есть оболочка, а внутри пустота. Перед такой иконой молиться некому и нечему. Поэтому это весьма опасные тенденции.

Очень хотелось бы, чтобы духовенство всё-таки обратило внимание на то, что икона развивается, – это живое искусство, в нем есть свои тенденции, свои законы или, по крайней мере, каноны. Необходимо понимание того, что канон – это не просто схема или жесткие правила, а определенная жизнь, духовное мерило. Иконописные каноны связаны с другими церковными канонами.

На самом деле историю искусств пишут искусствоведы, поэтому они вытаскивают из явления, в том числе и западного, то, что им интересно. На Западе, кроме этих прорывов, была масса всего остального. И всегда настоящее искусство – это все-таки довольно тонкий слой, где-то более тонкий, а на Западе, где благополучнее, по отношению к искусству, складывалась история, менее тонкий.

Всегда массовая культура, массовое искусство имеют место: и на Западе, и у нас. Другое дело, что мы попали в особо трудное время. Я помню ситуацию первой выставки иконы в 1989 году. Мы делали до этого выставки христианского искусства, иконного и неиконного, на квартирах, в мастерских еще в конце 70-х. Я даже помню первые работы Лавданского, которые не были иконами, – абстрактные, но уже на христианские темы. А когда мы делали первую выставку современной иконы, то думали, что не наберем и ста работ. Оказалось больше, и даже было из чего выбирать. Шел 1989 год, только-только тысячелетие Крещения Руси прошло. И мы радовались, что икона есть, значит, традиция жива. Мастера, которых я назвала, были уже тогда.

Они начинали. И мы думали – как здорово! Были большие надежды, раз есть ряд мастеров, которые вполне могут задать тон, быть авангардом школы иконописцев, обучать других и так далее. Но когда пошел вал открытия храмов, когда спрос стал больше предложения, некоторые поняли, что иконопись – очень прибыльное дело. И появились люди, которые по-настоящему не учились. Они просто усвоили, что это хороший коммерческий проект, поэтому вдруг в 90-е годы, кроме нескольких десятков хороших мастеров, появился вал всяких. Хорошие так и остались, и работают до сих пор, и у них есть даже ученики, и этих хороших уже не единицы, а больше сотни. Но вот тысячи, если не десятки тысяч, взялись неизвестно откуда. Они вообще ничего не умеют, но они поняли, что в Церкви можно за это получать деньги. Процесс восстановления храмов, возрождение – хороший процесс, но он таким валом на нас лег, что мы с ним не справились. И он оказался искусительным для многих.

Странное у нас бытует представление, что если мы построили храм, то должны сразу его наполнить сверху донизу и сдать «под ключ». Сразу всё: и коробку поставить, и мебель, и всё-всё. Но так никогда храмы не наполнялись, как сейчас – за один год. Храм наполнялся постепенно, и это было нормальным течением церковной жизни, а когда епископ требует, чтобы к великому освящению уже был иконостас, киоты и всё-всё, что делать священнику? Он берет иконописцев «числом поболее, ценою подешевле». И они в короткие сроки ваяют нечто. Так что вал посредственных иконописцев тоже рожден искажениями церковной жизни.

Если бы мы, возрождая храм, ставили, например, одну-две хороших иконы, через пару десятков лет – хороший иконостас, а через еще сколько-то десятков лет сделали бы хорошие росписи, тогда каждый храм был бы шедевром.

В истории России никогда не было такой ситуации, чтобы сразу столько храмов строилось, восстанавливалось и так далее. Мы не справляемся с этой ситуацией. Значит, мы не то делаем, не с того края идем. Так же, собственно говоря, глупо ставить иконописцу задачу написать за короткий срок иконостас. Так никогда не было.

У каждой технологии, у каждого живого процесса есть свое время созревания. Дерево растет с определенным ритмом. Невозможно выкапывать семечко и смотреть, проросло оно или нет, как это делал известный персонаж. Так никогда ничего не вырастет. Конечно, школы «прорастают», и нужно какое-то время.

Почему я привела в пример некоторых иконописцев? Меня спросили, почему такого-то нет, Александра Чашкина вот не упомянула, хотя я его очень люблю, еще кого-то. У меня была задача делать не каталог хороших иконописцев, а выявить тенденции. Они есть, и слава Богу, что они есть. К сожалению, эти процессы точечные, это маленькие островки. Важно, чтобы они соединялись и образовывали большой архипелаг, давали семена, прорастали в глубину.

Конечно, нужно знать традицию. Помню, приехала в начале 90-х годов одна моя знакомая из Прибалтики, очень набожная женщина. Я ее привела в Кремль. Она говорит: «Я не привыкла к такому Православию. У нас сплошной классицизм». Там православные храмы какие? Поздние синодальные, и она считала, что это и есть канон. Сейчас уже все понимают, что храм православный может выглядеть и как Кремлевский собор, быть в стиле классицизма, барокко и даже модерна. А когда мы стали ездить за границу, то увидели греческие храмы, Каппадокию. Мы теперь понимаем, что наша православная традиция многообразна. И поэтому, когда сосредотачиваются на копировании русской иконописи – это просто смешно. И сказать, что она не должна развиваться – это значит не понимать природу Церкви. Она живая и будет развиваться всегда.

Языкова Ирина Константиновна – искусствовед, специалист по богословию иконы, кандидат культурологии, проректор по учебной и научной работе Библейско-богословского института святого апостола Андрея, преподаватель Коломенской Духовной семинарии, член Экспертного совета Русской Православной Церкви по церковному искусству, архитектуре и реставрации. Автор нескольких монографий, в том числе «Богословие иконы» (М., 1995), «Се, творю все новое» (М.-Милан, 2002), «Со-творение образа» (М., 2012), а также более сотни статей по проблемам древней и новой иконописи, истории искусства, культуры и др.

В ПОИСКАХ КРАСОТЫ И ИСТИНЫ

Александр Иванович Чашкин родился в 1946 году в Киргизии. Его отец работал в заповеднике, разводил лошадей, и мальчик с детства был окружен удивительной природой красивых и вольных степей, что воспитывало его душу, восприимчивую к красоте. Рисовать он начал рано, – и это было вполне естественное стремление – запечатлеть на холсте и бумаге щедро подаренный Богом мир.

В 1960-х годах семья Чашкиных переезжает в Рязанскую область, недалеко от Константинова, родины Сергея Есенина. Среднерусская природа с ее неброской красотой и широким раздольем также благотворно влияла на формирование будущего художника.

На рубеже 1960 – 70-х годов Александр Чашкин едет в Москву учиться живописи и попадает в студию знаменитого художника-нонконформиста Василия Ситникова, который давал своим ученикам не только навыки живописи и рисунка, но учил их жизни, помогал сформироваться мировоззренчески. Будучи яркой творческой личностью, Ситников открыл перед начинающим художником множество новых миров: мир искусства, литературы, религии, да и просто мир свободы. В Советском Союзе в те времена редко кто мог позволить себе такой независимый образ жизни, как Ситников, ставший уже при жизни в кругах творческой интеллигенции легендой. Вскоре Александр Чашкин делает заметные успехи как живописец и участвует в выставках. У Ситникова училось немало художников, ставших впоследствии крупными мастерами, в том числе и Александр Харитонов, один из

Александр Иванович Чашкин

*Спас Пантократор. Икона.
Иконописец А. И. Чашкин*

самых тонких и одухотворенных художников русского авангарда советской эпохи, умевший видеть духовную красоту мира. Чашкин и Харитонов подружились, и эта дружба, как признается Чашкин, также оказала большое влияние на его творчество.

Люди, по мнению Александра Чашкина, самое большое его богатство в жизни, ему вообще везло на встречи с интересными и талантливыми людьми. К этому располагал открытый характер самого Чашкина. Умение общаться, открывать людей, дружить с ними – это ведь тоже дар Божий, и далеко не каждый им наделен. Как бы то ни было, многие из таких встреч стали судьбоносными. В 1985 году произошла встреча Чашкина с архимандритом Зином

(Теодором), которая стала новым поворотом на его творческом пути. Когда Александр пришел в Свято-Данилов монастырь, он уже пел в церковном хоре, приобщался к церковной жизни. О карьере иконописца он тогда и не думал, просто помогал в восстановлении монастыря, растирал краски, готовил доски, был подручным у иконописцев, которыми руководил о. Зинон. Наблюдая, как работает мастер, он решил попробовать написать икону. Получилось. Сам Зинон похвалил. И стало понятно, что с этого пути ему уже не свернуть. Видно, так Богу было угодно, чтобы он стал иконописцем.

С тех пор Чашкин считает себя учеником о. Зинова. И главное даже не в том, что прославленный мастер научил его иконописному ремеслу, приобщил к определенной школе иконописания, а в том, что он помог ему сделать важный духовный шаг, стать на путь иконописания, расставить акценты и выбрать приоритеты, в частности, определить ориентацию на византийскую традицию. При этом Чашкин стал вполне самобытным мастером, который, как и раньше, когда был светским художником, сохраняет индивидуальную и вполне узнаваемую манеру и не стремится слепо подражать учителю, как это нередко бывает

с учениками знаменитых иконописцев. Общение с о. Зином дало Чашкину чрезвычайно много и в плане духовном. Во-первых, он понял, что для создания иконы недостаточно освоить секреты иконописной технологии, владеть рисунком и уметь сочетать краски (хотя и без этого не обойтись). Недостаточно даже таланта художника. Главное – нужно быть открытым Богу и уметь воспринимать и передавать нечто большее, чем ты сам. Во-вторых, иконописание, если им заниматься серьезно и честно, меняет самого художника, ведь пишет мастер не обыденную реальность, воплощает не свои фантазии, а образ Царства Небесного, образ Истины. У иконописца, если хотите, двойная ответственность – перед людьми и перед Богом, тут ложь, корысть или просто халтура сразу видны и не так безобидны, как в светском искусстве. Так что, волей-неволей, приходится и с собой бороться, тянуться вверх, постигать глубину.

Уже в конце 80-х Александр Чашкин становится заметной фигурой в среде московских иконописцев. После Данилова монастыря Чашкина сразу же приглашают на работу в Патриаршие иконописные мастерские, где он трудился более десяти лет, писал иконы и расписывал храмы по заказу Московской Патриархии. Он много работает, но скоро становится ясно, что наиболее сильной стороной его творчества является монументальная живопись, и даже в своих станковых работах он тяготеет к крупным монументальным формам. Первой крупной монументальной работой Александра Чашкина была роспись Никольского храма в Ясной Поляне (Тульская область, 1988 – 1989 годы). Здесь он еще пишет, ориентируясь на древнерусский стиль, но уже видно, что монашеская созерцательность Рублева и просветленная неотмирность Дионисия – это не его язык. Чашкин стремится к динамике, энергии, ему хочется мощных пластических решений. Все это он найдет в византийском наследии. В молодости Александр Чашкин был лихим наезд-

*Успение Пресвятой Богородицы.
Фрагмент фрески Дайбабского монастыря.
Черногория. Иконописец А. Чашкин*

ником, объезжал лошадей, детство провел в горах на берегу Иссык-Куля. Дух свободы, динамика быстрой езды, красота горных вершин, маячивших всегда впереди, видимо, так сформировали душу, что это не могло не отразиться в его искусстве. И постепенно его художественный язык обретает динамическую экспрессию и живописную свободу.

В 1992 году Чашкина вместе с небольшой бригадой мастеров пригласили расписывать Никольский собор в Вашингтоне (США, 1992 – 1995 гг.), кафедральный собор Американской Православной Церкви. Помимо росписей, пришлось написать и иконы для иконостаса. Работа была ответственной, в этом храме служили такие выдающиеся богословы, как о. Александр Шмеман, о. Иоанн Мейендорф, о. Дмитрий Григорьев. С последним, на тот момент он был настоятелем собора, у Чашкина завязалась настоящая дружба. Работа шла непросто, но когда была закончена, вызвала множество одобрительных откликов и в Америке, и в России. За эту работу Святейший Патриарх Алексий II наградил его орденом св. Владимира III степени. Возвращался Чашкин в Россию, что называется, на щите. Но здесь предстояло не только пожинать лавры, но и много работать, что Чашкин всегда делал с большой радостью и вдохновением. Иногда просто поражаешься его работоспособности.

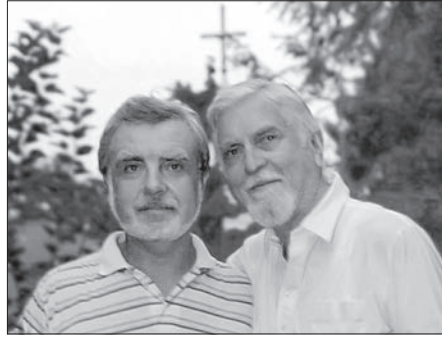
В 1995 году он написал сразу 48 икон для иконостаса храма св. Георгия на Поклонной горе, построенного к 50-летию победы в Великой Отечественной войне. И в том же году расписал храм свв. Бориса и Глеба в Зюзине (Москва).

В 1990-е годы вообще были очень плодотворны для мастера. Он расписывал Иоанно-Богословский мужской монастырь под Рязанью, писал иконы и фрески для Троицкого храма женского Ново-Голутвина монастыря в Коломне, для московских храмов Влахернской иконы Божией Матери, Иверской часовни у Воскресенских ворот, подворья Пюхтицкого Успенского монастыря и др. Писал иконы и по частным заказам.

В 2000-е годы также работы было немало. Более десяти лет он был связан с Высоко-Петровским монастырем, настоятелем которого был в то время архим. Иоанн (Экономцев), возглавлявший отдел образования и катехизации Московского Патриархата. Отец Иоанн высоко ценил Чашкина и за мастерство, и за его человеческие качества. Он привлек мастера к преподавательской деятельности, чтобы молодые иконописцы могли получить настоящую школу. С 1999 по 2010 годы Александр Чашкин вел педагогическую деятельность – преподавал монументальную живопись в Российском Православном Универси-

Архимандрит Иоанн (Экономцев)

Александр Чашкин с протоиереем Димитрием Григорьевым (†2007), настоятелем Никольского кафедрального собора в Вашингтоне

тете им. св. Иоанна Богослова, шесть лет занимал должность декана факультета Церковно-исторической живописи. Как представитель института был председателем иконописной секции Рождественских образовательных чтений. Все эти годы Чашкин работал в Московском Высоко-Петровском монастыре и как художник, он выполнил роспись алтаря храма прп. Сергия Радонежского (2001 г.), расписал храм Толгской иконы Божией Матери (2003 – 2004 гг.) и две трапезные (2007 – 2008 гг.). Выполнил росписи для храма в театре А. Васильева.

О росписи каждого храма долго можно рассказывать, потому что, помимо художественных задач, которые так интересно всякий раз решает Чашкин, с каждым из этих храмов связано множество историй и человеческих судеб. Первый – храм в честь иконы Богородицы «Всех скорбящих Радость» в селе Богородичном рядом со Святогорской Успенской Лаврой на Украине (2004 – 2005 гг.). Для иконостаса этого храма Чашкин выполнил 45 икон. За эту работу он получил орден прп. Нестора Летописца I степени. Примерно в это же время он работал над созданием росписи храма св. Георгия Победоносца (арх. Ю. И. Харитонов) в Самаре (2005 – 2007 гг.).

В 2008 – 2011 годах Чашкин много работал в Подмосковье. Написал несколько икон для Спасо-Влахернского монастыря в г. Дмитрове (придел св. Фотинии Преображенского храма), расписал надвратную церковь в Высоцком Серпуховском монастыре, храм-часовню на Лубянке, писал иконы для храмов – Никольского в Переделкине и Казанской иконы Божией Матери в Троицке. При этом как член Союза художников (иконописная секция) Чашкин постоянно участвует в выставках, из которых немало было персональных, одна из них в январе 2005 года проходила в Белграде (Сербия), и затем была представлена

в Черногории. Александр Чашкин является членом Российской и Европейской Академии Естественных Наук. Помимо церковных наград имеет и международные: орден Большого Европейского Креста вручен ему Ганноверской Академией Естественных Наук. О творчестве А. Чашкина снято несколько фильмов.

Александр Чашкин – один из ведущих российских иконописцев и авторитетных мастеров с мировой славой. При этом он постоянно в поиске, в творчестве, в движении вперед. Мастер не считает, что все постиг и нашел, и потому стремится все время к новому. Его стиль узнаваем: это четкий рисунок, лаконизм и ясность композиций, звучность колорита. Образы всегда монументальны, в них ощущается сила и мощь духа, лики возвышенны и даже суровы, но не замкнуты, открыты контакту со зрителем, в них нет ни сладкой сентиментальности, ни холодной неприступности, которыми нередко грешат современные иконописцы. При этом Чашкину не чужда декоративность: он работает ярким, открытым цветом, звучание которого усиливается драгоценным сиянием золотых фонов, применяемых даже во фресках. Художник активно использует разнообразные орнаменты, символизирующие красоту и цветение Царства Небесного, впрочем, не отвлекая этим от главного – молитвенного общения с образом лицом к лицу.

Чашкину близка традиция византийского искусства, и он обращается к древним истокам, которые лежали в основе древнерусской иконописной школы. При этом он не копирует образцы, а лишь вдохновляется ими. Греческий прототип звучит у Чашкина по-русски открыто, византийская мощь соединяется с истинно российским лиризмом, насыщенный цвет и нарядная декоративность сочетаются с глубоким молитвенным настроением образов. В ликах с широко открытыми глазами есть какая-то истовость, заставляющая вспомнить и несгибаемых в вере русских старообрядцев, и новомучеников XX столетия, пронесших Христову правду сквозь испытания безбожного века. Древность и современность переплелись в произведениях Александра Чашкина. Он свободно владеет иконописной техникой, создает образы, понятные и близкие живущим в наше время. Каждый из этих образов – будь то Спаситель или Божия Матерь, прп. Сергей Радонежский или св. Антипа – несет в себе ту молитвенную силу, которая воспринималась всегда на Руси как духовный щит, как небесный покров.

Настенные росписи Чашкина хочется отметить особо, потому что он имеет большой дар монументалиста. Глубоко ощущая природу храмовой росписи как продолжение архитектуры, он не просто украшает интерьер храма живописью (хотя декоративность в ней предельно

А. Чашкин за работой в самарском храме Святой Софии

явлена), а делает стену – материальный объект – проницаемой для духовного образа, который словно проступает на плоскости, преображая ее, создавая зрительно достоверный мир. При этом – яркость без пестроты, торжественность без помпезности, нарядность без вычурности – все это создает в храмовом пространстве ощущение праздника и красоты творимого Богом мира.

Стилю Александра Чашкина присущ яркий темперамент и индивидуальный почерк, всегда и везде узнаваемый. Образ рождается из глубины его личного переживания веры и жизни, творческого дерзновения и осознания глубокой тайны Божественного замысла о мире и человеке. Поэтому его работы не могут оставить зрителя равнодушным. В горении цвета ощущается пульсация нетварного света, кисть мастера ощутимо пластично лепит объем, концентрируя в нем духовную силу, отсюда и энергетика образа, которая непосредственно передается зрителю. Александр Чашкин творчески разрабатывает наследие византийских мастеров, но не потому, что русские иконы и фрески ему чужды, а потому, что логика работы древних изографов ему ближе и понятней, он ищет подлинные корни и истоки иконописного искусства. А, как известно, чем ближе к источнику, тем вода прозрачнее и чище.

«ГОСПОДЬ ПОСЫЛАЛ МНЕ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ»

БЕСЕДА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «ДС»
АРХИМАНДРИТА ГЕОРГИЯ (ШЕСТУНА)
С ИКОНОПИСЦЕМ АЛЕКСАНДРОМ ЧАШКИНЫМ

Сегодня мы пришли на встречу с одним из самых известных иконописцев современности – Александром Ивановичем Чашкиным. Он уже трудился в нашем городе, самаряне знают его по росписям храма великомученика Георгия Победоносца.

– Расскажите немножко о себе. Очень интересно узнать, как же получилось, что вы жили-жили, и вдруг такие художественные у вас таланты открылись. Или они с детства у вас были?

– Можно сказать, здесь свершилось некое чудо, потому что я никогда не собирался писать иконы и начал где-то лет в тридцать пять. У меня были профессии, так сказать, взаимоисключающие друг друга. С детства я был связан с лошадьми, поскольку отец у меня – коневод. Трудиться я начинал на конном заводе, работал на ипподроме, объезжал лошадей и так далее.

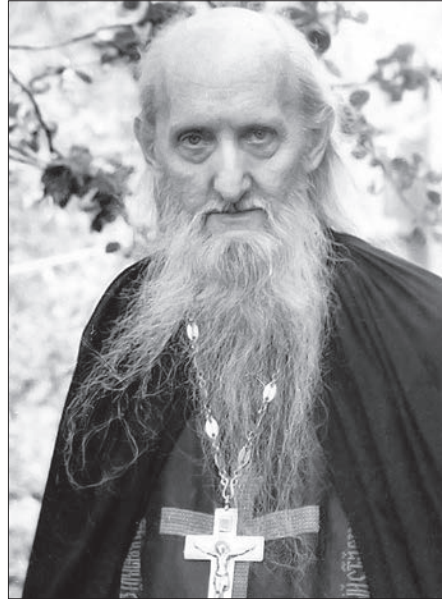
Потом у меня откуда-то взялся голос, прорезался вдруг. Мне сказали, что у меня хороший тенор, и я пошел в школу при Большом театре, закончил четырехгодичную оперную студию. Но оперным певцом не стал, потому что было мне уже тогда двадцать восемь лет, а это поздно. Зато начал петь в храме. Там у нас была некая монахиня Вера, у которой жил известный старец Сампсон¹, по-моему, он даже был схимонахом в последнее время. И как-то я зашел к ней в гости, а старец говорит: «Расскажи немножко о себе». – «Да вот пою, рисую немножечко», – отвечаю. Правда, я закончил Суриковское вечернее отделение – четырехгодичное (были такие отделения). «И вот пишу пейзажики...» Отец Сампсон ни с того ни с сего говорит: «Вера, отведи его к Зинону, он будет иконы писать». – «Батюшка, да не собираюсь я иконы писать! Просто не интересуют меня иконы. Мне они нравятся, но я думаю, их какие-то

---

¹ Иеросхимонах Сампсон (Сиверс) (1900 – 1979) родился в англиканской семье, в 1917 г. принял Православие. В 1925 г. пострижен в монашество с именем Симеон, затем рукоположен в сан иеромонаха. В 1928 г. получил благословение прп. Серафима Вырицкого на старчество. С 1932 по 1956 год находился в заключении и ссылках за религиозную деятельность. С 1958 по 1963 гг. иером. Симеон находился в Псково-Печерском монастыре. В 1966 году принял великую схиму с именем Сампсон.

святые люди пишут, и поэтому я вряд ли буду иконы писать», – говорю. «Вера, ты его не слушай, отведи к Зинову». – «А кто такой Зинов вообще?» – спрашиваю. «Как, ты не знаешь кто такой Зинов? Это современный Рублев». Ну вот, значит, понеслось, думаю – еще и Рублев современный...

И получилось так, что Вера меня несколько раз пыталась отвести, но я все отказывался. Но все-таки она меня «довела». Тогда открылся первый монастырь в Москве – Даниловский, и там как раз отец Зинов писал иконостас. Когда я туда зашел, так получилось, что он был тогда на месте, работал над какой-то иконой. Увидев Зинова, я как-то вдруг понял, что передо

Старец Сампсон (Сиверс)

мною действительно гениальный иконописец. Мне сразу так показалось, и до сих пор так думаю, не разочаровался, а наоборот, еще больше убедился. Спрашиваю его: «Можно вам помогать?» – «Да, пожалуйста! Вот здесь краски, растирать можно...» Я даже не сказал, что в Суриковском учился когда-то, что пейзажи пишу, а стал растирать краски. Растирал полгода, не говорил ничего и только смотрел, как он пишет.

И до сих пор считаю, что лучшая школа – это смотреть, как пишет другой иконописец. В дальнейшем, когда я сам стал педагогом, то использовал этот практический метод, каждый урок был и мастер-классом, показывал ученикам, как писать, брал какую-то репродукцию или несколько и говорил: «Ребята, срисовывать совсем не обязательно. Это ваша импровизация, ваше отношение к предмету. Но вдохновляться и учиться у старых мастеров, безусловно, надо».

Так вот, через год я попробовал написать икону, и отец Зинов сказал: «Это ваше дело, можете иконы писать». Более того, даже в бригаду меня принял. Тогда должны были фрески делать, но не получилось. Ему предложили расписывать Троицкий собор, он сделал эскизы, а архитекторы сказали, что если храм сделан в барочном стиле, значит, надо и живопись барочную, то есть академическую. Зинов сказал: «Я академическую живопись делать не буду». И вот до сих пор, кто вхо-

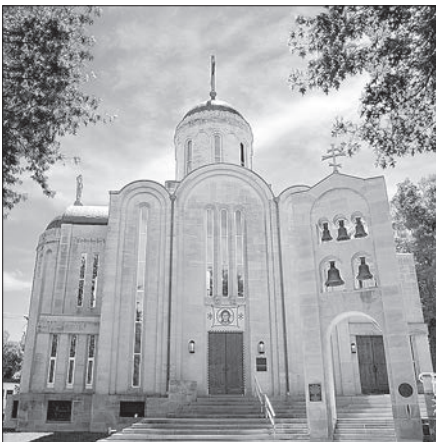
*Отец Зинон в иконописной мастерской
Псково-Печерского монастыря*

мастерских, уже серьезно стал писать иконы, и писал их несколько лет.

А потом произошло так, что меня направили расписывать мой первый храм. И этот храм очень повлиял на мою судьбу. Первая церковь, которую мне предложили расписать – Яснополянский храм, где покоятся

дид сейчас в Троицкий собор Даниловского монастыря, сокрушается: «Ах, если бы его отец Зинон расписал!», – потому что расписали собор довольно средне, в этом самом академическом стиле.

А иконописец уехал в Псково-Печерский монастырь, за ним и я отправился. Продолжал там, как бы в ранге послушника, ему помогать, делал доски, левкасил и что-то там потихоньку писал. Пробыл в Печорах наездами с перерывами года два-три. И в это же время поступил в Софринские иконописные мастерские, они даже одно время патриаршими назывались. И вот тогда я, учась и у Зинона, когда удавалось к нему приехать, и работая в Софринских

*Свято-Николаевский кафедральный собор
Православной Церкви в Америке, Вашингтон*

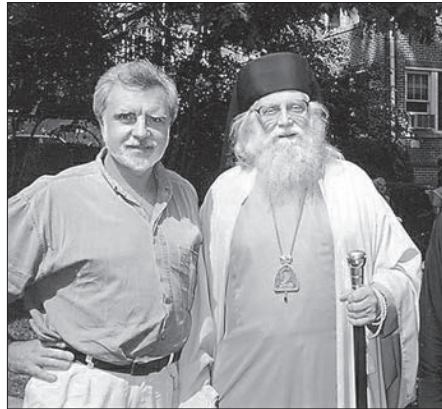
*Прибытие русских миссионеров в Америку.
Роспись собора свт. Николая в Вашингтоне.
Нач. 90-х гг. XX в. Иконописец А. И. Чашкин*

родственники Льва Николаевича Толстого. Сам он похоронен отдельно, у себя в парке, а там – его дети и многие потомки, но в основном предки. Там в Кочаках, это два километра от имения Толстого, я работал года полтора. И получилось так, имение писателя посетили американцы, которые искали русского художника, чтобы расписать кафедральный собор Американской Православной Церкви в Вашингтоне. Они объехали несколько храмов, познакомились с некоторыми иконописцами, в основном с их работами. И тут им так понравилась моя роспись в Кочаках – Яснополянском Никольском храме, что они меня пригласили расписывать православный храм в Америке. Через год я попал в Вашингтон, где фактически руководил росписью кафедрального собора.

В Вашингтоне мне совершенно удивительно повезло, потому что настоятелем храма был протоиерей Димитрий Григорьев – сын генерал-губернатора Архангельска. Это были люди очень интересные, образованные, как кто-то образно выразился «от дореволюционной мамы». Батюшка был литератором, специалистом по Достоевскому. Многие классические труды о Достоевском, в том числе «Достоевский и Церковь», принадлежат ему. Более того, там же находился и жил в то время епископ Василий (Родзянко). И я почти три года прожил рядом с таким выдающимся человеком. Не могу его назвать святым, хотя некоторые так считают, но я всегда говорю, что дух его отливал чистым золотом. Это был человек невероятной глубины и доброты. В последние годы он написал книгу,

Протоиерей Димитрий Григорьев, настоятель Никольского кафедрального собора в Вашингтоне и епископ Василий (Родзянко)

Александр Чашкин и епископ Василий (Родзянко) (†1999)

Фрагмент иконостаса Свято-Николаевского собора в Вашингтоне. Иконописец А. Чашкин

ставшую там очень известной, но здесь ее мало кто читал, она называется «Теория распада вселенной и вера отцов», в которой Владыка выдвинул очень много совершенно потрясающих идей, о грехопадении человечества и других. И я хранил дружбу и с отцом Димитрием, и с владыкой Василием до конца их жизненного пути. Встречался с ними каждый год, когда они приезжали в Москву, тем более, что владыка Василий даже жил одно время в Москве.

В те годы я много читал. Конечно, советская власть тогда только кончилась, таких книг было еще мало. И мне еще повезло в том, что отец Димитрий Григорьев был одним из ближайших друзей такого известного, теперь уже, слава Тебе Господи, и в России, богослова, как отец Александр Шмеман. Они были очень близкие друзья, и я много слышал рассказов о нем. К сожалению, не застал в живых отца Александра, он умер где-то года за два до моего приезда в Америку, но зато я познакомился со многими его замечательными трудами, которых в России тогда еще не было. Так я три года жил в Америке в потрясающе интересном обществе таких необыкновенных людей.

Свято-Николаевский собор. Вашингтон

Считается, что храм в Вашингтоне мы расписали успешно, более того, даже в «Нью-Йорк Таймс» писали, что русские художники превратили кафедральный собор Американской Православной Церкви в шедевр мирового искусства...

После возвращения я около десяти лет считался ведущим иконописцем Московской Патриархии. Расписал несколько храмов, а потом перешел на педагогическую работу, которую предложил – мне очень везло на выдающихся людей – архимандрит Иоанн (Экономцев). Он писатель такого, скажем, христианско-мистического толка. Написал несколько книг, в том числе дивную вещь «Византия, Балканы, Русь» –

богословский труд, который остался у меня в памяти. Смысл его очень прост: когда Россия утрачивала корни – византийские, святоотеческие – тогда она «заезжала» куда-то не туда. В частности, это случилось в Синодальный период и так далее.

Преподавал я в течение десяти лет в московском Иоанно-Богословском институте, шесть лет был деканом иконописного факультета. Потом отец Иоанн (Экономцев) ушел на покой, занялся литературой, искусством, потому что, пока он был председателем Синодального отдела по религиозному образованию и катехизации и кроме этого еще много должностей совмещал, заниматься творчеством возможности не имел. Я тоже ушел из института, и с тех пор расписал достаточно много храмов. В частности, десять лет назад я, по приглашению Юрия Ивановича Харитоновна, попал в Самару...

– Вот об этом поподробнее, пожалуйста.

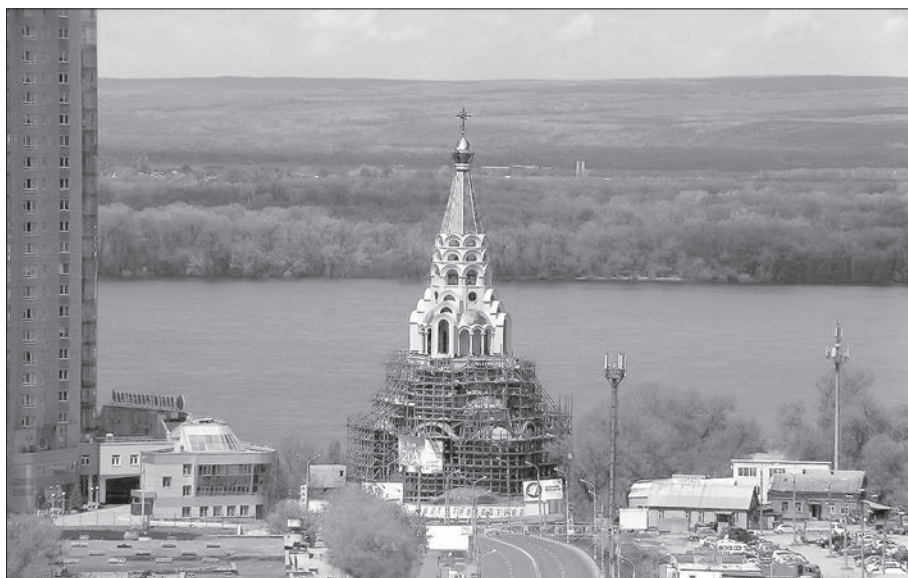
Однажды был звонок от Юрия Ивановича: «Я архитектор, сделал храм в честь св. вмч. Георгия Победоносца в центре Самары, но мне кажется, что те люди, которые должны расписывать этот храм, к сожалению, не соответствуют задаче. Потому что храм, скажем так, неовизантийского стиля, а у них несколько другой стиль...» Отвечаю ему: «Вы знаете, я, при всем желании, никак не могу приехать». Дело в том, что тогда я расписывал храм на Украине в Святогорском монастыре, который потом стал Святогорской лаврой, и второй храм в Высокопетровском монастыре, где ранее была наша, так сказать, с отцом Иоанном «образовательная база» – я там расписывал с учениками. И вот говорю: «Ну никак не могу, Юрий Иванович!» – «Нет, вы хотя бы посмотрите».

И он меня уговорил приехать просто посмотреть. Приехав в Самару, я конечно, просто влюбился в этот храм. Настолько потрясающее впечатление было, что я сказал: «Конечно, я все сделаю, чтобы здесь работать!» И слава Тебе, Господи, я его расписал с моими помощниками. Помогали и самарские художники, и московские.

И сейчас опять вышло так же, совершенно аналогичный случай. Юрий Иванович пригласил меня расписывать свой храм Святой Софии, о котором рассказывал уже давно. Владыка Сергей подтвердил приглашение. И опять, увидев храм, я был просто покорен его архитектурным решением. Вы, отец Георгий, замечательно сказали: низ храма – это катакомбы, а середина – «византийский подсвечник с русской свечой», как бы олицетворение Третьего Рима. А четвертому не бывать. И снова я был настолько поражен красотой этого храма, что, конечно, несказан-

*Храм в честь святого великомученика Георгия Победоносца, г. Самара.
Архитектор Ю. И. Харитонов*

Храм святой Софии Премудрости Божией. Самара. 2017 год. Архитектор Ю. И. Харитонов

Роспись свода храма вмч. Георгия Победоносца, Самара. Иконописец А. И. Чашкин

*Донская икона Пресвятой Богородицы. Храм святого Георгия Победоносца, Самара.
Иконописец А. И. Чашкин*

Алтарная апсида храма вмч. Георгия Победоносца, Самара. Иконописец А. Чашкин

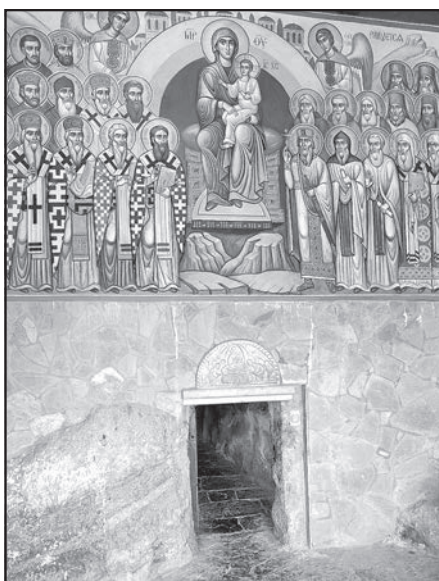

Интерьер храма святого вмч. Георгия Победоносца, Самара. Иконописец А. И. Чашкин

Дайбабский монастырь, Черногория

*Фрески в Дайбабском монастыре, Черногория.
Иконописец А. И. Чашкин*

но рад, что начал его расписывать. Если удастся его расписать до конца, буду безконечно счастлив.

Всего же я расписал около пятнадцати храмов: три на Украине, несколько под Москвой. Расписал монастырь в Дайбабе в Черногории. В Трире – Западная Германия – родина Константина и Елены, некогда там была даже столица Византийской империи, начал расписывать храм. Перечислять очень долго, ну да это и неважно. Важно то, что потихоньку, за двадцать лет моей деятельности, что-то удалось сделать.

– Юрий Иванович рассказывал, что вы человек очень пытливый, любознательный, беспокой-

ный. Все время что-то открываете, изучаете. Например, путешествуя по Македонии, Сербии, фотографировали древние фрески. И постоянно находите что-то совершенно новое. В старинном всегда можете найти какое-то новое звучание. Причем, это именно не копирование, а свое, прочувствованное.

У традиции всегда есть корень, но традиция – это не копирование, а продолжение развития. И произведения прошлого повторить не-

А. Чашкин в Дайабском монастыре, Черногория

возможно: если мы видим фрески XIV – XV века, то их писали люди XV века, а мы люди XX – XXI века. Даже, к примеру, недавно была выставка наших самарских художников-графиков 60-х годов – в их работах дух того времени, и невозможно уже сегодня так изображать.

Недавно писатель Евгений Водолазкин в своем романе «Авиатор» ввел такое интересное понятие, как «люди одного времени». Люди одного времени не делятся на поколения и не зависят от разницы в возрасте между собой, но живут в одном каком-то ментальном, духовном, художественном, культурном жизненном пространстве.

Когда мы были в прошлом году на Афоне, то имели возможность очень близко рассмотреть фрески, например, Ватопедского монастыря. И я увидел некое глубинное сходство – не внешнее, а именно в подходе к этому сюжету – между вашими росписями храма Георгия Победоносца и ватопедскими фресками. Хотя они сильно отличаются, но что-то настолько внутренне их единит, что я сразу подумал: «Это и есть продолжение традиции, которое через четыре-пять веков отзывается в нашем времени».

Посмотрев работу вашей артели в храме Софии, можно сказать, что вы продолжаете афонский стиль, но уже русского Пантелеймонова монастыря XIX – начала XX века. Этот стиль нам хорошо известен, поскольку подобные иконы во многих храмах есть, в России их

Святые Трирские и Севастийские мученики. Роспись в алтаре храма Сорока мучеников Севастийских, г. Трир, Германия. Иконописец А. Чашкин

достаточно много сохранилось. Репродукции же их почти все видели. В этом иконописном стиле передается и некая земная красота, она не теряется. Но думаю, что когда человек что-то делает, он не все умом осознает и даже подчас сам себе объяснить не может.

– Это точно.

– И мне показалось, что вы в Софийском храме взяли этот неиспорченный афонский стиль русского Пантелеимонова монастыря, а не тот живописный стиль, который затем оттеснил иконописный. И это очень меня порадовало.

Какова вообще икона конца XX – начала XXI века в России? Какие у нас стили? Есть ли единое направление, про которое можно сказать, что это и есть иконопись России XXI века?

– Думаю, что сейчас, именно в наше время, такого стиля нет. Потому что ныне время становления художников, и каждый пытается работать в том направлении, которое ему нравится. Понимаете, очень мало художников, которые, вдохновляясь шедеврами веков эпохи расцвета иконы, вносят именно свое – творческое, переосмысленное. В основном, идет некое, так сказать, плохое подражание...

Здесь очень важно понимать, в том числе и заказчикам, одну простую вещь, к сожалению, не всегда доступную многим... Известный богослов XX века, о котором я уже упоминал, Шмеман, коротко и ге-

ниально сказал, что иконописный канон – это стиль или техника, выработанная веками для изображения преображенной действительности. Вот это самая важная вещь, когда икона не впадает ни в натурализм, ни в реализм – и в то же время остается иконой, изображая эту преображенную действительность.

В России очень интересная вещь произошла. В период расцвета духовной жизни – во времена преподобного Сергия Радонежского и его учеников (конец XIV – начало XV века) родилась целая плеяда святых, например, тот же Рублев. И иконопись была, конечно, в расцвете, возникла московская школа. Это были сонмы святых. В XVI веке, хотя был Дионисий и многие другие, но это уже несколько стилизованная московская школа. А дальше пошло-поехало... В XVII – XVIII веках, после того, как Петр I послал русских иконописцев учиться мастерству на Запад, начали закрашивать шедевры мирового искусства, фрески, иконы, которые уже почернели к этому времени, и писать пупсиков вместо ангелов, «Саваофов» на облаках, хотя изображение Бога Отца запрещено VII Вселенским Собором и Московским Стоглавым, как известно. Икона вообще началась с того, что Христос вочеловечился, то есть обрел человеческую плоть, и поэтому-то мы и можем Его изображать. А святые – это уже как икона Самого Спасителя, а Спаситель – это икона Бога Отца, по мнению одного богослова.

Святой Великомученик и целитель Пантелеимон. Икона, Афон

Надпись на оборотной стороне афонской иконы: «Благословение Святой Афонской Горы Русскаго Пантелеимонова монастыря, в котором и освящена сия святая икона»

Икона Пресвятой Богородицы
«Скоропослушница». Афон

что получилось в конечном итоге. Картинки стали заменять иконы и постепенно храмы стали расписываться в так называемом барочно-возрожденческом стиле, так называемом академическом. И постепенно об иконах даже забыли. Поразительно, но ни Пушкин, ни Достоевский, к примеру, уже настоящих фресок не видели, и даже икон, возможно. Если видели, то какие-то совсем закопченные, черные.

И открытие иконы произошло фактически только в XX веке. Хотя мастерские были, конечно, и в конце XIX века, но постепенно иконопись утратила свою духовную сущность и уже в XVII – XVIII вв. стала ремесленничеством. Строганов, скажем, был великим ремесленником и в то же время, конечно, еще великим иконописцем. Но постепенно это сошло на некие картинки с религиозными сюжетами. Икона указывает путь спасения именно тем, что она есть окно в потусторонний мир, в некий преображенный мир, который, может быть, был до грехопадения людей или будет после Второго пришествия. Но икона – окно именно в горние миры. Картинка этого не показывает, поэтому произошла путаница. Более того, если при Сергии Преподобном были сонмы святых, то потом их становилось меньше и меньше. В XVII веке еще меньше, в XVIII веке всего несколько человек. В XIX веке, правда, один прп. Серафим Саровский чего стоит, но это – единицы.

К чему я все это говорю? Икона всегда отражала духовное состояние как общества, так и Церкви. И естественно, что в начале XX века, когда

Иконичность, которая есть сумма приемов, выработанных веками для изображения преображенной действительности, сохранялась до какого-то времени. А потом в России абсолютная путаница пошла. Более того, патриарх Никон, как известно, пытался прекратить эти так называемые «фряжские картинки», которые не очень образованные люди покупали и молились на них. И он даже ввел освящение икон, которого, оказывается, раньше не было, чтобы различать, что это вот действительно икона, на которую можно молиться, а это картинка, и на нее молиться нельзя. Но из этого мало

реставраторы отмыли почерневшие доски и открылись старые иконы, Рублев и так далее, произошло возрождение иконы. Это было где-то в 50 – 60-х годах прошлого века. В Лавре стали работать мастерские. Матушка Иулиания начала этот процесс, а отец Зинов продолжил. Сначала он работал в стиле московской школы, потом перешел на «византию». Сейчас его поиски уже очень сложны...

– **Докатакомбная живопись.**

– Да. В Питере он расписал храм, где за основу взял именно катакомбную живопись, и это тоже очень интересно. Почему? Потому что, если пишет Зинов, то мы говорим не просто о картинке, и не только об историческом свидетельстве, а именно о неких преображенных мирах. Ведь разница между живописью и иконой состоит еще в том, что икона являет горние миры, а живопись изображает их. Живопись исторически свидетельствует об апостолах, святых и так далее. Но икона не только свидетельствует, она являет. Не только мы смотрим на икону, но и икона смотрит на нас. И сейчас происходит становление подлинной иконописи. Конечно, большинство иконописцев просто подражает, они копируют схему, которую затем раскрашивают. Но в то же время появилась плеяда очень интересных иконописцев, которые имеют свой стиль, и их иконы уже узнаваемы. Не скажу, что они – это эпохи высокого стиля, византийского или русского, но, в то же время, они создают очень достойные и интересные иконы.

– **Вы правы, что в Церкви все неотмирное: архитектура, изображения, пение.** Дело в том, что Церковь есть Тело Христово на земле. Приходя в храм, мы приходим ко Христу, Который говорит, что мы не от мира сего. Но когда мир проникает в человеческие души, обмирщая их, то происходит потеря, обесценивание самого главного. Произошла десакрализация, в том числе и государственной власти. К сожалению, мы видим до сих пор крайне небрежное отношение к этому: был император Николай – расстреляли, бывает. Эта десакрализация касается и современной власти тоже – и мирской, и церковной. Посмотрите на отношение к Патриарху, когда у нас любой берет его критиковать, хоть мирянин, хоть священник. Также любой может критиковать своего Президента, например. Этот результат человеческого обмирщения.

Что же происходит с нами в XXI веке? А происходит то, что началось в XIX веке или, может быть, еще в петровские времена – всеобщее отпадение от Христа. Этот процесс сейчас нужно как-то остановить, попытаться повернуть вспять. Наверное, возникают трудности и в возвращении богословского понимания иконы.

Сегодня, например, у нас нет верного способа различения иконописцев и копиистов. Заходишь в храм в любом городе страны и видишь везде одни и те же изображения. Это напоминает советское время, где-то 50 – 70-е годы, когда заходишь в любой дом, и везде все одинаково. Не делалось ничего красивого, что можно было бы повесить в квартире или деревенской избе, а только коврики с лебедями, которые на каждом рынке продавались. Вот заходишь – видишь фикус и коврик с лебедями. А сейчас похожая ситуация в наших храмах: заходишь – словно одна рука прошла. Бригады разные, артели разные, а рука одна. Чем же принципиально отличаются копиисты от иконописцев?

– Думаю, прежде всего, верой в то, что смысл земного существования именно в преображении нашего естества – не только духовного, но, в конечном итоге, и физического. Икона также есть путь к преображению. Полагаю, ремесленник, просто-напросто раскрашивающий схему, отличается от творческого, духовно мыслящего иконописца именно тем, что иконописец должен быть глубоко верующим человеком. И мастер, конечно, должен обладать нужными знаниями, быть любознательным, изучать то, что было до него. Многие, к сожалению, элементарных вещей не осознают, не знают, чем отличается икона от картинки и так далее. И призвание должно быть, как и во всяком деле. Когда человек не очень талантлив, он просто будет раскрашивать схему, так называемую прорись. Взял готовый рисунок, сделал прорись и раскрашиваешь. Поэтому у нас куда ни придешь, везде обязательно «Троица» Рублева. Притом в исполнении Рублева – это шедевр, отголосок горних миров, а в исполнении современного иконописца, если к тому же он не очень духовен, это просто раскрашенная схема. Гениальный рисунок может быть и повторен, но от гениальной иконы в нем очень мало что остается. Поэтому, думаю, главное для иконописца – вера.

– Мы тоже немножко изучали храмовую роспись и заметили такое явление: могут быть разными и очень сильно отличаться друг от друга стили и уровень мастерства, особенно в период с XII по XV век, иногда и вовсе примитивизм присутствует, но везде очень жесткий канон росписи храма. Вот что непоколебимо. Сегодня мы не только перестали отличать икону от картинки или от копии, но множество иконописцев практически не знакомы с каноном храмовой росписи. И когда спрашиваешь: «А почему ты здесь вот это написал, а тут – вот это?» – слышишь в ответ: «Ну, не знаю. Так делают, традиция такая». Какая традиция? Есть же канон, где что в храме должно быть изображено.

Думаю, что есть проблема именно восприятия росписи храма как единой картины. Ведь храм, как Библия – единая Книга, в которой

Святая Троица. Храм святого вмч. Георгия Победоносца. Иконописец А. И. Чашкин

Господь Саваоф. Купол храма Христа Спасителя. Москва. 1999 год

много событий, чудес Божиих, заповедей, святых людей. И где в храме что изображать? Поэтому и существует канон росписи храма, чтобы отобразить Божественную премудрость.

Как же быть с заказчиками, которые говорят, например: «А я хочу, чтобы вы здесь вот это написали»? Уступать или соблюдать канон? Вы рассказали, как отец Зинов жестко ответил: «Я не согласен, и в таком стиле расписывать не буду». Мне думается, что это верный подход, иконописцам иногда и надо такими быть, подтверже... Мы же, священники, на богослужении не говорим, мол, а я хочу вот так служить, и тем более не спрашиваем у прихожан, как бы им больше понравилось. Есть канон богослужения, есть канон храмостроительства, есть канон храмовой росписи.

А по вашим наблюдениям знакомы ли современные иконописцы с этими канонами?

– Если говорить не о каноне, а о традициях, то, например, в послепетровские времена в храме могло быть все что угодно. В начале беседы я упомянул труд Экономцева «Византия, Балканы, Русь». В нем говорится, что когда мы отрываемся от святоотеческого предания, от этих самых канонов, от неких правил, то можем завернуть в такие дебри. Примеры я уже приводил: католическое влияние послепетровского времени привело к тому, что в традицию вошло изображать на куполе храмов Господа Саваофа. Так было, в том числе, даже в храме Христа Спасителя.

Интересная беседа была у нас со Святейшим Патриархом Алексием II. Он меня вызвал, когда я только из Америки вернулся, и спрашивает: «Александр Иванович, как мы будем расписывать храм? Вы мне посоветуйте». Я говорю: «Ваше Святейшество, дело в том, что если расписывать в академическом стиле и пытаться повторить все, как было сделано в XIX веке, то это не совсем канонически. Более того, при этом некую ущербность Синодального периода мы перетягиваем в XXI век.

В 1995 г. Святейший патриарх Алексий II наградил А. Чашкина орденом святого Владимира III степени

Например, изображение в куполе Саваофа, которое запрещено все-таки, а многие даже не знают, что два Собора запретили подобное изображение, таким образом оно не просто неканоническое, а даже еретическое по определению двух Соборов».

Что же касается угождения заказчикам... Существует очень твердый канон, основанный на Божественной иерархичности мира. Если купол, то в нем должен быть Господь Иисус Христос – Пантократор, Вседержитель. Дальше должны быть архангелы, херувимы, серафимы. Дальше могут быть пророки, которые возвещали о пришествии Христа, или в каких-то иных случаях Двенадцать апостолов.

Купол изображает Горние миры, к которым апостолы и пророки имеют самое прямое отношение, поэтому другого ничего не придумаешь. Дальше евангелисты в «парусах» и так далее, и так далее. Другое дело, что в самом низу может быть живописание конкретного праздника или жития святого, которым посвящен храм, здесь это уже большая свобода.

Жесткий канон, конечно, существует. Здесь надо следовать тем самым правилам, которые нам оставили древние иконописцы, богословы, отцы Церкви. Потому что без этого храм может превратиться во

*Господь Вседержитель. Икона, 2017.
Иконописец А. И. Чашкин*

*Икона Пресвятой Богородицы «Умиление»,
2008. Иконописец А. И. Чашкин*

что угодно. Недавно показали «церковь», построенную Вангой, спроектированную и разрисованную известным поклонником Рериха – то, что получилось, храмом не назовешь. Поэтому не стоит говорить, мол, заказчик настаивает, что там должно быть то, а там – это. Другое дело, когда благодетель говорит: «Хочу, чтобы в храме моего святого или святых моей семьи нарисовали», – да ради Бога, пожалуйста! Это совершенно нормально. Канону, правилам надо следовать неукоснительно, я думаю.

– Все же главное, для чего храм нужен – для служения Литургии. Это важнейшая служба. Поэтому очень значимо, что будет написано в алтаре.

– Да, основа основ в храме – это Литургия. В алтаре изображается Божия Матерь, хотя сейчас это правило тоже часто нарушается. Литургия – это таинство единения в любви. Связь таинства с Горними мирами, безусловно, должна отражаться и в росписи алтаря. В нем обязательно святые отцы изображаются: Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и так далее.

– Литургисты.

Роспись алтаря храма вмч. Георгия Победоносца. Самара. Иконописец А. Чашкин

– Литургисты обязательно, да. Выше изображается Евхаристия – Господь с апостолами. В этом дух самой Литургии и алтаря как места, где она свершается.

– **Из работ специалистов по богословию икон можно узнать, что есть большая разница между копией иконы и списком с иконы. Оказывается, почти две тысячи лет вообще не делали копии с икон, а только списки с них. И мы часто слышим: «Вот чудотворный образ, а это список с него». Чем же копия от списка отличается?**

– Как я уже говорил, копия – это просто добросовестно переложённая и раскрашенная прорись. А такой работой можно даже вовсе без молитвы заниматься. Про список приведу самый яркий пример, который могу сейчас вспомнить: когда Рублеву предложили сделать копию Владимирской Божией Матери, он же совершенно другую сделал икону! По своему силуэту она также была Владимирской, а по ликам, по всему другому, она уже была именно абсолютно рублевская.

– **Получается не другая икона, но та же самая – Владимирская.**

– Конечно! Когда я расписывал Иверскую часовню на Красной площади, там произошла такая интересная история. Все иконы я должен был сделать за очень короткий срок – где-то тридцать икон за полтора месяца. И иначе ничего не придумаешь, как мне сказал министр, потому что открытие отменить нельзя, а иконы написать забыли. Саму Иверскую икону заказали лучшему иконописцу Афона отцу Луке. Отец Лука делает икону, но мне сказали, мол, а вдруг не успеет, ты тоже напиши Иверскую. Но мы успели, и Лука сделал, и я, да еще плюс те тридцать икон. Комиссия посмотрела – совершенно разные две иконы, просто абсолютно. Тогда сказали: «Пускай там будут обе иконы». Вот они до сих пор там вместе и висят: справа моя, прямо Луки, а слева – XVII или XVIII века. И все они совершенно разные.

Икона должна вдохновлять, в том числе и мастера. А в наше время говорят, что иконопись – это не творческое дело, а бесконечные копии. «Не надоело вам одно и то же рисовать?» – меня же даже, бывает, так спрашивают. Ни один подлинный, настоящий иконописец не делает одно и то же, но каждый раз совершенно разное.

Например, Владимир Кидишевич, – сербский иконописец, который тоже работал в Самаре. Он делает каждый раз то, что ему открывается свыше, что называется, по наитию. И он может делать одного и того же святого с несколько даже разными ликами. Более того, иногда, может быть лик и не похож на то, как мы его себе представляли, но ты сразу чувствуешь, что это тот самый святой. Владимир совершенно уникаль-

Иверская икона Божией Матери. 1-я пол. XI или нач. XII в. Оклад – нач. XVI в. Иверский монастырь, Афон

Иверская икона Божией Матери. 1995 г. Иконописец иеромонах Лука. Иверская часовня, Москва

Иверская икона Божией Матери. 1997 г. Иконописец А. И. Чашкин. Иверская часовня, Москва

Иверская-Парижская икона. Вывезена из Москвы наполеоновской армией в 1812 году. Ныне находится в русском храме Трех Святителей в Париже

Иверская икона Божией Матери. 1648 г.
Иконописец иеромонах Ямвлих. ГИМ,
музей «Новодевичий монастырь»

Иверская икона Божией Матери. 1699 г.
Иконописец Кирилл Уланов. ГММК

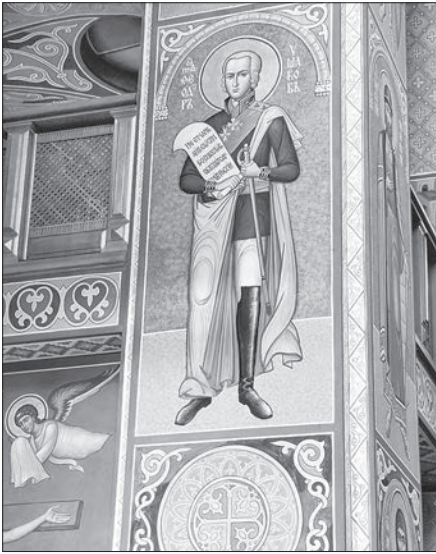

Иверская икона Божией Матери. 1898 г.
Иконописец В. П. Гурьянов. Частное
собрание, Москва

Иверская Монреальская икона
Божией Матери. 1981 г.

*Святой праведный воин Феодор Ушаков.
Храм святого вмч. Георгия Победоносца.
Самара. Иконописец А. И. Чашкин*

ный, гениальный иконописец, я считаю. Ему это дано свыше. И дай Бог, чтобы это было дано и не только ему, но всем хорошим иконописцам – именно делать списки и вкладывать свое отношение к священному образу.

– С течением времени люди меняются, и меняется их взгляд на мир. Сейчас выпускают сборники репродукций списков различных икон, собранных за всю историю. Например, Казанской иконы Божией Матери, Владимирской и т.д. Листаешь эти альбомы – все списки совершенно разные. Потому что люди разные. В XV веке одни писали, в XVII – другие, и в XIX, в XXI... Но они все же узнаваемы, взглянешь

и сразу скажешь: «Это Казанская, а это Владимирская».

Но сейчас, мне кажется, для наших иконописцев серьезное испытание – это иконы новомучеников. Этих святых можно увидеть на фотографиях, и поэтому многие считают, что их иконы должны быть такими же, как фотографический портрет. И здесь возникают трудности. Например, царя Николая иногда пишут в полковничьем мундире, как на фото. Но он же не как военный погиб на поле боя и не служил, как святой праведный адмирал Феодор Ушаков. Он – Государь и страстотерпец, Царь и мученик. Думаю, что написать хорошую икону новомученика, которого все знают по фотографиям, – экзамен для иконописца. Как же превратить портрет в икону?

– Думаю, что это очень непросто – именно каким-то образом пройти между натурализмом и символизмом, чтобы получился не фотографический портрет, но некий духовный образ, потому что мы же пишем святого, а это значит, что он стяжал тот самый Святой Дух. Здесь уже не материя должна звучать, не внешние данные преобладать, а некий внутренний дух. Это очень сложно.

Основные лики, которые изображаются, например, апостолы Петр и Павел, святитель Николай Чудотворец, великомученик Пантелеимон и так далее, всем хорошо известны. Хоть и пишут их немножко по-разному, но они узнаваемы. Все-таки произошел отбор веками. С изобра-

Святые Новомученики. Храм святого вмч. Георгия Победоносца. Самара. Иконописец А. И. Чашкин

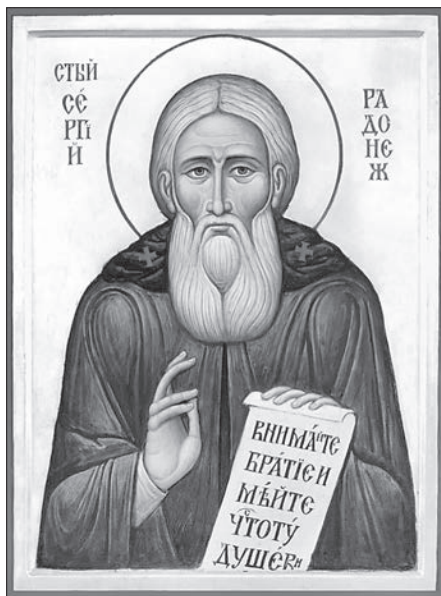
жением недавних святых, фотографии которых мы видим, еще предстоит пройти этот путь.

Я пытался, и для меня это очень сложно. Моя икона страстотерпца царя Николая висит где-то в храме в Сербии¹, там он особо почитаемый святой. Так вот получился тот образ, где преобладает внешнее сходство. Думаю, что я еще не уловил тогда главное...

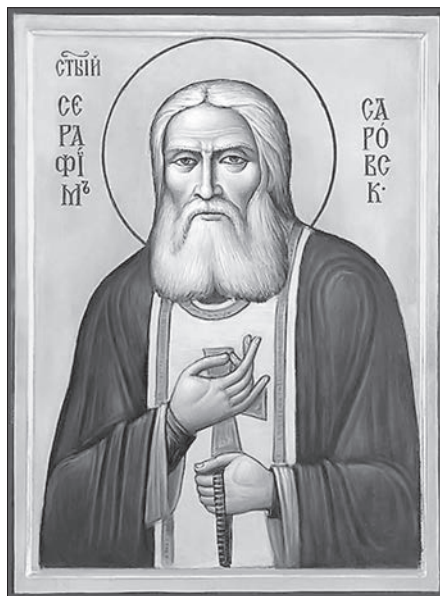
Преподобного Сергия Радонежского изображают уже абсолютно иконописным, и здесь проблем больших для художника нет, потому что он есть в разных вариантах. Как ни странно, если кто-то пробует создать в более иконописном стиле образ преподобного Серафима Саровского, он как-то непохож становится. А когда делают абсолютно похожим, то сразу слишком реализмом, натурализмом отдает.

¹ Икона подарена А.И. Чашкиным женскому монастырю Пресвятой Богородицы в Русово, Черногория. Находится в храме святых Царственных Мучеников, построенном по проекту Ю.И. Харитонова.

Единственный на территории Черногории и Сербии храм в честь Царских страстотерпцев Романовых был заложен в 2005 г. В его фундаменте перезахоронены останки паштровических страдальцев, павших в XIV в. в бою с армией Людовика. Строительство этой небольшой деревянной церкви в русском стиле было закончено в 2006 г. Об этом событии митрополит Черногорский и Приморский Амфилохий сказал следующее: «Глубоко меня трогает судьба Царственных Страстотерпцев. Я всем рассказываю о доме, в котором они были убиты, и о Ганиной Яме. Само событие убийства Царственных Страстотерпцев – это историческая грань мирового масштаба. Так же, как и прославление их в лике святых. И эти храмы на их криви – именно явление мирового масштаба».

Преподобный Сергий Радонежский. Икона.
Иконописец А. И. Чашкин

Преподобный Серафим Саровский. Икона.
Иконописец А. И. Чашкин

Поэтому, что касается новомучеников, то я думаю, это дело времени – все должно «отстояться». Появятся изображения, где новомученики уже явят из себя некий преображенный лик. И сейчас некоторые талантливые иконописцы пытаются что-то сделать, но удаётся достаточно редко, поскольку новомучеников изобразить именно в иконописном стиле очень сложно.

– **Как вам в Самаре работается?**

– Все слава Богу пока что. Благодаря владыке Сергию я пытаюсь более в русском стиле работать, как вы говорите, в афонском. Это для меня новая задача – немножко измениться и что-то добавить для себя в пластик русской иконы. Дай Бог, чтобы это мне удалось. Для меня большая честь, конечно, что меня сюда Владыка пригласил, я очень благодарен и Юрию Ивановичу Харитонову. Дай Бог, чтобы этот храм состоялся на серьезном духовном и художественном уровне.

Скажу такую вещь, может быть, москвичам это будет слышать немножко странно, но в Москве фактически нет ни одного цельного храма, который бы в одной манере был сделан. Там вообще очень мало таких храмов, которые от и до делает один художник в едином стиле, в едином, что называется, порыве. Обычно возникает какая-то эклектика, потому что один начал, второй продолжил, следую-

щий, пятый-десятый... Иконы часто не соответствуют росписи, роспись – архитектуре. На Украине же я знаю несколько таких «цельных» храмов. Например, в Святогорском монастыре храм от и до я делал – и иконостас, и роспись. Рядом, в соседнем храме, работал Александр Солдатов (сейчас он ведущий иконописец Троице-Сергиевой Лавры) – тоже получилось очень хорошо, в едином стиле. В Москве это редко бывает, к сожалению: то заказчика нет, то они меняются, то вкусы меняются.

Еще такой момент бывает, которого желательно избегать, но редко удается, а именно, когда храм делают к какому-то событию, к какому-то времени: вот вам полгода-год и чтобы все было готово. Тогда приглашают человек тридцать-сорок, и получается кто

Страстотерпец Царь Николай II. Рустово. Черногория. Иконописец А. Чашкин

Монастырь в Рустово. Черногория. Справа храм святых Царственных Мучеников. Архитектор Ю. И. Харитонов

*А. И. Чашкин, Ю. И. Харитонов
и В. С. Кидишевич*

в лес, кто по дрова, какой уж тут единый стиль. К событию-то успевают, но событием роспись такого храма уже не является, к сожалению.

Очень радует, что в Самаре есть хорошие примеры. Дай Бог, чтобы и этот Софийский храм был таким. Мне показали небольшую церковь в честь иконы Божией Матери «Знамение»,

которую расписал Владимир Кидишевич. Считаю, что это шедевр искусства мирового значения. Когда я зашел в храм, мое первое впечатление было поразительное, настолько единый стиль, настолько исполнено гармонично, на одном дыхании! Просто удивительно, потому что сейчас таких храмов крайне мало.

В том храме я вспомнил, что когда впервые увидел росписи Кидишевича в Черногории, в Будве, куда мы приехали с Юрием Ивановичем, я сказал тогда, что это новый Феофан объявился! Художник всегда отражает в какой-то мере современность. Да, он не может писать, как старые мастера, но при этом в духе его работ должен быть дух вечности. Понимаете? И вот, например, в храме в Будве и в храме «Знамения» в Самаре этот дух есть. Когда я зашел в него, мне подумалось: это художник XI – XII века. Потом думаю, нет, это современный художник, но в его иконах – этот самый дух вечности. Он один у подлинного иконописца и творца фресок.

Надеюсь, что все состоится и в Софийском храме. Он совсем другой, дворцового какого-то плана. Для меня он похож на дворец, поэтому мы решили делать на светлых фонах, чтобы была некая серебристость, некая особая торжественность. Дай Бог, чтобы это удалось сделать, дай Бог.

Могу безконечно восхищаться моим старинным другом архитектором Юрием Ивановичем Харитоновым, потому что каждый его храм – это совершенно уникальное явление. Более того, когда я бываю на московских собраниях, то всегда в числе самых выдающихся архитектурных событий отмечают его творения. Храм Святой Софии уже первые места занял. Когда обсуждали его храм Всех Святых византийского направления, все восхищались.

Да, прекрасно, когда люди болеют душой за свое дело и рождаются такие замечательные вещи.

*Фрески храма в честь иконы Божией Матери «Знамение», г. Самара.
Иконописец Владимир Кидишевич*

– Творчество с Божией помощью осуществляется – через душу, сердце, руки творцов. Давно заметил, что серьезные люди, которые трепетно к своему делу относятся, все время думают, размышляют, переживают. Вот и владыка Сергей у нас тоже все время переживает и думает, как все должно быть. Не сразу ведь иной раз решение рождается. Приходит подчас как откровение. И прежде, чем вас пригласить, Владыка ведь перебрал много вариантов, и все равно что-то его не удовлетворяло...

Конечно, храмов сейчас намного больше, чем таких иконописцев, и епархий намного больше, чем таких опытных митрополитов, которые несут в себе осмысление всей 2000-летней истории, опыта и традиции Православия.

И поэтому, я думаю, сейчас имеют право на жизнь и хорошие копии. Но есть храмы, которые являются знаковыми примерами, эталонами для будущего, по которым будут изучать церковное искусство XXI века. В Самаре у нас есть такие храмы. Храм Святой Софии – совершенно уникальный и по архитектуре, и по росписи, сочетающей в себе традиции и XXI века, и русского Афона.

Помню, к нам в Самару приехал митрополит Нижегородский Георгий. Как бывший эконом Троице-Сергиевой Лавры, он отлично знает все о строительстве и реставрации. Так когда он увидел храм

Георгия Победоносца, то ахнул и принялся рассматривать каждую деталь. Там же все уникальное и авторское – от росписей до дверных ручек и водостоков.

Каждый храм строят трое – архиерей, архитектор и иконописец. Часто ли бывает, когда они действительно понимают ценность и значимость трудов и опыта друг друга?

– К сожалению, это очень редкий случай. Более того, многие храмы просто удивительно как легко удаётся обезобразить: приглашают каких-то благодетелей, которые находят дешевых иконописцев, прекрасно портящих храмы. Таких храмов я видел множество. И когда спрашиваешь: «Как же так? Это же и не иконы уже, и не академизм, это не поймешь вообще что!», – то в ответ говорят: «Ну, на что у нас средств хватило, так и сделали». – «Уж лучше бы были пустые стены...»

Поэтому, когда есть художественный вкус у церковного начальства – это прекрасно. Приведу маленький пример чуда о вашем митрополите. Когда я был у него в первый раз, мы обсуждали, что писать на куполе. «Само собой, значит, Спас Пантократор, а дальше, – говорю, – надо сделать, естественно, архангелов или ветхозаветных пророков». Владыка меня вдруг прерывает и говорит: «Нет, там апостолы должны быть». Возражаю: «По правилам должны быть все-таки архангелы, а уж потом апостолы». – «Нет, ты все-таки сделай апостолов». Что-то очень странно выйдет, думаю... Когда после этого разговора я пришел еще раз на купол, то вдруг увидел, что в промежутках между окнами впишутся только апостолы и больше никто: для архангелов там элементарно места не хватит для крыльев, тогда как внизу они разместились как надо. Понимаете, здесь у Владыки на уровне каких-то интуиций мысль возникла, и он абсолютно попал в точку. Естественно, канон я соблюдал тем, что выше апостолов сделал в кругах херувимов. В итоге и апостолы там, где надо, стоят и архангелы – там, где надо.

Теперь, когда Владыка мне сказал: «Больше русского стиля», – я сначала подумал: «А как я – смогу или нет?» Потом попробовал, и вдруг меня осенило, что в русской пластике столько прелести своей удивительной! С этого я начинал, и теперь снова вернулся к началу. Но теперь это мне добавило что-то, я надеюсь, в моем творчестве.

– Здесь есть еще один момент, который отмечал наш хороший друг, профессор Виктор Николаевич Тростников, недавно ушедший уже из России земной в Россию небесную. Он мне все время повторял: «С тобой как с архимандритом я спорить могу и буду, но с архиереем никогда спорить не буду, это, – говорил, – непозволительно». По-

Купол Софийского храма г. Самары. 2017 год

этому вы тоже иногда внутренне были не согласны, но со смирением принимали все слова Владыки, и оказывается, что это так и надо.

– В конечном итоге получается, что он был прав.

Проект собора Софии Премудрости Божией. Архит. Ю. И. Харитонов

Иконописец Александр Чашкин

– В «Очерках из истории Церкви» священника Сергия Мансурова церковная история показана как история присутствия благодати Духа Святаго: где был Дух в историческом плане, там была и Церковь.

Часто приходится слышать вопрос: «Почему в Самаре строят храм Софии Премудрости Божией?» Наш владыка, понимая, что Софийские храмы – это столичные храмы, все же решился испросить благословение у Патриарха Кирилла, и Святейший благословение дал.

Храмы в честь Софии Премудрости Божией всегда строились там, где возрождается Православная Цивилизация, имперский дух. И то, что он возводится в Самаре, провинциальном городе – это некий намек на то, что самарская земля может еще послужить этому возрождению. В столице это сделать очень трудно сейчас...

– Да, в этом есть именно имперское звучание. В Новгороде, в Киеве и, естественно, в Константинополе – три самых известных храма Софии. А теперь еще в Самаре.

Надеюсь, что здесь мы увидим один из великих этапов возрождения.

– Благодарим вас за беседу и желаем успеха!

«Духовный Собеседник» в 2018 году

Судьба Царя – судьба народа. Публикации к 100-летию трагических событий в России.

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Беседы главного редактора «ДС»:

с Героем России, космонавтом Сергеем Васильевичем Авдеевым;

с заслуженным деятелем искусств России, дирижером Владимиром Федоровичем Коваленко;

с главой Общества православных врачей России, профессором, доктором медицинских наук Александром Григорьевичем Чучалиным;

с известным грузинским иконописцем Зурабом Модебадзе.

Публикация к 100-летию со дня мученической кончины доктора Евгения Сергеевича Боткина, канонизированного на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 3. 02. 2016 года.

Повесть протоиерея Евгения Зеленцова «Последняя дорога».

1-я стр. обложки: Крестный ход из Самары в Ташлу. Фото священника Григория Краснова.

2-я стр. обложки: Святыня Поволжья, явленная ташлинская икона Пресвятой Богородицы «Избавительница от бед».

3-я стр. обложки: Молебен на святом источнике на месте явления иконы «Избавительница от бед» в день празднования 100-летия со дня ее обретения. 21 октября 2017 г. Фото Андрея Юркова.

Издание зарегистрировано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская Епархия Русской Православной Церкви.

№6(92). Отпечатано в типографии ООО «Экополис», адрес 443034, г. Самара, ул. Енисейская, д. 43.

Подписано в печать 10.12.2017 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ**
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 1-ое полугодие 2018 года.

**Духовный
Собеседник**

- В любом почтовом отделении России – наши подписные индексы:
39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
П3160 – в электронном каталоге «Подписные издания. Официальный каталог Почта России»
3160 - в официальном каталоге Почты России «Подписные издания».
22202 - в каталоге периодических изданий Республики Крым и г. Севастополя.

Напрямую (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **290 рублей** за один экземпляр журнала с учетом доставки до адресата - только на территории России) в редакцию по следующим реквизитам:

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с 40702810003000022347 в Приволжском филиале ПАО «Промсвязьбанк» г. Самара

БИК 042202803 к/с 30101810700000000803

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 1-ое полугодие 2018 года.

на ___ номеров.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

Наложным платежом, обсудив и оформив заказ по указанным телефонам.

**Духовный
Собеседник**